

У2(Ф)

к56

А. КОВАЛЬЧУК

**РАССКАЗЫ
РАЗВЕДЧИКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1968**

10010370448 11 1983

Уе(90
RS

А. КОВАЛЬЧУК

РАССКАЗЫ РАЗВЕДЧИКА

**ПЕРЕВЕЛА
С УКРАИНСКОГО
В. БЕЛОВА**

755983

С (Укр.) 2

К 56

РИСУНКИ Ю. РЕБРОВА

7—6—3

РАЗВЕДЧИК — ОБ ОТВАЖНЫХ РАЗВЕДЧИКАХ

Дорогие ребята, вы держите в руках книгу рассказов известного украинского писателя Александра Ковальчука. В них правдиво рассказано о фронтовых буднях войсковых разведчиков, о подвигах. Жестокая, кровопролитнейшая из войн опоясала солдатским ремнем людей самых различных мирных профессий. Но всех их объединила одна высокая цель: свято выполнить свой воинский долг перед Родиной, освободить поработанные немецким фашизмом народы Европы.

Не богатыри, не сверхчеловеки, не бесплотные призраки, а обыкновенные советские парни со своими радостями и печалью бесшумно уходят в очередной поиск, и только грозовые ночи знают, как трудно им в тылу врага.

Вот они ползут по громыхающей «ничейной» полосе — отчаянный Сербиненко, неразговорчивый Сомов, изобретательный Пушкарь, не по годам мудрый Сорокин, безусый Фролов, смекалистый Савченко... Война научила их ненавидеть и уничтожать врага, но не смогла испепелить в их

сердцах самого прекрасного — гуманизма. Ценою своей жизни спасает Федор Чуйков немецкого мальчика-сиротку... Рискует судьбой разведгруппы лейтенант Добриченко — во имя того, чтобы сохранить Пауля Шиффа для новой, демократической Германии... Застыл над трупом славного польского мальчугана Вацека скорбящий Сомов... Спасает от смерти старого учителя и его жену сержант Сорокин...

С первых же страниц книги читатель почувствует, что война — это прежде всего тяжкий труд. Денный и ночной, до соленого пота и кровавых мозолей, до синяков и травм. Разведчикам, как и всем смертным, ведом страх, но они побеждают и его. Мучают бойцов сомнения, тревоги, неизвестность, однако в минуту смертельной опасности выдержка и сила воли спасают разведчиков от, казалось бы, неминуемой гибели.

Почему же эти рассказы так волнуют, заставляют переживать, мучиться, тревожиться, радоваться?

Скорее всего потому, что А. Ковальчук — участник Великой Отечественной войны, бывший разведчик — ведет речь о подлинных разведчиках одной из гвардейских дивизий. Вместе со своими боевыми друзьями он не раз хаживал в тыл врага за «языком», с боями входил в пылающий Берлин и золотую Прагу, укрывался одной плащ-палаткой на троих, ел, как говорится, нелегкий солдатский хлеб. Он был рядом со своими однополчанами и в жаркой

схватке на руинах Сталинграда, и в трудном поиске на правом берегу Днепра, и в страшную августовскую ночь за Вислой. Поэтому в каждом рассказе так свеж и жарок ветер боя, поэтому так скуп и сдержан авторский язык. А. Ковальчуку удалось убедительно раскрыть внутренний мир советского воина, его помыслы и чаяния, взгляды на войну, беспокойство о послевоенных судьбах народов. В книге много удачных находок, тонко подмеченных, запоминающихся художественных деталей. Лаконично, только при помощи слуховых образов передано нечеловеческое напряжение в рассказе «Дальний рейд». Отлично выписан подвиг Валентина Грицюты («Посылка»). Правдиво показана ошибка сержанта Багрия («Зеленые ракеты»). Удачны, на мой взгляд, рассказы «Лунные ночи», «Двадцатый», «Необыкновенный экипаж».

Невольно хочется узнать, как сложилась жизнь героев этой книги после войны...

Любознательный читатель на какой-нибудь из сибирских строек встречается плечистого мужчину в брезентовой куртке. Незнакомец пожмет вашу руку так, что из глаз долгонько будут сыпаться звезды. А он, улыбнувшись одними глазами, пробасит:

— Братскую строил... Теперь здесь бригадиром у монтажников. А малой Сомов институт кончает.

По щедрой полтавской земле ходит се-

дой неугомонный агроном, что-то записывает, думает, ко всему приглядывается. Земляки его говорят, что Гуля «и до сих пор на два километра в глубь земли видит»...

На одной из фабрик в Ивановской области вас приветливо встретит инженер-текстильщик. Сухощавый, стройный, обходительный с подчиненными, резковатый с начальством, даже директору фабрики от него достается. Знакомьтесь: Николай Спиридонов. Да, да, бывший сержант, разведчик...

Живы-здоровы и многие другие фронтовые друзья, побратимы по оружию. Люди, достойные подражания, с чистыми сердцами и мужественными характерами. Люди, совершившие светлые поступки и беспримерные подвиги.

Не всем им выпало счастье дожить до мирных солнечных дней. Но они всегда с нами.

Генерал-полковник
Дегтярев Г. Е.

НЕОБЫЧНЫЙ ЭКИПАЖ

Из лесных дебрей на поляну вышел, пошатываясь, коренастый солдат в странном зелено-желтом костюме. На обветренном, давно не бритом лице и жилистой шее блестели капли пота. Солдат нес на руках раненого. Забинтованная голова раненого покачивалась, правая рука бессильно висела книзу. На кисти руки синела татуированная надпись: «Коля Спиридонов».

Выбрав сухое место под старым дуплистым дубом, солдат бережно опустил свою ношу на траву. Потом снял с плеча трофейный автомат, склонился к шершавому стволу и моментально уснул.

Спиридонов во сне бредил, выкрикивал бессвязные фразы.

— Разве ты не видишь,— горько упрекал он кого-то,— ползут... Ползут фрицы! Нет, гады, живым не дамся!

Спали солдаты долго — вечер и всю ночь. На рассвете раненый проснулся и попросил пить. Его товарищ по-детски чмокнул губами, раскрыл глаза. Дремучий лес оживал. Дубы и орешники шелестели рыжеватыми вершинами, кроны кленов сверкали красным пламенем.

Спиридонов потянулся к алюминиевой фляге.

— Пей, браток, да силы набирайся. Сейчас дам тебе пожевать! — Здоровяк достал из верхнего кармана гимнастерки аккуратно завернутый в чистую тряпку сухарь, разломал его пополам, протянул один кусок Спиридонову, другой, тщательно завернув, спрятал и отвернулся.

— Погрызи и ты, Щербаков,— прошептал раненый.

Щербаков поднял лохматую голову:

— Я что? Я — здоровый... И на собственных ногах. Ешь быстреей, да пойдём.

— Далеко еще?

— До линии фронта километров пятьдесят топать... За три дня доберемся.

— Вдвоем не дойдем. Покинь меня...

Щербаков презрительно хмыкнул.

— А ты меня оставил бы?.. То-то же. Не говори глупостей. — Щербаков поднялся, ударил кулаком по стволу дуба. — Ты уж потерпи — понесу на плечах... Так сподручней. Да и быстрее.

После отдыха Щербаков нес товарища без передышки несколько километров. Под огромной елью, что широко раскинула свои мохнатые лапы, переплетенные густой паутиной, сделали привал. Щербаков вынул из-за пазухи карту, взятую у убитого фашистского майора. На ней разведчик карандашом обозначил пройденный путь.

...Это был горький и тяжкий 1942 год. По ту сторону фронта, в районе Козловки, дивизионные разведчики Спиридонов и Щербаков выполняли боевое задание: сняли часовой возле огромного склада боеприпасов, подложили взрывчатку. Разведчики не успели отбежать на безопасное расстояние. Осколки впились в голову Спиридонова...

Той же ночью гитлеровцы прорвали нашу оборону и за три дня продвинулись на сто километров.

Обходя села и поселки, запруженные фашистскими танками, пушками, бронетранспортерами, Щербаков нес ране-

ного друга четвертые сутки. Иногда Спиридонову становилось немного легче. Тогда, едва передвигая ноги, он давал Щербакову небольшой отдых.

По открытой местности пробирались только ночью. Днем предусмотрительно прятались в лесу или буераке.

В дубраве возле села Дубки случайно натолкнулись на убитого немецкого майора. Щербаков внимательно осмотрел скорченный труп, обследовал вокруг каждый метр. Однако установить, при каких обстоятельствах погиб майор, не удалось. В офицерской сумке нашли топографическую карту и два белых сухаря. Разведчики обрадовались находке: карта поможет сориентироваться на местности, а сухари подкрепят ослабевшие силы. Из дубравы постарались выйти как можно быстрее: майора могли разыскивать.

Во время одной остановки Щербаков насобирал несколько пригоршней шиповника, и теперь на привалах они ели ярко-красные ягоды. Но голод все сильнее давал о себе знать.

К концу дня Щербаков валился с ног словно подкошенный. Он чувствовал, что силы оставляют его, но старался не показывать виду.

С водою было немного легче: дважды солдаты утолили жажду холодной как лед водою из лесного ручейка, потом вдвоём напились из глубокой речки.

Голодные и обессиленные, добрались они к полянке. Щербаков достал из кармана карандаш и пометил ее на карте кружочком. За три километра отсюда на северо-восток извивалось шоссе. Разведчика больше всего беспокоило, удастся ли благополучно перебраться через дорогу. Своими сомнениями он поделился с товарищем.

— Нужно хорошенько отдохнуть, чтобы к шоссе подойти со свежими силами.— Щербаков бодро улыбнулся, расправив плечи.

— Давай немного полежим, поговорим, а то черти в душу пыряют. Не пойму только, рожками или копытами,— попытался пошутить Спиридонов.— Расскажи о себе что-нибудь...

— Что там о себе... Рассказывал же не один раз... До армии закончил семь классов. Был трактористом... Призвали в армию — стал танкистом. Под Житомиром ранило. В госпитале познакомился с одним разведчиком. Наслушал-

ся его рассказов. Ну и захотелось в разведку. Вот тебе и вся анкета.

— Признайся честно: назад к танкистам не тянет?

— Иногда бывает. Да я уже привык в разведке.

— Вот закончится война, я подамся на фабрику, а ты снова будешь пахать...

— Пахать люблю... И орден у меня, дорогой дружнице, довоенный. За пахоту земельки, — тепло сказал Щербаков. — Знаешь, как пахнет земля весенней порой, как она дымит, дышит? Эх, забодай его комар! Доживу ли...

— А я люблю запах сена, — признался Спиридонов.

— И не говори... — подхватил бывший тракторист. — Душистее нашего воронежского сена нет на свете. Нет, брат... Как упадет вечерняя роса, влажное сено пахнет и чебрецом, и серпухой, и овсяницей... Пойдем, пожалуйста!

Щербаков закинул на плечо автомат, подал Николаю руку, обхватив его за спину другой.

Шли долго. Ветки подлеска больно секли лицо, ноги плутились в траве, наливались свинцом. А шоссе все не показывалось. Щербаков собрался было свериться с картой, как где-то совсем рядом зафыркал мотоцикл.

— Ты лежи, — прошептал Щербаков, — а я осмотрю дорогу. Как бы на фрицев не нарваться.

Разведчик пополз к кювету, раздвинул обвислые ветки лещины и оглядел омытое дождем шоссе. Дорога была безлюдной. На всякий случай Щербаков прополз еще немного вдоль кювета, встал на ноги, поправил автомат и бесшумно, словно тень, двинулся к рыжему орешнику, что буйно оброс крапивой. Неприхотливый сорняк выделялся на общем желтоватом фоне яркой свежей зелены. Щербаков подкрался ближе, очарованный игрою света, теней и полутеней. И вдруг разведчик весь напрягся: в густой поросли орешника притаился тщательно замаскированный танк с черным крестом на плоской башне. Кое-где броня отражала солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь густую листву, и машина напоминала огромную, приплюснутую сверху жабу. Из-за танка слышалась картавая немецкая речь. Чтоб лучше рассмотреть немцев, пришлось отползти вправо.

Трое танкистов обедали на большом персидском ковре. Угреватый унтер-офицер лениво охотился за назойливой синей мухой, пытавшейся устроиться на тарелке с сосисками. Механик-водитель в новеньком кожаном комбинезоне

— Ты полежи... а я осмотрю дорогу.

живо что-то рассказывал. Третий немец в короткой теплой куртке, зажмурив глаза, аппетитно уминал рыбные консервы.

Сначала Щербаков не мог понять, о чем разговаривают танкисты. Потом стал улавливать чужие слова. Водитель сообщал, что его родителям в Цвиккау не так давно дали двух советских военнопленных. Теперь старикам легче справиться со своим хозяйством. Правда, русские злы и молчаливы, упрямо верят в победу Советов и даже угрожают, что партизаны покажут «блицкриг».

— А ты не веришь? — осмотревшись вокруг, прокартавил ефрейтор в теплой куртке. — Говорят, в прифронтовых лесах партизаны нападают даже на большие военные соединения. Это — нахальство!

— И отвага, — добавил унтер-офицер, пережевывая сосиску огромными челюстями.

Изголодавшийся Щербаков несколько раз сглотнул густую, горьковатую слюну. Не отрывая глаз, он жадно следил, как одна за другой исчезают с пластмассовой тарелки румяные, горячие сосиски. И вдруг в его голове заудело, завертелось, разрослось слово «отвага». Щербаков забыл, что рядом в лесу могли быть и другие фашисты. Возможно, целые роты и батальоны... Удержаться он не мог.

Короткая очередь автомата отдалась звонким зхом и исчезла где-то в глубине старого леса.

Несколько минут Щербаков не двигался: а вдруг кто-нибудь из фрицев только притворился мертвым? Не прибегут ли откуда-нибудь другие? Но всюду было тихо, фашисты не шевелились. Разведчик оттащил их в кусты, швырнул туда и окровавленный ковер. Его вдруг осенила отчаянная мысль: «Пускай фрицовский танк послужит советским разведчикам!» Щербаков положил на броню ровную палку и мохнатое белое полотенце, каким еще несколько минут тому назад утирались вспотевшие гитлеровцы. Вокруг царило лесное безмолвие.

Теперь надо было как можно быстрее привести сюда Спиридонова. Щербаков метнулся к ели, под которой оставил товарища. Николай, до боли сжимая в руке гранату на боевом взводе, полз навстречу.

— Что там? — встревоженно спросил он.

— Ничего, Николай... Станешь и ты танкистом, комар его забодай... Нырять в люк. Да прицепи полотенце к пал-

ке.— Щербаков бережно подсадил товарища и вскочил на броню.

Разведчик старался подбодрить товарища, но у самого на душе было тревожно. Заведется ли мотор? Как проскочить линию фронта на танке? Не превратится ли эта стальная коробка из верной спасительницы в гроб? Но раздумывать, а тем более отступать было поздно: вот-вот немцы наскочат.

Щербаков примостился на сиденье механика-водителя, закрыл крышку люка. Сразу стало темно и душно. Когда глаза немного привыкли к темноте, разведчик покрутил сзади блестящую рукоятку, нажал левой ногою на стартер. Правая нога уверенно легла на педаль подачи горючего. Мотор норовисто рывкнул, потом загудел мягко и плавно. Когда двигатель прогрелся, Щербаков обеими руками осторожно подал послушные рычаги вперед. Машина покачнулась, двинулась с места и, набирая скорость, загрохотала по шоссе на восток.

«Как добраться до передовой? — волновался Щербаков.— На шоссе, наверное, патрули. Небезопасно... А проселочной дорогой вызовем подозрение: фашисты придерживаются шоссеиных дорог... Драпанем шоссеиною». Приняв такое решение, Щербаков немного успокоился.

Мотор работал на полную мощность. В танке стоял невероятный грохот. Отработанные газы слепили глаза, набивались в рот. На разбитой дороге машину кидало в разные стороны. Она то взлетала, словно на крыльях, над ухабами, то тяжело зарывалась носом в свежую большую воронку и, гремя гусеницами, выбиралась из нее.

— Что ты делаешь? — вскрикнул Спиридонов, но слова потонули в грохоте.

Николай старался сохранить равновесие, потом ударился о какой-то толстый цилиндр. Раненый потерял сознание и не видел, как в смотровой щели промелькнули угловатые замаскированные палатки немецкого эвакогоспиталя, зеленые будки санитарных автомашин. По обочинам дороги брели группы легко раненных гитлеровских солдат с губными гармошками. Ближе к фронту подтягивались артиллерийские склады, корпусные, дивизионные и полковые тылы с разным армейским добром.

Щербаков уменьшил скорость и свернул с шоссе на левую дорогу. Теперь укачивало меньше, и Спиридонов оч-

нулся. Он немного приподнял люк и сквозь узкую щель вдохнул свежий воздух так жадно, что в глазах у него потемнело. Тем временем танк взобрался на пригорок и притих в редком кустарнике. Из-под крышки выглянуло грязное лицо Щербакова.

— Ну как, Николай, живой? Может, бросим этот катафалк иждемся ночи? Или двинем в танке? Эх, забодай его комар, если бы ты умел стрелять из танковой пушки!

— Сил нет... Двигай! Только медленнее, чтоб фрицы ничего не поняли.

Оба люка закрылись одновременно. Николай припал к щели. Вдали он узрел извилистую гитлеровскую траншею, за ней тянулись проволочные заграждения, чернели окопчики боевого охранения, вырисовывались покрытые желтым дерном блиндажи. От каждого блиндажа в тыл были выкопаны ходы сообщений. В одном из таких ходов два гитлеровца устроили себе полевую парикмахерскую. Над самоваром, в котором кипятилась вода, трепетал легкий сизый дымок. Танк неуклюже припадал то на одну, то на другую гусеницу, и поэтому Спиридонову казалось, что намыленные фрицы все время пытаются выпрыгнуть из окопов.

Правее чернел довольно глубокий овраг. Окопов здесь не было: немцы избегали влажных и душливых низин. Как раз в этот овраг и направил танк Федор Щербаков.

До передовой машина подползала медленно, осторожно, словно каждая пядь земли ей чем-то угрожала.

Неожиданно из окопчика на склоне оврага выпрыгнули два гитлеровца в кожаных комбинезонах и пошли навстречу танку, сигналижая красными флажками. Это был приказ остановиться.

Щербаков затормозил и вдруг резко оттолкнул рычаги. Танк это подмял под себя обоих фашистов и вырвался из оврага. На него с огромной скоростью помчались вражеские окопы, растерянные лица немецких пехотинцев, колючие проволочные заграждения перед нейтральной полосой, густо поклеванной нашей артиллерией. Поодаль перепуганный расчет противотанкового орудия никак не мог сбросить тугой брезентовый чехол. Орудие исчезло под танком нерасчехленным.

«Кажется, проскочили на нейтралку благополучно! — Бурная радость переполнила сердце. — Быстрей белый флаг!» Спиридонов крепко привязал бахрому полотенца к палке и

только теперь почувствовал, как дрожат руки... Открыв люк он вставил палку с полотенцем в отверстие на башне.

Спиридонова охватило лихорадочное возбуждение. Он скользнул в башню, долго хватался за разные рукоятки, колесики, пока сообразил, что к чему. Поднатужась, он повернул башню, послал в казенник снаряд. Затвор автоматически закрылся. Николай потянул за шнур и выглянул из люка. Выпущенный неискусным артиллеристом, снаряд взорвался далеко за передовой. Спиридонов снова припал к пушке, но второй раз выстрелить не смог. Сверху в открытый люк влетел столб ослепительного пламени, дым застлал глаза...

Танк-беглец прогрохотал над окопами нашей пехоты и спрятался в дубраве, угол которой выходил почти к переднему краю. Тяжело откинулся люк водителя. Наружу вылез очумевший Щербаков, похожий на негра: на закопченном лице белели только глаза и зубы...

Первым подбежал к трофейному танку маленький кривоногий пехотинец. Он дважды осторожно обошел вокруг танкиста, угрожающе щелкнул затвором винтовки. Но вместо выученного «Hände hoch!»¹ удивленно выкрикнул чуть ли не на весь передний край:

— Братцы, так это ж Щербаков из дивизионной разведки! Вот тебе и явление!

— Ты, властелин полей, лучше помоги вытянуть из башни моего друга. Осторожно там смотри: он в голову ранен.

К дубраве что есть силы бежал Добриченко, придерживая рукою вертлявую планшетку. Он с разбегу бросился на разведчиков, обнимал их долго и крепко.

— Как это вы додумались, ребята? — спросил, немного отдышавшись, лейтенант.

— Беда всему научит, забодай его комар, — развел руками Щербаков. — Вот мы и дома!

И СЛЕДЫ ЗАМЕЛО...

— Berlin, drei und zwanzig², — прохрипел немец и вскинул автомат. Обмотанные соломою сапоги часового выбивали залихватскую чечетку.

¹ Руки вверх! (нем.)

² Берлин, двадцать три (нем.).

755983

— Nürnberg, sieben! ¹ — отозвалась залепленная снегом фигура и прошла мимо немца.

Обер-ефрейтор Хилле проводил взглядом солдата, который, по-видимому, торопился по своим надобностям, и полез в глубокую нишу. «Почему этот растяпа бродит по траншее без оружия? — удивился часовой. — Ведь гауптман Бредель приказал же выходить из блиндажей только с автоматами». Но в такую крошечную ночь не до придирок — сильный мороз сковал все тело, а пронизывающий ветер, кажется, разгуливает свободно даже в брюшной полости. Хилле стянул перчатку и начал изо всей силы дуть на оочеченные пальцы.

Если бы обер-ефрейтор заглянул под плащ-накидку солдата, то увидел бы крепко зажатый в кулаке финский нож. На свое счастье, Хилле не был особенно любопытным службистом...

Заснеженная фигура прошла несколько поворотов траншеи, повернула голову. Хилле все еще отсиживался в безветренной нише. Сунув нож за голенище, неизвестный взобрался на бруствер и пополз в завывающую белую пустыню. Он двигался быстро и ловко, как человек, который выдюжил живого не один десяток фронтовых километров. За полосой лозняка солдат отбросил кашпошон, и из-под него выглянуло раскрасневшееся, иссеченное вьюгой лицо сержанта Гули. «Ох и намучился в той воронке, замерз, как пес, — ворчал разведчик. — Зато пароль подслушал... Потому и обошлось благополучно... Вот узнаю обстановочку в Гречанке — и на печку...»

Гуля вспомнил слова ротного: «Посылаю тебя, Федосевич, потому что больше некого. Ветераны — в госпиталях, а новички еще не обстреляны... Не горюй, артиллерия поддержит на полную катушку...» От этих воспоминаний стало немного теплее. Наверное, в роте сейчас беспокоятся...

Пронзительный ветер крутил над полем белые вихри. Они перекатывались через разведчика и исчезали в завывающей мгле! Гуля плотнее завернулся в плащ-накидку и, проваливаясь в сугробы, направился к проселочной дороге. «Ничего, — бодрился разведчик. — Снег с ветерком еще мне послужит... В непогоду нашему брату спокойнее: немцы прячутся по хатам, часовые не так глазасты. Правда, кругом не видно ни зги — легко попасть прямо сатане в пасть...»

¹ Нюрнберг, семь! (нем.)

Впереди в косматых вихрях метели замаячил дорожный знак. Гуля прочитал надпись: «Nach Antonowka — 4 km», посмотрел на часы и двинулся дальше. По обеим сторонам проселочной дороги, словно сопки, нагромождались снежные сугробы. Против ветра идти стало еще трудней; на ноги будто гири навесили... «Сейчас организовать бы снегозадержание — осенью амбары бы трещали», — вздохнул Гуля и с горечью подумал о том, что его односельчане нынче, пожалуй, не узнали бы своего председателя колхоза. Крадется по своей земле, как бродяга-волк, нет при нем ни партбилета, ни орденов... Прошлое ушло, а будущего может и не быть...

Справа из-под горбатого сугроба торчит дышло, видно, кто-то воз сломанный бросил. Можно вырыть нору и хотя бы на минутку спрятаться от этого холода, от вьюги, отдохнуть, потому что каждый мускул воплем вопит... «А потом что? Окочуриться?» — разозлился Гуля.

Чтобы не поддаваться соблазну, он на все лады принялся ругать Гитлера, Риббентропа, всех известных и неизвестных генералов фюрера. Потом он стал думать о союзниках: «А что им до нас, до нашей беды? Ни холодно, ни жарко! На американском золоте держится весь Рур, в каждой немецкой пушке — английские стерлинги... Дай только нам добраться до этих Крупшов!..»

На окраине Антоновки — большого и разбросанного села — разведчик присел за выкорчеванным пнем, напряженно всматриваясь в даль. Из третьего от края двора один за другим выходили немцы с досками на плечах. Их шинели облепил снег. «Что это они среди ночи задумали? — удивился сержант. — Какого дьявола всполошились?»

Подождав, когда из ворот вышел последний немец, Гуля побрел во двор. Оглядевшись вокруг, примостил на плечо дубовую балку и, пошатываясь, поплелся в глубь села.

У заборов и во дворах стояли зачехленные гаубицы и противотанковые пушки, к сараям прижимались тягачи, бронетранспортеры и средние танки.

Разведчик переложил балку на другое плечо и как будто ненароком задел рукавом по танковой башне; на темном фоне забелел номер машины, под ним — выведенный эмалевой краской шлем. «Какое-то новое соединение, — догадался Гуля. — Танков с такой эмблемой перед фронтом нашей дивизии еще не было. Поглядим на бронетранспортеры».

Он подошел к остроносой огромной черепахе, что сидела в снегу по гусеничные колеса. Тронул плечом бронированный щит. Появилась готическая буква «D» над скрепленными стрелами. «Тоже новинка...»

Сельская улица показалась разведчику бесконечно длинной. Бревно врезалось в плечо, прижимало к земле. Всюду великое множество вражеской техники. Гуля успел насчитать пятьдесят четыре танка, тридцать два бронетранспортера и не заметил, как оказался перед домом из красного кирпича. Перед окнами солдаты аккуратно складывали бревна. Гуля сбросил свою ношу последним, отдышался и сообразил, для чего немцам понадобился строительный материал. Кирпичный дом — по-видимому, бывшая школа — стоял на возвышенности. В ясную погоду отсюда хорошо видно не только всю Антоновку, но и передний край. «Будут оборудовать наблюдательный пункт, — решил сержант. — Надо быстрее сматывать удочки...»

Гуля вперевалку потопал со двора, но потом повернул не вправо, за фашистами, а влево — на западную окраину Антоновки. Заглядывая во дворы, он несколько раз незаметно оглядывался... За ним никто не следил...

В поле ветер усилился. Он то подхватывал Гулю и нес, словно на крыльях, то резко толкал в мягкие сугробы. Плащ-накидка, ватник и даже нижняя сорочка от холода затвердели и стали, как желье.

В полночь обессиленный Гуля повис на заборе в Гречанке. Крайнюю хату замело снегом почти до окон — маленьких, заткнутых каким-то лохмотьем. «Немцы не будут сидеть в такой халупе... Постучу!» Разведчик перевалился через забор и на четвереньках подполз к двери. Поднял руку и дважды стукнул кулаком.

— Кто там? — испуганно спросил женский голос.

— Откройте...

Звякнула щеколда. Гуля встал и рассмотрел в сенях женщину.

— Чужих нет?

— Нет. Заходите в хату.

На столе тускло светила керосиновая лампа. Оглядев ночного гостя, хозяйка развела руками.

— Боже мой! Щеки ж совсем белые...

Она пошарила за печкой и вытащила оттуда маленькую фаянсовую баночку.

— Вот здесь на доньшке есть гусиное сало. Намажьте лицо и как можно сильнее разотрите.

— Спасибо. Немцев в селе много?

— Много. Только туда дальше, к церкви. Днем возле поповской усадьбы собралось с десятков крытых грузовиков. Проволоку во все концы разматывали. Потом легковых машин понаехало... Видимо, начальство... Дом большой, с коричневой верандой. Тополя возле ограды...

Гуля присел на топчан.

— Вы будете ночевать? — побледнела хозяйка.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Гуля. — Я немного погреюсь и уйду. Но запомните: вы ничего и никого не видели. Ясно?

Женщина понимающе покачала головой:

— Может, и мой вот так скитается где-нибудь?..

Она открыла исцарапанный буфет, поставила на стол полбутылки вишневки:

— Позапрошлогодня, может, согреет...

Гуля вылил вишневку в чашку. Один глоток он выпил за здоровье хозяйки, другой за то, чтоб вернулся с войны ее муж. Поднялся.

— А огородами к поповской хате можно добраться? — словно невзначай спросил Гуля.

— Можно, — ответила хозяйка.

* * *

Со стороны огородов штаб охранял ефрейтор Цоттвиц. Приняв пост, он обошел вокруг сарая, посмотрел на огород, проверил замок на дверях запасного входа в здание. Все на месте, ничего подозрительного. Часовой успокоился. Пощупал карман: там лежала квитанция, подтверждавшая, что с Украины в Радебург на имя Ренаты Цоттвиц отправлена десятикилограммовая посылка. Это уже двадцать седьмая... Рената обрадуется и салу, и пуховому одеялу, и отрезу из чудесной шерсти на женский костюм. Кроме того, Герман Цоттвиц приготовил своей Ренате чудесный сюрприз — в шерсть завернут массивный золотой браслет с дорогим бриллиантом. Старая ведьма из Киева не хотела отдавать... Пришлось застрелить!

Цоттвиц положил руку на ствол автомата и сразу отдернул: холодная сталь обожгла даже через шерстяную вареж-

ку. Он посмотрел вокруг и поплелся за сарай. Навстречу ветер поднял толстую снеговую бабу. Острый удар попал в сердце... Вьюга медленно заметала труп...

Второй часовой, Руди Зайлер, охранял штаб с улицы. Он не ходил, а трусил рысцой. Но это ему не помогало... Бр-р-р, настоящий сибирский холод! А в штабе топилась печь. Зайлер не один раз с завистью посматривал на окна. Поплясав возле ворот, часовой закинул кверху голову. Из трубы вылетели две искры. Ветер подхватил их, покрутил над заснеженной крышей.. Это было последнее, что увидел при жизни Руди Зайлер...

Гуля тихо приоткрыл дверь застекленной веранды и очутился в темноте. Ступил несколько шагов, нащупал железную ручку, толкнул ее вперед.

Квадратную комнату освещала крохотная, пятиамперная лампочка,— два длинных провода змеились от нее в правый угол к аккумулятору. Возле завешенного одеялом окна стоял письменный стол с несколькими телефонными аппаратами. Посреди комнаты — еще один стол. За ним, покачиваясь, клевал носом лысоватый гауптман, по-видимому дежурный по штабу. Перед офицером наискось лежала оперативная карта, пестрая от бесчисленных условных знаков. На ней валялась перевернутая хрустальная рюмка, здесь же стояла пустая бутылка из-под французского коньяка.

Два точных, молниеносных движения — и голова сонного гитлеровца запрокинута назад, во рту — кляп. Еще мгновение — и руки гауптмана скручены за спиной крепким шнуром. Гуля быстро сворачивает карту и тихо приказывает:

— Raus weg!¹

Гауптман видит черный глазок пистолета — с ним шутить опасно! Он покорно подымается. Гуля снимает с вешалки шинель, подшитую заячьим мехом, бросает ее на офицера внакидку, застегивает пуговицы. Потом выталкивает протрезвевшего фашиста во двор.

Тоскливо воев вьюга, трещат на морозе ветки тополей. Хороший хозяин собаку из дому не выгонит...

Разведчик снова подталкивает пленного: времени мало. Они бредут мимо трупов часовых за сарай и на огороде проваливаются по колени в снег.

¹ Выходи! (нем.)

...Не близко окопы советской пехоты! До самого рассвета придется барахтаться в снежных барханах двум путникам. А вьюга надежно занесет их следы...

НА ГРЕБНЕ ВОЙНЫ

Еще недавно здесь красовалось пятиэтажное здание... На него пикировали бомбардировщики, его расстреливали из танков, его громила артиллерия фугасными снарядами... И теперь на месте дома торчали изрешеченные развалины, громоздились кучи кирпича и обломки железа.

Над развалинами сгущался настороженный ноябрьский вечер. Сквозь щели в стенах тянуло смрадом от неубранных фашистских трупов.

Из-за стены выглянуло рыжее от кирпичной пыли лицо. Боец брезгливо заткнул нос и сказал в темноту:

— Товарищ гвардии лейтенант, немецкие гробокопатели подбирают убитых. Может, угостить?

К пробоине, прихрамывая, подошел офицер в изорванном маскировочном костюме.

— Оружие у убитых фашистов забрали? — прохрипел он.

Боец утвердительно кивнул:

— Пока не стреляйте. Берегите патроны.— Офицер побрел к дальней стене и устало опустил на солому.

Под стеною сидело пятеро солдат. Разведчик, на котором было больше бинтов, чем одежды, искоса взглянул на соседа, сосредоточенно выбиравшего из густой бороды комочки штукатурки:

— Хватит тебе красоту наводить. Угощай.

Бородач щелкнул портсигаром, дружески протянул офицеру последнюю папиросу.

— Начинайте, товарищ командир роты, по старшинству.

— Не хочу. Дели, Щербаков, на пятерых. Об Иванчуке не забудьте...

Щербаков прикурил, жадно затянулся и пустил папиросу по кругу. «Последняя сигарка! — печально подумал Добриченко. — Да и нас осталось...»

Красная точка пропутешествовала вдоль стены, то ярко рдея, то угасая, потом прыгнула вверх и дважды осветила пепельное лицо часового.

Разведчиков одолевал сон. И Добриченко съежился, закрыв глаза.

С улицы, по другую сторону стены, за которой пылала Волга, послышался шорох — кто-то осторожно пробирался по кирпичам. Ротный встрепенулся:

— Кто там, Сорокин?

Часовой ответил шепотом:

— Женщина какая-то. В нашей военной форме.

— Кто?

Добриченко выглянул. К развалинам и на самом деле приближалась женщина. Взвилась вверх ослепляющая немецкая ракета, и ротный узнал капитана медицинской службы Дунаева. Как только ракета погасла, Дунаева вбежала в «комнату».

— Что случилось? Где медсанбат? — спросил ротный.

— Переправился через Волгу...

— А ты почему здесь?

— Не могу... — Уголки ее потрескавшихся губ вздрогнули.

— Я приказываю!..

— Давай перевяжу твою руку, Павел, — тихо предложила Дунаева.

Умело двигались тонкие пальцы, чистый бинт мягко и неслышно ложился на руку лейтенанта. Добриченко хотел сказать врачу что-то хорошее, ласковое, но сдержался.

Закончив перевязку, Дунаева улыбнулась юноше, исполованному бинтами, и сказала:

— Подходи, Фролов, не стесняйся. Я перевяжу.

— Там, в подвале, Иванчук... Тяжелое ранение, — с трудом произнес Фролов.

Дунаева вынула из санитарной сумки фонарик и, освещая путь, спустилась в подвал.

Под стеною на брезенте лежали убитые. Врач знала каждого. Живыми... Теперь она не могла смотреть на них, бездыханных...

Даже под двумя шинелями и ватником Иванчук весь дрожал. Врач стянула с него одежду, помогла сесть.

Окровавленные губы Иванчука слегка зашевелились:

— Здравствуйте, доктор!

— Как чувствуете себя, товарищ Иванчук? — спросила Дунаева, откупоривая бутылочку с йодом.

— Плохо, доктор! Был у меня дом... Жена... Дочь... Теперь нету...— Он жадно глотнул воздух.

— Все будет хорошо. Давайте помолчим. Вам нельзя много разговаривать.

Разведчик прислонился к стене и сидел неподвижно-послушный, беспомощный. Он смотрел, как разматываются длинные-предлинные бинты, окровавленные, пропахшие пороховым, словно жуткий солдатский путь отступления от Львова до Волги...

Дунаева бросила грязные бинты в дальний угол... Рана вызывала тревогу: две пули прошли грудь навывлет, возможно заделали легкие. На спине из раны сочилась сукровица. О немедленной эвакуации не могло быть и речи... Дунаева смазала раны йодом, быстро наложила свежие бинты. Потом достала из санитарной сумки шприц, ампулу с желтой жидкостью и сделала укол.

— Теперь полегчает.— Она успокаивающе коснулась холодных пальцев Иванчука.— Скоро переправим вас за Волгу, в Красную Слободу или в Заплавное.

Из-под обгоревших ресниц на щеку солдата выкатилась прозрачная слеза.

— Мы же окружены...

— Все равно переправим! — Врач нагребла кучу влажной соломы и села в изголовье раненого.— Наши врачи вчера были в тылах на левобережье. Говорят, за Волгой артиллерии видимо-невидимо. А «катюш» — просто целые полки...

От тяжелого взрыва подвал задрожал. Потом снова и снова... После каждого такого встряхивания с потолка сыпались обломки камней, бетона; фитилек на патронном ящике подпрыгивал, и странные тени катились по стенам полозатыми волнами. Дунаева заткнула уши пальцами.

Все усиливающийся страшный рев неудержимо двигался к Волге: фашисты перешли в очередную атаку...

На чердаке наперебой строчили «ППШ», рвались гранаты. «Почему я сижу здесь?.. Там, наверное, раненые...» — Дунаева бросилась к выходу. На верхней ступеньке, качаясь, сидел без шапки Цыганков. Правая его рука держала автомат, левая — крепко зажимала ушанкой разорванный живот.

Врач моментально вытащила санитарный пакет. Раненый закрыл глаза:

— Уже не надо...

Автомат Цыганкова, жалобно звякая, скатился по ступенькам. Дунаева подняла оружие и растерянно оцупала ствол.

— Помогите, доктор!

Она оглянулась. Иванчук уже стоял, сиюсь сохранить равновесие.

— Сейчас же лягте! — крикнула доктор.

— Подайте оружие и ведите меня!

— Сумасшедший, вы же изойдете кровью...

— Веди. Такова моя последняя воля!

В этих словах чувствовалась такая сила, что Дунаева покорила. Опершись рукой на ее плечо, разведчик медленно передвигал ноги. Душил кашель, хрипело в груди. Уже на ровном месте его чуть не сбил с ног Щербаков, который перебежал то к одной, то к другой стене.

— Товарищ военврач, Мельникова в шею ранило...

Прикрывая рукой голову, Дунаева заспешила к раненому.

Щербаков подвел Иванчука к плоскому ящику.

— Садись, дружище. Это — мины. Вчера «одолжил» у фрицев. Надеялся и миномет раздобыть.

Не закончив фразы, Щербаков бросился к стене: за повалившимся забором немцы устанавливали пулемет.

Иванчук поудобнее пристроил автомат, положил у себя под рукой запасной диск и наклонился к отверстию, пробитому на прошлой неделе семидесятипятимиллиметровым снарядом.

С самого начала войны «нейтралка» еще никогда не была такой узенькой — гранату можно докинуть до врага... За пятьдесят метров от стены чернел полусасыпанный разными деревяшками фашистский танк. К нему, извиваясь между грудками кирпича, время от времени подползали немцы. Они прятались также и за обгоревшей голубятней, слева от танка. Из-за голубятни дважды показалось широкое серовато-бледное лицо с мясистым носом и массивными челюстями. «Копия Муссолини... Эх, — вздохнул Иванчук, — хоть бы одну «лимоночку».

Неподалеку рывкнули шестиствольные минометы. Приземистые кусты огня взметнулись перед глазами Иванчука. От дыма и копоти закружилась голова. Чтоб не упасть, разведчик уцепился рукой за косяк стены. Земля закачалась

Ногой откинул крышку, схватил мину.

под ногами, словно развалины вынесло на середину Волги. А мины перепахивали и перепахивали двор. Неожиданно взрывы прекратились. И над пылающей голубятней вспыхнула зеленая ракета — сигнал атаки.

Отовсюду — из окопов, блиндажей, подвалов, убежищ и нор — гитлеровцы бросились к развалинам. Бежали нагло, в полный рост: были уверены, что после такого шквального огня в развалинах не осталось ни одного живого солдата...

Впереди, подобрав полы меховой шинели, бежал офицер, очень похожий на Муссолини. Рот его был полуоткрыт, нижняя челюсть отвисла, и от этого лицо казалось еще длиннее. «С этого мордастого и начну, — подумал Иванчук. — Только подпущу еще на десять метров!»

Он глубоко вздохнул (в груди резко закололо) и нажал спусковой крючок. «Муссолини» шлепнулся на кучу щепня.

Иванчук целился старательно, но на месте каждого убитого появлялись новые и новые фашисты. И ему казалось, что немцы атакуют уже не цепочкой, а надвигаются на него густой черной тучей...

Обломок щепня рассек надбровье, кровь залила правый глаз. Иванчук кое-как вытерся рукавом, глубже надвинул шапку-ушанку. Стал прислушиваться: живы ли друзья? Три советских автомата строчили бесперебойно.

Немцы уже проникли во двор и, прячась между кучами щепня, ползли к развалинам. Иванчук снова приник к подоконнику. Автомат зло прокашлялся и вдруг замолк — диск опустел. «Черт побери!» — выругался в отчаянии разведчик. Хотел вытащить нож из голенища сапога, но, увидев ящик с минами, подумал: «А что, если?..»

Ногой откинул крышку, схватил мину. С горячеей поспешностью отвинтил колпачок боеголовки и ударил стабилизатор об пол. Услышав, как щелкнул внутренний взрыватель, Иванчук швырнул мину в гуцу немцев. Взрыв разбросал фашистов и опрокинул разведчика на ящик...

* * *

В ту ночь ветер изменил направление. Из заволжских степей поплыл густой, тягучий туман. Двумя потоками он обогнул притихшие развалины. Крылья мохнатой мглы встрепнулись над Мамаевым курганом и заволокли позиции немецкой армии холодным белым саваном.

ЗА МАШИНИСТА

Эшелон миновал станцию и остановился перед выходным семафором. Из теплушек, платформ, обтянутых маскировочными сетками, на железнодорожную линию высыпали солдаты в новеньком летнем обмундировании. Возле водонапорной башни сразу же выстроилась очередь с котелками, ведрами, канистрами. Шутили и смеялись.

Подполковник — начальник эшелона — с полевой сумкой в руке подбежал к вокзалу. На мгновение он остановился перед дверью военной комендатуры и, поправив на себе ремень и гимнастерку, вошел туда. У коменданта он не задержался. Выйдя на улицу, подполковник снял фуражку и вытер клетчатым носовым платком вспотевшую лысину.

От привокзального сквера к нему торопился сержант, на гимнастерке которого красовались орден Красной Звезды и две медали «За отвагу». Нетрудно было догадаться, что этот бывалый парень знает, почему пошел лиха. А вот «городские скороходы» — полуботинки светло-шоколадного цвета — и небрежно заправленные обмотки совсем не шли бывальцу. Забинтованной рукой сержант отдал честь:

— Товарищ подполковник! Разрешите уехать с вашим эшелонам.

— Мы ведь на фронт. А тебе, наверное, в госпиталь? — сочувственно спросил начальник эшелона.

— Я уже вылезлся. На передовую, в свою дивизию добираюсь.

— Тогда другое дело. Разыщи лейтенанта Вариводу, предъяви ему документы и скажи, что я разрешил.

— Благодарю, товарищ подполковник.

— За что? На фронт же, а не на блины к теще...

Начальник эшелона направился к паровозу, а сержант потрусил мелким шагом напрямик через пути к бойцам, которые возились возле котелка, установленного на двух кирпичиках.

— Привет, мастаки по хлебу и салу, — поздоровался гость. — Не видели лейтенанта Вариводу?

Солдат с тараканьими усиками бегло оглядел пришельца с головы до ног, потом с ног до головы и обратился к приятелю, мягко, по-одесски выговаривая шипящие звуки:

— Шурочка! Это ж наш пеший пехотинец! — и, вытя-

нув длинную шею, строго спросил у гостя: — Ты откуда свалился?

— С Марса.

Тараканьи усики оцетинились.

— Ответ конкретный. Ложка есть? Тогда лезь наверх. Сейчас рубанем молодую картошечку. Известно, что свиная тушенка — не форель, а калорийность что надо. — Одессит подал руку. — Потомственный черноморский рыбак Михаил Сокирко.

— А моя фамилия Весельчаков, — представился солидный ефрейтор с котелком.

— Веселый казак, — иронически добавил Сокирко. — От его бесконечных острот не то что мухи, а все живое в радиусе ста километров дохнет. Зато у миномета — герой!

— Не обращай внимания на этого балаболку, — махнул ложкой Весельчаков. — Готовился в адвокаты, вот и мелет языком... Как тебя величают?

Взобравшись на платформу, гость поддел ложкой дымящуюся картошку и, дунув на нее раза два, ответил:

— Анатолий Фильчук.

— Ого-го! — вздрогнул Сокирко. — Это, случайно, не твой братан ходит на эсминце «Решительный»?

— Нет.

— Слушай, дружище. Чего это я должен каждое слово из тебя тралить? Расскажи по порядку, что у тебя с рукой. И о штиблетах ленинградских не забудь...

— Извини, потомственный рыбак: я всегда делаю только одно дело.

Весельчаков удовлетворенно кивнул, подсовывая Фильчуку большой кусок хлеба.

Котелок опустел. Бойцы скрутили козьи ножки.

Прицепили паровоз. Звякнули тарелки буферов. Раздался гудок. Замелькали шпалы.

— Убежал я, братцы, из госпиталя. — Фильчук сплюнул крошки табака, провел по губам шершавой ладонью.

— Вот еще комик, — удивился Сокирко. — Кормежка дармовая, спи сколько хочешь. Где же фронтовику пожить, как не в госпитале?

— На то имелись свои причины, — пробормотал Фильчук. — Так и быть, расскажу, чтобы не подумали бог знает чего. Я, братцы, из дивизии генерала Бакланова. Может, слышали? В «Красной Звезде» о нем не раз писали... В раз-

ведке служу... Так вот, под Марковкою осколок мины оторвал мне кончик большого пальца. И указательного зацепил немного... Пустяк! Пришел я в медсанбат. Думаю, промою рану, перевяжут и вернут в роту. Не тут-то было. Майор Вахрадзе, начальник медсанбата, заладил свое. «Во-первых, говорит, разведчику необходимо безукоризненное здоровье, а у тебя — дефект: одной рукой немца не придушишь. Во-вторых, говорит, служба ваша классически выматывает нервы, а без нервов, товарищ, ты уже не разведчик... Эвакуирую в госпиталь!»

— Душевный этот Вахрадзе, — расчувствовался Сокирко. — Наверное, в Одесском медицинском институте учился. Там все гуманисты...

— Вот таким макаром майор Вахрадзе и упрятал меня в госпиталь. За три дня отоспался, и стало стыдно. Вокруг калеки, тяжелораненые. А здесь какой-то палец... Просто стыдoba!.. К тому же начал я замечать некоторые изменения в окружающем пейзаже. В степи какие-то бородачи поле разровняли, и получилась прекрасная летняя площадка. И хотя в последнее время шли проливные дожди, однако с позднего вечера до утра на дорогах выли «студебеккеры» с минами, снарядами и фугасами. А позавчера гудели танки всю ночь. Ого, думаю, не иначе как наступление готовится. Мне ли загорать в такое горячее время в госпитале?! Вмиг шинель под мышку, ноги на плечи — и поминай как звали.

— Будут разыскивать, — вставил словцо Весельчаков.

— Пускай ищут, я ж не в тыл убегаю. В свою законную дивизию возвращаюсь. Правда, дома за побег из госпиталя не похвалят: старшина Татьянин сильно уж не любит «анархистов»... Отругает и за то, что не по форме одет...

— Вот-вот, где это ты эти ультрамодные ботинки раздобыл? — встрепенулся Сокирко. — Теперь таких днем с огнем, да еще с тремя прожекторами, не найдешь даже на одесской толкучке!

Фильчук погасил улыбку, глубоко затянулся крепким табачным дымом:

— От села, где расположился госпиталь, к ближайшей железнодорожной станции, — сорок пять километров. Иду пешком, а надеюсь на попутную машину. Дождь стал накрапывать. Сначала ленивый, редкий. Потом пошел проливной. Дорогу всю начисто размыло. Еле вытягиваю ноги из чернозема. И как на грех — ни единой машины. К сумеркам

едва добрался до села. Усталый, голодный. Вижу, в одном дворе женщина возле сарайчика возится. Зашел несмело: солдату при ордене попрошайничать не годится. Поздоровался с хозяйкой, спрашиваю: «Не дадите ли вы мне червячка заморить? Сапоги за это подарю». Посмотрела она на сапоги, улыбнулась: «Да за такую хромовую кожу все мое хозяйство со двора пойдет... Поешь лучше даром». — «Нет, не к лицу мне, фронтовику, объедать вас», — и пошел было дальше. Догнала возле ворот: «Подожди, голубчик! Из-за своей гордости все равно без сапог останешься».

Зачерпнул я воду в бочке, помыл сапоги. А сапоги — как куколка!.. Хозяйка тем временем нашла в кладовой эти башмаки, что сейчас на мне, и обмотки. «Переобувайся», — говорит. Пока я мучился с обмотками, женщина принесла мне жареного гуся, буханку хлеба и пол-литра самогонки. Звала в хату, но я поблагодарил за гостеприимство — и айда на запад...

Больше километра отшлепал. Глядь — вблизи дороги копна сена. Разостлал шинель, опорожнил полбутылки, куском гуся не прбрезговал. Поужинал что надо, зарылся в сено и ударил храповецкого.

Утром проснулся — нет ни хлеба, ни гуся, ни бутылки. Только следы под копною. Всю грудь обожгло: как же это человек до такой подлости дошел — обворовал раненого солдата. Вспомнил о своих сапогах — тоскливо стало, глянул на обмотки — сам на гуся похож. Выбрался на дорогу, а тут грузовик летит на полной скорости. Проголосовал я, — он остановился. Шофер, такой приятный солдат с Урала, посадил меня в кабину, осторожно объезжает ухабы. Почти возле станционного поселка догнали всадника на гнедой кобыле. Покачивается, песенку мурлычет, а из кармана торчит гусиная лапка. Ну, думаю, надаю ворюге подзатыльников. Выскочил из кабины, а тот, басурман, узнал меня — и аллюром в чистое поле!..

* * *

Поезд набирал скорость, как будто хотел быстрее пролететь открытую местность.

По обе стороны железнодорожного пути пестрели желтые, с черными краями воронки. В дальних воронках виднелась зеленоватая вода. Кое-где валялись закопченные оси вагонов, покореженные рельсы. Неподалеку от молодого, не-

давно посаженного лесочка лежал вверх колесами разбитый «газик», еще дальше привалился на разорванную гусеницу артиллерийский тягач. На холме — три свежие могилы...

Вдали, у самого горизонта, засинел лес. Двухколейное железнодорожное полотно, проткнув зубчатую стену, пропало в чащу.

Внезапно, чуть ли не из-за солнца, вынырнули два «мессершмитта» и скользнули вниз. С платформ по ним ударили зенитки. Однако самолеты, рассеивая пулеметные очереди, безнаказанно пронесли над эшелонем, взмыли ввысь и исчезли за лесом.

Поезд вздрогнул, уменьшил скорость и наконец остановился. По всему эшелону пронеслась недобрая весть: машинист и его помощник убиты, кочегар смертельно ранен...

Вдоль состава рысцой бежал подполковник и выкрикивал:

— Машинисты есть? А помощники?

Никто не отвечал.

Когда он приблизился к платформе минометчиков, Фильчук отозвался:

— Товарищ подполковник, разрешите попробовать?

— А, новичок... Что значит попробовать? Машинист?

— Нет, сын машиниста. Отец не один раз брал меня с собой.

— Как фамилия?

— Сержант Фильчук.

— Сможешь?

— Постараюсь.

— Подбирай бригаду.

— Вот она: ефрейтор Весельчаков и рядовой Сокирко.

— Только на вас надежда!

* * *

В паровозной будке было душно. Стрелка манометра повисла.

— Сначала, ребята, — сказал Фильчук, — надо поднять пар. Ты, Сокирко, отвечать будешь за топку. Смотри!

В руках Фильчука заходила лопата. Засыпав наполовину дно топки, он вытер пот:

— Ровный пласт угля не должен превышать двенадцати сантиметров. Понял? Давай шуруй!

Запыхавшегося Сокирко сменил Весельчаков.

Стрелка манометра доползла до «десяти». Фильчук повернул сверкающую рукоятку реверса, посмотрел на шкалу возле маховика и, открыв регулятор, снова повернул рычаг. Передние колеса несколько раз пробуксовали, и паровоз, тяжело дыша, тронулся.

Фильчук неторопливо вытер паклей руки и высунулся из оконца. Здесь стоял перед смертью машинист. Именно в такое оконце, только на далеком Урале, смотрит сейчас и отец...

«...Отец, отец! Ты и в мыслях не представлял, что твоему Тольке придется вести на фронт эшелон с сотнями людей, с военной техникой, взрывчаткой... Не зная графика, профили пути, системы сигнализации... Без элементарных навыков. Ты, отец, жаловался, что отклонили твое девятое заявление, не отправили на фронт... Как хорошо, что тебя не послашали, что ты, старый и седой, не был на этом паровозе час тому назад...»

— Чего приуныл, Анатолий? — послышался за спиной голос Весельчакова. — Подъезжаем к какому-то полустанку.

Весельчаков ошибся: это была станция, вернее, ее развалины. По обеим сторонам железнодорожного полотна корчились большие арбели¹. Неподалеку валялась прошенная пулеметной очередью камуфлированная цистерна. От вокзала сохранилась только правая сторона с чудом уцелевшим окном, закрытым потрескавшейся фанерой. На разрушенном перроне бегал худой, небритый железнодорожник с желтым флажком. Он крикнул: «Берегитесь!»

За семафором, сколько мог видеть глаз, раскинулась равнина. И здесь бросались в глаза следы войны: разбросанные взрывами колеса, обгоревшие лесозащитные насаждения. Возле кустарника возвышалась куча дюралюминиевых обломков, а из земли торчало продырявленное крыло истребителя с черным крестом.

— Добавь-ка, Михаил, угля. — Фильчук покосился на скоростемер. — Невеселый этот перегон.

Сокирко молча принялся работать лопатой.

— Воздух! — крикнул с тендера сержант, командир зенитного расчета.

¹ Товарные вагоны увеличенной тоннажности.

Обеспокоенный Фильчук по пояс высунулся из окошка.

С северо-запада шла эскадрилья «юнкерсов».

Моторы бомбардировщиков тяжело гудели, и их густой, ноющий гул надвигался прямо на эшелон. Вокруг ни лесочка, ни оврага: не убежишь и не спрячешься... Фашистские летчики хорошо знают, что во время авианалета поезда остаются навливаются. Итак, придется схитрить...

В тот миг, когда бомбы выскользнули из люков, Фильчук резко затормозил. Столбы земли и пламени выросли метров за сто от локомотива. В воздухе еще шипели, звенели, жужжали осколки, а паровоз уже рванулся вперед. Напрягая стальную грудь, захлебываясь от горячего пара, он быстро неся, словно соревнуясь с гитлеровскими коршунами.

«Юнкерсы» сделали правый разворот и зашли с хвоста эшелона. Что задумали фашисты? Скорректировать бомбометание по первому звену? Взять эшелон в вилку — разорвать рельсы спереди и сзади? А следующим заходом?.. Заметив, что первые бомбы оторвались от самолета, Фильчук увеличил скорость. За последним вагоном потянулась огненная аллея, а на степь, похожую на большой зеленый ковер, как будто кто-то разлил черную смолу. Фильчук повернул рычаг влево: боялся, что котел не выдержит...

Бомбардировщики снова развернулись вправо и набрали высоту. Сверкнули на солнце заостренные крылья, и самолеты с пронзительным ревом понеслись на паровоз.

Влево от железнодорожного полотна взметнулась вихратая полоса пламени. Тендер толкнуло, и сержант — командир зенитного расчета — влетел в будку. Запахло раскаленным железом и кислотовато-горьким перегаром тротила. Сокирко неумело перевязывал окровавленного Весельчакова.

— Из пулеметов, сволочи, секанули! — выругался одесит. — Чтоб вы сквозь землю провалились!

У фашистов, наверное, кончились боеприпасы. Головной самолет описал над неповрежденным эшелонном круг, взмахнул крыльями, и вся эскадрилья растаяла на горизонте.

В голове Фильчука шумело... Он поковырял пальцем то в правом, то в левом ухе — грохот не утихал, а, наоборот, усиливался. И тогда Анатолий понял: это с переднего края доносилась артиллерийская канонада. Он выглянул из окошка и увидел солдата с красным флажком: дальше поезда не было.

Эшелон остановился перед замаскированной землянкой. Оттуда выбежал майор, похожий на цыгана, и бросился к паровозу:

— «Хозяйство» Петрова? Где начальник эшелона?

Из первого вагона прыгнул на землю подполковник и, доставая из планшетки какие-то бумаги, сказал:

— Я начальник эшелона, Липатов.

— Майор Ганиев... Благополучно обошлось? Потери велики?..

— Погибла паровозная бригада. Четверо бойцов легко ранены.

Ганиев знал, что в Лисках свободной бригады не было, и удивленно спросил:

— Кто же вел эшелон?

Подполковник повернулся к Фильчуку, который только что сошел с паровоза.

— Спасибо! Большое солдатское спасибо. Оставайся у нас, дружище.— Липатов посмотрел на «скороходовские» башмаки и невольно улыбнулся.

— Не могу, товарищ подполковник. В дивизии — товарищи.

— Понимаю.— Липатов крепко пожал ему руку и кого-то окликнул: — Лещенко! Пусть старшина немедленно выдаст гвардии сержанту Фильчуку новое обмундирование. Полный комплект!

НЕ МОГ ИНАЧЕ

В двери настойчиво стучали. Старый учитель неторопливо опустил с кровати иссохшие ноги, натянул валенки и, кашляя, вышел в сени. Непослушными руками он долго возился в темноте и никак не мог отодвинуть засов. Когда ему удалось наконец открыть дверь, ослепляющий луч карманного фонарика больно ударил в глаза. Раздался сердитый окрик на немецком языке:

— Кто в доме?

— Только я и жена,— ответил хозяин, с трудом припоминая чужие слова.

— А военные части стоят в селе?

— Были танкисты. Вчера подались куда-то. Осталось несколько солдат полевой жандармерии...

— Мне нужен кусок чистого бинта или марли: проклятые партизаны ранили в руку. Разбудите побыстрее старуху, пускай починит и выгладит мой мундир. И умыться мне надо. Ну, живей!

Плотный немец, сверкнув красивыми черными глазами, бесцеремонно скинул мундир, отцепил погоны обер-лейтенанта, достал из карманов какие-то бумаги и залез на плюшевый диван. Левая рука его от локтя до плеча была кое-как перевязана порванной на куски рубашкой. На тонком полотне расплылось большое красное пятно.

Из соседней комнаты, шаркая поношенными туфлями, вышла совсем седая женщина.

— Пожалуйста, Маша, поищи бинт и перевяжи ему руку. Здорово досталось. Видишь, кровотечение какое! — обратился старик к жене.

— Пусть хоть совсем изойдет кровью...

Учитель недовольно глянул на жену и недвусмысленно показал на язык. Жена махнула рукой:

— А черт с ним: он же не понимает ничего...

Быстро перевязав рваную рану, она отрезала ножницами кончики бинта и указала обер-лейтенанту на тазик с водой:

— Умывайтесь... Да хоть бы в последний раз!

Непрошенный гость мылся долго, старательно, с наслаждением фыркая, — мыльные брызги летели во все стороны. Учитель подал офицеру розовато-белое мохнатое полотенце. Тот вытер лицо насухо, прислушался, как за стеною, скользая по мокрой тряпке, шипит утюг, и вдруг широко улыбнулся.

— Вас ист дас: последний рас? — спросил он, внимательно посмотрев на Ивана Сергеевича.

На бледном лбу старика запульсировала узловатая синяя жилка, а в расширенных зрачках промелькнул страх. Но он сразу овладел собой и небрежно ответил:

— Это что-то похоже на поговорку. Вернее, пожелание приятно умыться...

Хозяин посмотрел гитлеровцу в глаза: офицер ничего не понял. Разминая сигарету, он заметил:

— Такая гостеприимность мне по душе. Только попрошу вашу супругу, чтоб она не задерживалась долго. Я не собираюсь здесь ночевать.

Обер-лейтенант щелкнул зажигалкой, выпустил в потолок сизое облачко дыма и подошел к комоду. Взгляд его был

устремлен на три фотографии. Со среднего снимка улыбался стройный военный с двумя квадратами в петлицах.

— Кто это? — спросил обер-лейтенант и сухим пальцем коснулся фотоснимка.

— Это мой племянник. Когда служил действительную в Советской Армии... — не колеблясь, ответил старик.

Из смежной комнаты донесся возмущенный голос его жены:

— И какое ему свинячье дело!

— Вас ист дас: швиня чьедель? — переспросил немец.

Старик растерянно развел руками.

Обер-лейтенант потушил окурок и устало склонился над столом.

Встревоженным хозяевам казалось, что он задремал.

На самом деле офицер думал. И мысли ночного гостя в форме гитлеровского офицера были чересчур странными. Из полузабытья наплывали различные воспоминания.

...Огромный, сверкающий тысячами огней город. Стогосый прощальный вечер выпускников института иностранных языков. Знаменитый седобородый профессор Звягинцев говорит о красоте дерзаний, о величии подвигов, о бессмертии человеческих творений. Отличник Володя Сорокин сам себе клянется: всегда и везде быть похожим на своего любимого учителя. Профессор подходит к Володе, хочет что-то сказать, но от волнения не может произнести ни слова... Над Невой занимается рассвет...

...Строгое, почерневшее от бессонных ночей лицо Добриченко. Серые, немного печальные глаза, что давно не смеялись. Как всегда, скупое и решительно лейтенант дает последние наставления:

— Документы настоящие. Будь, Владимир, внимательным. Провала быть не должно. Помни, что, возможно, от тебя зависит успех будущего наступления. Желаю удачи!..

Но Сорокину сразу же не повезло. Еще на нейтральной полосе разведчик потерял в потьмах финский нож. Дважды возвращался он по своим следам (что же это за разведчик без фички!), но поиски оказались напрасными. Удрученный и злой Сорокин задушил немецкого часового в окопе боевого охранения и забрал у него хороший складной нож. Потом ужом выполз из окопчика, добрался оврагом к шоссе, на ходу вскочил в кузов тупоносого «опеля», что ехал в фашистский тыл. Устроившись на брезенте, разведчик нащупал

несколько поврежденных телефонных аппаратов, аккумуляторов, катушек с кабелем. Он немного подумал и пустил в дело свой трофей — отрезал им телефонную трубку с проводами и спрятал в карман.

Вскоре над машиной сомкнулись густые мохнатые ветки придорожных елей; в воздухе терпко запахло хвоей.

На одном из крутых поворотов, когда скорость заметно уменьшилась, Сорокин выпрыгнул из машины и ушел в лес.

За пятьдесят метров от дороги он зацепил ногой толстый телефонный кабель. Разведчик вспомнил о трубке. Он слегка надрезал изоляцию ножиком, оголил концы и подключился к линии.

Гитлеровцы разговаривали с помощью цифрового кода, но иногда какой-то «Адлер» (по-видимому, кто-то из штабных начальников), переходя на обычную речь, убежденно доказывал:

— Четвертую танковую армию необходимо усилить двумя-тремя полками самоходной артиллерии. Надежно прикроем танки истребителями. Эта армия должна выполнять роль бронированного тарана!

Немногословный бас на другом конце провода после короткой паузы возразил:

— Четвертая армия будет в резерве. Вас подкрепим пятнадцатым танковым корпусом. Перебросим из-под Сум. Головную колонну генерал-лейтенанта Шмидта должны вы встретить. На пути ее следования очень важно поставить четкие указатели, чтобы ночью танкисты не наскочили на минные поля...

«Хотят наступать, а дороги не разминировали. Что бы это могло значить?» — подумал Сорокин и еще крепче прижал к уху теплую трубку. Но гитлеровцы снова перешли на код.

К полудню он заметил из кустов, как по шоссе с грохотом двигались по направлению Белгорода приземистые танки, подтягивались орудия разных систем, неслись, мягко покачиваясь на рессорах, шестиствольные минометы. Гробовидные бронетранспортеры везли горластую фашистскую пехоту.

Возле километрового столба остановился покрытый коричневой пылью бронетранспортер. Из него на шоссе высыпали немцы. Насвистывающий ритмичную мелодию солдат едва не наступил на разведчика...

В течение дня Сорокин еще несколько раз подключался к телефонной линии противника. В кратких высокопарных приказах чаще всего вспоминались Белгород, Обоянь, Курск. Гитлеровцы торопились до того, что после обеда передавали приказы, распоряжения, телефонограммы без каких-либо шифров. Владимир жадно запоминал названия военных частей, их нумерацию, маршруты, даже фамилии генералов. Из всего подслушанного по телефону и увиденного собственными глазами разведчик понял, что в ближайшее время гитлеровское командование намеревается осуществить крупное, хорошо организованное наступление на широком фронте.

К вечеру Сорокин устал и проголодался. Сильно захотелось пить. Он зачерпнул пригоршней мутно-зеленую воду из Ворсклы. От гнилостной воды несло тинной и какими-то лекарствами, но жажду он все же утолил.

Настало время возвращаться. В сумерках разведчик выбрался на развилку дорог. В центре развилки торчал синий указатель с надписью: «Rundfahrt Minenfelds rechts»¹. На фанерном щите огромными буквами написано, что двухкилометровый участок заминирован. По обеим сторонам шоссе торчало несколько указателей с надписью: «Minen» («Мины»).

На шоссе царил немая тишина. Сорокин выдернул синий указатель и фанерный щит, забросил их в кусты, а указатели «Minen» расставил вдоль объезда. Кое-где земля была твердой, — пришлось забивать стояки камнем. Удовлетворенный своей затеей, Сорокин вытер пот, стряхнул пыль с офицерского мундира и исчез в лесу. Бесшумно, как тень, направился разведчик к линии фронта. Но не успел он отойти и триста метров, как из-за спины донеслось протяжное, едва уловимое гудение танков. Сорокин мелким шагом потрусил к шоссе, затем залег под кустом боярышника.

Грохот все усиливался, перемешиваясь с лязгом стали. Танки шли на большой скорости. Наконец на развилку выскочил плоский «тигр», встрепенулся, задрал вверх длинностволую пушку с глазастым набалдашником, и застыл на месте. Из люка вылез механик-водитель, посмотрел на дорожные знаки. Осветив фонариком указатели, удивился и постучал гаечным ключом по броне неповоротливой башни. Из башни выглянул полковник в очках с золотой оправой.

¹ Объезд миногого поля вправо (нем.).

Он достал сигарету, прикурил и велел подать карту. Черкнув по карте синим карандашом, полковник показал рукой на Борисовку.

За головною машиной двинулась вся колонна... Сорокин радостно увидел, как взрывная волна швырнула в небо восьмитонную башню. Синевато-желтое пламя охватило «тигр», танцевало, выгибаясь на покореженной коробке, рассыпалось вверху полыхающими искрами. Громыкнуло еще несколько взрывов; поднялась беспорядочная стрельба; по лесу ударили танковые пушки.

Левой руке стало горячо. Надо было как можно быстрее уходить из этого ада. Поднимаясь на ноги, Сорокин почувствовал особый, тошнотворный запах крови. Кое-как перевязав рану, разведчик решил зайти в какую-нибудь хату на окраине села Борисовки: надо было промыть и как следует забинтовать руку. А главное — починить и выгладить одежду, ибо внешний вид обер-лейтенанта мог вызвать серьезное подозрение патрулей или полевой жандармерии...

Голос старика прервал поток нахлынувших мыслей:

— Господин обер-лейтенант, мундир готов.

Хозяин держал одежду осторожно, двумя пальцами — словно боялся обжечься или загрязниться. На лице его застыло едва скрытое отвращение.

В это мгновение послышался грохот: в ветхие двери со двора злобно стучали прикладами карабинов. Старик бросился открывать, но дверь уже вывалилась вместе с оторванными петлями. В хату почти одновременно ввалились два унтер-офицера полевой жандармерии. Один из них — с гноящимися глазами, с отвислым подбородком — ударил хозяина рукояткой парабеллума. Старик упал на пол.

Другой жандарм, заметив офицера, щелкнул каблуками и отрапортовал:

— Герр обер-лейтенант! Это родители двух офицеров Советской Армии. Они... связаны с партизанами. Их надо повесить!

Обер-лейтенант посмотрел на женщину. Она тяжело дышала, как рыба, выброшенная из воды. Жандарм подскочил к хозяйке, схватил ее за волосы. Серые пряди просочились между крючковатыми пальцами.

Офицеру стало невыносимо жарко. Рука мгновенно выдернула пистолет и дважды вздрогнула от глухих выстрелов. Жандармы рухнули замертво.

— Быстрее в лес! Не отставайте! — по-русски выкрикнул Сорокин, торопливо пряча оружие.

Женщина удивленно повела глазами. Сорокин мягко, словно перышко, поднял на руки бесчувственного хозяина.

На крыльце он минуту постоял, прислушался — село молчало. Разведчик облегченно вздохнул и толкнул калитку на огород.

Бежать узенькой тропинкой, да еще с такой ношею на руках, было тяжело. Ботва картошки путалась под ногами. Иногда нога попадала в выемку, подгибалась. Но Сорокин, не оглядываясь, спешил к плетню. Возле перелаза он бережно положил старика на траву, отдышался. Женщина сильно отстала. Разведчик нетерпеливо ее ожидал, поглядывая на часы.

Тем временем старик открыл глаза и, увидев обер-лейтенанта, отшатнулся.

— Вы — мерзавцы! — Голос учителя окреп. — Вы ограбили и сожгли Европу. Но народ на колени не поставите! Да, я послал на войну двух сынов. И они скрутят вам шею!

Сорокин наклонился к нему:

— Тише. Я и так хорошо знаю, кто вы. Нужно немедленно бежать в лес: смерть — за плечами. Дорогу в партизанский отряд знаете?

Иван Сергеевич отрицательно покачал головой:

— Нет, я с партизанами не связан...

Супруга толкнула старика под бок, но он, ничего не понимая, только моргал глазами.

— Пойдемте! — Сорокин помог учителю подняться.

Тот едва держался на ногах. Разведчик снова взял его на руки и опустил, когда все трое добрались до опушки леса.

— Ну вот, — сказал он, едва переводя дух, — теперь разыскивайте партизан. В село вам возвращаться нельзя.

Словно в подтверждение этих слов, там, где осталось в темноте село, затрещали выстрелы, взревел мотор бронетранспортера.

— Началось, — с досадой проговорил Сорокин. — Не теряйте времени. Я совсем не тот, за кого вы меня принимаете. Можете идти?

— Да. А вы — с нами? — в замешательстве спросил старик.

— Нельзя. Надо до рассвета перейти фронт... А парти-

заны непременно задержат: при мне только немецкие документы. До свиданья!

За спиной Сорокина сомкнулись ветви орешника.

* * *

Худощавый лейтенант с печально отвисшими, как у Тараса Шевченко, усами надевал быстрыми, привычными движениями зелено-коричневый маскировочный костюм. Он искоса посмотрел на чернявого сержанта, который, плюнув и нелюбезно помянув черта, стягивал немецкий хромовый сапог с низким подъемом.

— Наказать бы тебя, Сорокин... Собрал такие ценнейшие сведения, а рисковал жизнью, как дитя! Хорошо, что жандармов в селе было маловато... Нервы, браток, закаляй!

— Я заслужил наказание, — тихо сказал Сорокин. — Но я не мог иначе.

НЕТ, НЕ ПРИЗРАКИ!

Из темноты, словно зубы чудовища, торчат ряды грозных надолбов. За ними тянется проволочное ограждение в четыре ряда. Над остроконечными шипами трепещут фиолетово-оранжевые короны. Красиво — будто стая мотыльков.

Разведгруппа принимает влево. Впереди — ровная черная полоса. Сержант Чуйков осторожно щупает рыхлую землю. На его лбу выступает холодный пот: минное поле. «Пушкарь и Грайченко, вперед!» — шепчет Чуйков.

Темнота. Тишина. Страх. Напрягая зрение, Чуйков видит, как два силуэта медленно вывинчивают смертоносные запалы. Кажется, проходит целая вечность...

Наконец разведчики у вражеской траншеи. Дикий крик часового: «Alarm!»¹

Чуйков судорожно ищет и никак не может найти нож. И... просыпается...

Между кронами деревьев плывут окутанные дымкой розовые облачка. На бересте деловито стучит дятел. Солдаты еще спят. Только под старым развесистым дубом, словно цапля, на одной ноге стоит Юрчук. Чуйков улыбается, подкручивает длинные черные усы:

¹ Тревога! (нем.)

— Это ты, Юрчук, правильный способ придумал. На одной — носом не заключаешь. Вокруг спокойно?

— Так точно, товарищ сержант. Даже не верится, что мы во вражеском тылу. Жуткая ночь была...

— Мне даже во сне эта ночь привиделась, — признался Чуйков. — Чтоб ей пусто было! Надо думать о предстоящей...

Чуйков закурил. На душе стало тревожно: «Позавчерашний «язык» мог наврать... Но если оберст-инженер, который руководит всей фашистской обороной, действительно разъезжает на бронетранспортере под номером 613, за такой птицей стоит поохотиться».

Сержант плюнул на недоуток, присыпал его прошлогодними листьями. «Скорее бы вернулись Сорокин и Сомов, и не с пустыми руками. Организуем засаду. Лучше всего у развилки дорог. Мина в такой ситуации ни к чему: на нее может наскочить не тот, кто нужен. Святое дело — противотанковые гранаты. Если что не так — махнем в лес».

Возле шоссе сменились дозорные. Гуля доложил, что около пяти часов движение возобновилось.

Чуйкову захотелось самому посмотреть на дорогу. Облюбовав ветвистый куст дягеля, он залег. Мимо него к передовой двигались грузовики с бревнами, со стальными рельсами, с кабелем, даже с армейскими кроватями. «По-видимому, немцы устраиваются надолго...» С передовой в тыл дребезжал порожняк. Устало прогрохотал старенький бульдозер. Мелькнула автоцистерна. А ожидаемый бронетранспортер не появлялся.

Взволнованный Чуйков вернулся в орешник: «Где же все-таки этот оберст? Возможно, заночевал на передовой? Не хочет терять времени на разъезды. Ладно, придавим комарика немножко, да еще и про запас: кто знает, какая ночь впереди...»

Но уснуть Чуйкову не пришлось. Пушкарь раздвинул ветки и потянул сержанта за руку:

— Заросли шелестят. Ходит кто-то...

С автоматом наготове часовой притаился за кустом можжевельника. Теперь уже отчетливо были слышны вкрадчивые шаги.

— Где-то здесь наши остановились, — донесся из-за дуба тихий баритон Сорокина.

— Верно. Глянь-ка, следы Чуйкова ведут через поляну

к орешнику.— Сомов уверенно пошел прямо на замаскированного сержанта.

Послушать новости собралась вся группа.

— Ну что? Видели оберста? — спросил Чуйков, расстилая плащ-накидку.

— Задание выполнено, — начал Сорокин, устало опускаясь на землю.— «Язык» говорил правду. Начальник инженерно-технических работ этого участка фронта и в самом деле разъезжает на бронетранспортере. Номер машины — 613. Фамилия оберста — Клодт. Нам посчастливилось подслушать разговор двух офицеров, что перекусывали на опушке леса. А потом Сомов видел, как оберст собственной персоной вылез из бронетранспортера. Клодта сопровождают три мотоцикла. На колясках — ручные пулеметы. Взять оберста днем, да еще на переднем крае, невозможно. Сегодня он будет возвращаться в штаб армии вечером. Таким образом, сержант, твоя идея относительно засады правильная. Но как избавиться от мотоциклистов?

Чуйков пожал плечами:

— Без стрельбы, наверное, не обойдется. Как ни прикидывай, а придется рискнуть... Меня беспокоит другое. В сумерках может оживиться движение на шоссе. А свидетели и наблюдатели в таком деле абсолютно лишние.

— Конечно, — переобуваясь, согласился Сорокин.

Чуйков долго разглядывал деревянную пуговицу на плащ-накидке. Наконец поднял голову:

— Группа, слушай боевое задание. Пушкарь и Гуля останвят бронетранспортер противотанковой гранатой. Сомов, Савченко и сержант Сорокин возьмут на себя мотоциклистов. Юрчук и Грайченко в случае необходимости прикроют группу огнем. Оберста берем живым. Пост возле шоссе снимаю до девятнадцати ноль-ноль. После обеда всем. кроме часового, — отдыхать. А с тобой, Сорокин, мы еще прикинем...

Остывшее солнце повисло на западе, тени удлинились. От фронта один за другим гремели порожние грузовики. Промчалась санитарная машина. Движение на шоссе приостановилось. Чуйков вопросительно посмотрел на Сорокина:

— Неужели оберст подался проселочной дорогой?

— Вряд ли: немцы избегают глухих дорог. Рано еще...

Слева от переднего края донеслось громыхание. Сержанты прислушались.

— Для бронетранспортера слишком громко,— заметил Чуйков.— Наверное, танк прет... А ну, Сомов, поклонись ма-тушке-землице!

Широкоплечий сибиряк растянулся на траве, приник ухом к земле.

— Первым идет тяжелый танк, за ним — бронетранспортер, а потом — несколько мотоциклов.

— Неважные дела... — покачал головой Чуйков. И приказал: — Без команды не стрелять.

Земля едва слышно задрожала. Взгляды разведчиков прикипели к развилке. Сначала из-за придорожных деревьев показался длинный ствол орудия, потом выкатился «тигр» с синими фарами. Танк шел на максимальной скорости, но его заметно догонял бронетранспортер. На борту гробовидной коробки белел номер 613. За бронетранспортером стрекотали три мотоцикла с колясками.

— Чтoб вам ни дна, ни покрывки! — выругался Чуйков.— Ну ничего. Будем караулить хоть неделю, а своего добьемся. Только бы оберст не убежал.

Прошел второй день, третий, четвертый. И ежедневно с утра бронетранспортер двигался к передовой, а вечером, высекая из булыжника мостовой искры, мчался мимо засады в тыл. Разведчикам явно не везло: то оберста сопровождала усиленная охрана, то как раз на повороте остановилась авторота грузовых «оппелей», то бронетранспортер тащил за собой прицеп, облепленный фашистами.

К вечеру пятого дня бронетранспортер выскочил на развилку без моторизованной охраны. Только в кузове маячило восемь фигур. Немец на правом борту беззаботно водил по губам гармошкой. Ее звуки заглушал мотор.

...В кабине было душно, и полуприоткрытые дверцы покачивались на петлях. Механик-водитель фельдфебель Шайн курил сигарету и изредка посматривал на приборы. Его раздражала настойчивость, с какой оберст Клодт стремился как можно быстрее закончить инженерно-оборонительные сооружения. Но именно из-за оберста он вынужден допоздна околачиваться на переднем крае, а потом с дрожью в коленях нестись в штаб армии через этот нахмуренный мохнатый лес, ежеминутно рискуя жизнью. О! Шайн хорошо знает, что такое русские леса. В них всегда прячется смерть. Недаром же сам доктор Геббельс признал, что в брянских делях свернула себе шею не одна дивизия...

Вслед за Чуйковым из лесу выскочили Гуля, Сорокин и Пушкарь.

Шайн заметил, как из кустов вылетело что-то похожее на черный графинчик и тут же рассыпалось на тысячи искр, осветив ярким заревом лес. Кабина вспыхнула синегорячим пламенем. Под бронетранспортером раздался взрыв. Дважды отозвалась лесная чаща гулким эхом. И тогда из придорожного орешника дружно ударили автоматы. Очумевшие фашисты высыпались из кузова, за бронетранспортером затарахтел пулемет. На шоссе бухнуло несколько гранат. Пулемет захлебнулся. Наступила тишина.

Вслед за Чуйковым из лесу выскочили Гуля, Сорокин и Пушкарь. Пока товарищи обыскивали убитых и собирали трофейное оружие, Сорокин выволок из кабины мертвого оберста, достал из кармана бумаги. Свидетельства, пропуска, фотоснимки... Ерунда! Конечно, чертежи и схемы оберст возил в портфеле или в папке... Но где они?.. Сорокин поднял сиденье. Вот она, желтая кожаная папка. Кроме топографической карты, в ней было несколько листов плотной ватманской бумаги.

— Порядок! — обрадовался Сорокин.

Из-за поворота двумя снопами света ударили фары грузовика. За ним остановились еще две машины с солдатами. Гитлеровцы быстро попрыгали через борт и открыли огонь. Сомов и Пушкарь угостили незваных свидетелей «лимонками». Положение разведчиков усложнилось.

— В лес! — приказал Чуйков. — Юрчук и Грайченко, прикройте группу. — Он глянул на часы. — Сейчас двадцать два ноль-ноль. Продержитесь с полчаса, и порядок.

— Слушаюсь! — шепотом ответил Юрчук.

С двумя трофейными автоматами Грайченко бросился к сосне. В кустарнике застрочил ручной пулемет Юрчука.

Чтоб обескуражить немцев, разведчики часто меняли позиции. Ручной пулемет стрекотал из-за толстого бревна, огрызался из придорожных кустов, посылал очереди из подлеска. Немцы залегли, не осмеливаясь перейти шоссе.

— Вперед! Вперед! — крикнул офицер и перескочил кювет.

Пуля Грайченко свалила его на землю.

На этот выстрел гитлеровцы ответили беспорядочным огнем. Между деревьями закружилась посеченная листва. «Отползу немного в сторону, а они пускай себе шпарят наугад, — подумал Грайченко. — Нам бы время выиграть...»

Но фашисты, по-видимому, догадались, что ведут бой

всего-навсего с двумя советскими бойцами, и начали перебираться через шоссе в разных местах. Дорога покрылась трупами, но нескольким немцам удалось перебежать на эту сторону. Теперь пули зазвенели отовсюду. А отходить разведчики еще не могли: рановато...

«Окружили... Надо спиной друг к другу... Чего это умолк Юрчук?»

Запутываясь ногами в зарослях папоротника, взволнованный Грайченко бросился к бревну, откуда еще минуту назад косил гитлеровцев его товарищ. Маленький Юрчук подпер кругляк плечом, словно силился подкатить колоду поближе к шоссе. С его надбровья текла кровь...

Грайченко поднял пулемет, оперся локтями на бревно и нажал на спусковой крючок. Стрелял по кругу короткими очередями, берег боеприпасы.

Когда трижды звонко щелкнул затвор, Грайченко понял: патроны кончились. Он оглянулся, второпях перебрал пустые диски. «Перебегу к дубу — там ребята сложили захваченное на бронетранспортере оружие...» Быстро поднялся, ступил шаг. Сильный удар в грудь остановил разведчика. Грайченко закачался, взмахнул перед глазами левой рукой. Мелькнули зеленые фосфорические стрелки, и циферблат угас...

* * *

Генерал Бакланов подвинул на край стола схему фашистской обороны, достал из папки Клодта зеленоватый конверт, скрепленный сургучной печатью 304-й пехотной дивизии. В конверте было разведдонесение Гейнца Вальтера, командира этого соединения. Один из абзацев генерал Бакланов перечитал дважды:

«На дивизионную разведгруппу, что отдыхала в прифронтовой усадьбе лесника, неожиданно напали советские разведчики. Им удалось снять часового и поджечь дом. Солдаты фюрера открыли ураганный огонь с чердака. В ожесточенном ночном бою погиб унтер-офицер Гросс и пять солдат. Лейтенант Шмитгоф и двое рядовых пропали без вести. Русские действовали дерзко и бесшумно, как заколдованные призраки».

Красным карандашом Бакланов подчеркнул последнюю строку, закурил папиросу и подошел к окну. В соседнем дворе возле ротной кухни хозяйничал Чурбаков. Наложил

два котелка гречневой каши, накрыл их шерстяным одеялом и стал поливать календы возле хаты. «Любит цветы, — подумал командир дивизии. — И Юрчук любил... Говорят, Грайченко собирал почтовые марки... Не вернулись... А Чурбаков подогревает для них ужин... Не верит, ждет. Этого вы, господин Вальтер, никогда не поймете!»

ЛУННЫЕ НОЧИ

Разведчикам туго. Выкатится глазастая луна и целую ночь напролет осматривает землю. Весь передний край как на ладони: каждый холмик видно, каждый стебелек серебрится... Ни с чем вернулась группа Щербакова. Отделение Спиридонова недосчиталось Георгиева и Рядченко. Водил группу сам лейтенант Добриченко — вернулся, прихрамывая, с осколком в бедре.

А враг не дремлет! Ночью по ту сторону фронта гудят бронетранспортеры и танки. На станции Демидовка свистнул паровоз: немцы отремонтировали железнодорожный путь. Что там замышляют гитлеровские генералы? Переформируют потрепанные дивизии или подбрасывают на восток новые резервы?

Сорокин, только что вернувшийся из штаба с картой, не стал рассказывать ребятам об упреках полковника Афанасьева: перед заданием не следует нервничать. А между тем начальник штаба целых тридцать минут выговаривал, что настоящие разведчики всегда орудуют хорошо, поэтому свою беспечность и бездарность нечего сваливать на луну, дескать, в группах отсутствует находчивость, изобретательность — действуют шаблонно, по старинке, не приспособившись к местности...

На этот раз решили группу полностью сформировать из добровольцев: Сербиненко, Сомов, Фролов, Туркин, Пушкарь. Лица у ребят серьезные, угрюмые. Сербиненко нервно курит сигарету...

* * *

Ночью разведчики исползали нейтральную зону вдоль и поперек, пытались перейти фронт на стыках батальонов. И все напрасно! Всюду гитлеровцы были начеку. После по-

луночи Сербиненко разрешил группе немного отдохнуть в овраге, который наискось пересекал «нейтралку».

Сербиненко, уткнувшись носом в землю, лежал на пологом склоне и проклинал, как только мог, насмешливый колобок месяца, мигающие июньские звезды и исполошившихся немцев. В воображении сержанта вставало утро, когда он, вернувшись с задания ни с чем, будет высмеян товарищами... «Хоть сквозь землю провалились! А что тут придумаешь? Как ни хитри, а должен за «языком» идти во вражеское логово. Подожди: а почему непременно нам к ним лезть? Пускай сами придут...»

Неожиданной мыслью Сербиненко поделился с Пушкарем. Тот удивленно вытаращил глаза:

— Это авантюра! Всяких фантазеров видел, а такого... И не думай!

Сербиненко вскипел:

— Здесь я начальник! И на нейтралке буду столько, сколько нужно!.. Следи за мной в четыре глаза. Понятно?

Он хотел сказать Пушкарю еще что-то обидное, но не выдержал взятого тона и обнял товарища.

Согнувшись, они подошли к повороту. Дальше правое разветвление оврага врезалось в косогор. На косогоре — немцы. Разведчики остановились, пожали друг другу руки. Сербиненко прошептал:

— Пройду по этому аппендиксу — так будет ближе. Не прозевай! Стреляй только в крайнем случае, когда в самом деле... Пускай эти собаки думают, что я здесь один. Будь здоров!

Ответвление привело Сербиненко к самым окопам гитлеровского боевого охранения. Часовых не видно. Тихо. «Неужели решили, что мы струсили, и перед рассветом дают храповицкого? Враки, притаились». Разведчик осторожно поднял голову. Перед ним желтел бруствер, до него метров двадцать. Немного подалее перекрытие блиндажа, наподобие холма, освещенного луной. Вправо из-под маскировочной сетки торчал ствол крупнокалиберного пулемета. Над бруствером, раскачиваясь, двигалась рогатая каска. Часовой поравнялся с блиндажом, каска исчезла. «Пошел будить смену. — Сербиненко скосил глаза на часы. — Немецкая пунктуальность: ровно три. Самый удобный момент». Разведчик вскочил на ноги и быстро побежал к ближайшей воронке. Из траншеи его заметили — раздался выстрел из

карабина. Когда Сербиненко упал в воронку, застрочил пулемет, подали голос автоматы. Как только стрельба прекратилась, разведчик снова побежал. Немецкий пулемет выпустил длинную очередь — возле ног Сербиненко завихрилось облачко пыли. Он все же успел достичь воронки; на дне ее вскрикнул и, раскинув руки, упал лицом к траншее...

Пулемет смолк. Немцы послали в небо несколько ракет, хотя в них не было никакой надобности: светло как днем...

Из ячейки наблюдения показался перископ: возле офицерского блиндажа водил биноклем испуганный немец.

Сербиненко закрыл глаза — в качестве цейсовской оптики сомневаться не приходилось...

Прошло полчаса. Лежать камнем становилось все тяжелее и тяжелее. По спине Сербиненко забегали мурашки, в ногах и руках зацемило, заныло, постепенно усталость разлилась по всему телу. Взрыхленная взрывом земля нестерпимо давила в бок. «Чего это я раскис?.. А ну погляжу, что там на белом свете творится?..» Сквозь узкие щели между веками Сербиненко заметил, как из-за бруствера выглянуло лицо гитлеровца. В лунном сиянии оно казалось безжизненным, потусторонним. Сверкнули и угасли линзы бинокля. Немец с кем-то заговорил. Из траншеи несколькими очередями полоснул пулемет. Над Сербиненко со свистом завжикали пули. Не зацепила ни одна: спасла воронка. Но это еще было не все. Одна за другой возле самой воронки ухнули две гранаты. Сербиненко подбросило. Комочки земли, как град, забарабанили по плечам, ногам, песок набился в уши... Но осколки, к счастью, прожужжали выше...

Сербиненко не пошевелинулся.

Фашисты, вероятно, убедились, что «рус Иван» мертвый. В траншее отозвалось несколько голосов. Между ними выделился властный офицерский басок:

— Dieser Aufklärer ist tot. Bringen... Zehn tausend... Reichsmarken¹.

«Ого! — едва не свистнул Сербиненко. — Уже и голову мою оценили! И сумма подходящая». Он немного раскрыл правый глаз и увидел то, чего так долго ждал. Худощавый немец ползком двинулся к воронке, ежеминутно приподымая голову и со страхом поглядывая, не ожил ли случай-

¹ Этот разведчик мертвый. Принесите... Десять тысяч... Государственные марки (нем.).

но убитый. По спине разведчика пробежал мороз. Он быстро закрыл глаза, всецело полагаясь только на слух.

Тяжелое, отрывистое сопение приближалось. Совсем рядом покатались комочки земли. Фашист медленно спустился в воронку, перевел дыхание и боязно дернул автомат Сербиненко. Пальцы «убитого» выпустили оружие. «Теперь он больше не будет сомневаться! Так и есть — шарит в моих карманах; несет смердящим эрзац-табаком... Пора!» Рука Сербиненко выпрямилась, как стальная пружина, кулак чуть не увяз в челюсти фашиста. Немец мешком повалился на разведчика.

«Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! Не гоняйся за легкой добычей.— Сербиненко сбросил с себя бесчувственного немца и вздохнул полной грудью.— Теперь и черт мне не брат... До оврага метров тридцать. Пока немцы опомнятся...»

С немцем на спине Сербиненко со всех ног бросился к оврагу. На некоторое время воцарилась гробовая тишина — гитлеровцы оцепенели. Такого они никогда еще не видели. Драгоценная добыча выскользнула из рук, да еще с живым трофеем! Вдруг по траншее разнесся дикий крик офицера. Лихорадочно застрочили пулеметы.

Не выпуская немца, Сербиненко прыгнул в овраг головой вниз. Сомов подхватил «языка» и, заметив, что немец без сознания, приложил ухо к его груди.

— Здорово ты его стукнул! Но еще дышит!

— Ну и кино ты отчебучил! — Пушкарь шутя толкнул Сербиненко в плечо.— До самой смерти не забуду; во сне буду просыпаться, если вспомню...

ДВАДЦАТЫЙ

Играть в преферанс наскучило. Все надоело: и эта двухгодичная мясорубка, и этот блиндаж, и его обитатели — командир батальона Ридерберг с треугольной физиономией павиана, начальник штаба гауптман Хютце, избивающий своего денщика парабеллумом, лейтенант Шредер, пьяница и развратник.

Сколько же можно резаться в карты, болтать о величии рейха и о преданности своему фюреру!

...В июле 1942 года, когда дивизию перебросили из Фран-

ции на Восточный фронт, лейтенанту Морису Гербертсу разрешили на одни сутки заехать в родной Гамбург.

Поздно вечером он открыл дверь покосившегося от времени домика в Альтштадте — старинном и самом бедном районе города. Мать бросилась обнимать и целовать сына, а отец — кряжистый, словно шварцвальдский дуб, — угрюмо стоял с кружкой пива среди комнаты.

— Морис! — глухо произнес старый докер. — Наш род существует около трехсот лет. И в нем никогда не было мерзавцев. Если ты убьешь хотя бы одного русского солдата... — Огромный, черный от угольной пыли кулак опустился на стол. — Ты не сделаешь этого, сын мой!

Пораженный такой встречей, лейтенант Гербертс что-то бормотал о святости приказов фюрера, об обязанностях офицера. И вдруг, заикаясь, спросил:

— Фатер, ты... ты... коммунист?

— Нет, — покачал головой старик, — но я слушал Тельмана и знаю, что такое Россия. Помни об этом.

И Морис Гербертс помнил...

Он был превосходным стрелком, с завязанными глазами мог разобрать и собрать разные системы пулеметов и моментально исправить любые неполадки. И, как на грех, именно в его роте пулеметы очень часто выходили из строя. Однако особых подозрений у начальства это не вызывало: ведь на немецких заводах работают беззусые подростки и беспомощные старики, а оружие изготавливают тысячами. Чешские и австрийские рабочие вообще не надежны... Правда, последнее время гауптман Ридерберг стал придирается к Гербертсу. Морис уже не однажды чувствовал на своем затылке подозрительный взгляд командира батальона...

В дверь постучали. Возбужденные картежники не обратили на стук никакого внимания.

— Входите! — наконец разрешил Гербертс.

В блиндаж, низко склонив голову, вошел первый номер пулеметного расчета ефрейтор Нейхауз. Двумя пальцами он коснулся пилотки.

— Герр гауптман, разрешите обратиться к обер-лейтенанту Гербертсу!

Командир батальона посмотрел красноватыми глазами:

— Что там у вас?

Ефрейтор смутился:

— Пулемет не стреляет, герр гауптман. Какая-то неиз-

вестная задержка. Пятый параграф третьего раздела новой инструкции ничего не предусматривает. Фельдфебель ска- зал, что только обер-лейтенант Гербертс может помочь...

— Снова! Доннерветтер! Гербертс, когда прекратится в вашей роте это разгильдяйство! А если русские сейчас пой- дут в наступление? Или за «языком»? Что тогда?!

Морис Гербертс поднялся:

— Извините, герр гауптман, но к наступлению против- ник совсем не готов. А о «языке» в такую ночь может меч- тать только сумасшедший.

— Чепуха! — вскипел Ридерберг. — Неделю тому назад именно в такую лунную ночь большевики выкрали солдата из третьего батальона.

— Извините, герр гауптман, но они выманили его из траншеи, как волк глупого щенка из конуры...

— Оставьте демагогию и исправляйте пулемет! А впро- чем, я сам пойду.

— Слушаюсь, герр гауптман!

* * *

Ночь. По небу плывет луна, освещающая овраги, лысоватые холмы, вражеские траншеи, расположенные на южном скло- не высоты. По дну оврага гуськом, один за другим, неслыш- но пробираются разведчики. Зеленовато-желтые маскиро- вочные костюмы отливают серебром.

Сорокин не торопится: с детства привык к прихотям по- го- ды. И на самом деле, воздух увлажнился, а на горизонте появились белые тучки. Усилившийся ветер гнал их к пе- реднему краю...

Сорокин был доволен, что отказался от дневного поиска. Конечно, своя логика в первом варианте плана была. Ночью, при свете луны, все видно как на ладони. Немцы уже при- выкли к нашим ночным визитам — охрана не спит. А напа- дение среди белого дня было бы для немцев неожиданным-не- гаданным. Да еще в обеденное время, когда все внимание приковано к котелкам и термосам. И все-таки в этом риск большой... «Пока что, — решил Сорокин, — наведаемся к пу- леметчикам правее ориентира номер два. Наглые, форсят в коротеньких брючках, сверкая голыми икрами, будто на пляже Эльбы или Рейна... Во-первых, в пулеметных гнездах обычно нет ни автоматов, ни пистолетов, ни ножей... Ото-

рвешь немца от «машиненгевера», и он тут же становится беспомощным, как слепой котенок. Во-вторых — и это главное, — пулеметчик всегда многое знает. В-третьих, подавляешь огневую точку. Одним махом семерых побиваюх... Сильны мы в теории! А что выйдет на практике...»

Капюшон Сорокина медленно поднимается над обрывом...

Ровно в два часа сменились немецкие часовые. Принявший пост солдат вертит во все стороны головой, как птица, прислушивается. Ни звука. Спит глубоким сном высотка, даже дежурный пулемет не отзывается... Часовой заряжает ракетницу — в небо взлетает яркий фонарик. В середине он желтовато-молочный, по краям — зеленоватые вспышки. При этом освещении гитлеровец еще раз осматривает все вокруг. Потом спокойно кладет ракетницу на бруствер, достает сигарету. Но курить на посту не разрешается. Жаль!.. Табак настоящий, ароматный, не какой-то эрзац... Люкс — «Вирджиния»! Во время последнего отпуска эту коробку подарил ему моряк с подводной лодки, которая потопила возле берегов Шотландии американский транспорт с продовольствием. Ящик сигарет качался на волнах...

За спиной часового бесшумно появляется Гуля.

Взмах.

Удар.

На всякий случай Гуля закрывает немцу рот. Сорокин легко спрыгивает в траншею, за ним — Яцько. Тишина гробовая: слышно, как трава растет. И страшно, словно змеи притаились. Ползет Сорокин и собственной тяжести не чувствует... Если бы в это мгновение кто-то крикнул — сердце не выдержало б...

Шаткие тени плывут вдоль блиндажа. Двери открыты. В землянке вздрагивает маленькая лампочка, на полу вползку спят солдаты.

За блиндажом чернеет ниша — вроде пещеры. На полочках аккуратно сложены плащ-накидки. Сорокин заворачивается в немецкий плащ, подает товарищам знак рукой. Гуля и Яцько остаются в нише; Сорокин идет дальше. На повороте траншеи нога уперлась во что-то твердое. Сорокин наклоняется и нащупывает патронный ящик. К стенке траншеи приставлена саперная лопатка... «Надо прихватить ящик для маскировки: словно и на самом деле патроны подношу пулеметчикам. И лопатка пригодится».

Вправо — еще один блиндаж. Сорокин ступает осторожнее. В глубине блиндажа за пеленой дыма трое офицеров азартно играют в карты. У каждого в зубах дымит сигарета. На середине столика — блюдечко, полное окурков.

Впереди скрипят доски — кто-то шагает навстречу. Сорокин крепче сжимает кинжал и идет прямо на немца... Тот, уступая подноскику дорогу, отводит в сторону автомат. Коснулись друг друга локтями и... разошлись восвояси. «Пускай себе топает. Гуля и Яцько его не прозывают... Вот только не дал ли я маху, оставив ребят в той нише? Ведь между ними и пулеметным гнездом — блиндаж картежников...»

Набежали облачка, заволокли луну. Тьма окутала траншею, ходы сообщения, пулеметные гнезда. Сорокин ускорил шаг, прошел еще один поворот и выглянул из-за бруствера. Теперь он хорошо видел площадку, на которой установлен пулемет. На разостланном чехле тускло поблескивали затвор, пружина и мелкие детали. Два немца что-то исправляли. Один — в солдатской форме, другой — в кителе и в фуражке. Офицер!

С ящиком на плече Сорокин двинулся к пулемету. Солдат услышал шаги и, не подымая головы, что-то залепетал, мигнул фонариком. Сорокин изо всей силы ударил его лопаткою по голове. Солдат упал как подкошенный. С перепугу офицер вскочил на бруствер. Разведчик рванул его за полу кителя на себя и тоже огрел лопаткою, только полегче: живой нужен!

Прикрыв свободной рукой рот, Сорокин дважды крикнул филином. Над нишей, где остались Гуля и Яцько, рассыпалась искрами зеленая ракета: разведчики просили отсечного огня. Сорокин взвалил отяжелевшего гауптмана на плечи и быстро пополз в глубь «нейтралки».

Низко-низко просвистели наши снаряды, и позади Сорокина, на косогоре, с грохотом вздыбились красновато-черные султаны: артиллерийский дивизион капитана Гавриша надежно прикрыл разведгруппу.

* * *

Возвращаясь из штаба дивизии, Сорокин едва тащил ноги. Перед воротами его ожидал Татьяна. Приземистый старшина подпрыгнул от радости и пермской скороговоркой выпалил:

— Вот ловкач! Среди такой ночи, что хоть иголки соби-
рай, выкрал немчуру. Ну как твой контрольный «язык» —
на уровне? Что за птица?

Сорокин удовлетворил любопытство старшины:

— Командир батальона гауптман Ридерберг. Сначала
упирался, а потом подтвердил все, что рассказал его пред-
шественник. Кое-что и новое выяснилось. Гитлеровское
командование подбросило сюда танковую армию и пять пе-
хотных дивизий. Под Нежином этот Ридерберг видел много
новеньких бомбардировщиков «Ю-88» и «Ю-87». На марше
их дивизию обогнали крупнокалиберные орудия и шести-
ствольные минометы. Назвал также фамилии нескольких
старших офицеров и генералов, которых фюрер перевел из
Франции на Восточный фронт. Своего подчиненного обер-
лейтенанта Мориса Гербертса считает изменником фатер-
ланда...

— Фью-ить! — лихо присвистнул Татьянин. — А извест-
но ли тебе, что это твой, можно сказать, юбилейный «язык»?
Двадцатый!

— Надо проверить...

— А ну, ребята, качай его! — скомандовал старшина.

Из кустов мальвы выскочили пять бойцов. Сорокин взле-
тел выше груши, что выглядывала из-за сарая.

ОДНИ СУТКИ

На заросшем густой щетиной лице майора Воронова вы-
ступили желваки.

— Не можешь ты командовать ротой. — Майор выплю-
нул искусанный окурочек.

— Никто и не стремится в ротные, — безразлично отве-
тил полноватый русский лейтенант, который замещал ранено-
го Добриченко.

— Это плохо! Три недели, как нет Павла. И ровно три
недели мы с тобой ловим мух, а не «языков». Выходит, без
Добриченко нет разведки? Это же глупости.

— Конечно. Не везет, и все! Планида показала спину...

— Послушай, Тряскин, ты случайно не в церкви родил-
ся?

— А что?

— Так... Суеверный, как поповское кадило. Планида,

брат, она у всех одна. Продумал как следует задание, предусмотрел все до мелочей — и успех тут как тут. Пospешил, доверился своей планиде — и ты уже не гордость дивизии, а общипанная курица... Ты заметил, как на передовой фрицы охраняют даже собственную тень? Значит, надо в тылах смелее пошуровать.

— Согласен, я сам поведу группу.

— Кому это нужно? Роту обезглавливать не следует. Щербаков и так обойдется. А задание давай обмозгуем, прикинем со всех сторон... разверни карту...

* * *

— Разверни карту! — приказал лысый, как бильярдный шар, генерал Модер своему адъютанту.

Быстрый гауптман Хазе удобно разложил на полированном столе оперативную карту и набор цветных карандашей «И. Г. Фарбениндустри».

— Заместитель начальника генерального штаба Зигфрид Шургаст на днях будет здесь. Оборудуйте для него образцовый командный пункт на этой высоте. — Синим карандашом Модер обозначил точку на карте. — Саперы предупреждены. О готовности доложить послезавтра.

— Будет сделано, герр генерал!

— Постарайтесь... Молодому офицеру, по-видимому, счень приятно нацепить рядом с одним Железным крестом другой, — потирая руки, достаточно ясно намекнул генерал.

— Sieg heil!¹

* * *

Щербаков, Сербиненко, Пушкарь и Фролов встретили рассвет по другую сторону фронта. Тихо было в старом, запущенном лесу. Только в воздухе, казалось, отрывисто и нудно жужжал шмель.

— «Раму» нечистая сила подняла спозаранку, — прошептал Пушкарь.

Как и все фронтовики, он ненавидел зловещую «раму». Бронированный снизу, двухфюзеляжный истребитель-разведчик «Фокке-Вульф-189» часами мог нахально висеть на

¹ Да здравствует победа! (нем.)

переднем крае, ведя наблюдения или корректируя огонь артиллерии. Особенно точно засекала «рама» тыловые военные объекты. Воздушный хищник торопился: за несколько секунд он потонул в мягких лучах утреннего солнца.

— Перекусим! — Щербаков неторопливо вынул из вещмешка банку свиной тушенки и пелбуханки хлеба.

Долго приглашать ребят не пришлось. Ели они аппетитно, быстро, как полагается молодым здоровым людям. По очереди глотнули студеной воды из фляги, скрутили козьи ножки и встали.

— Попрыгай, не звенит ли что в карманах? — приказал Щербаков.

Удовлетворенный проверкой, сержант повел разведгруппу дальше, в глубь вражеских тылов.

Густое плетиво ветвей сосен, дубов, берез и елей аккуратно просеивало солнечные лучи. Казалось, сверху на землю устремляется бесшумный и сухой розоватый душ, а на встречу ему поднимается легкая сизовато-белая пелена: это испарялась роса.

Влажная трава хлестала по коленям. Ноги часто цеплялись то за замысловатый корень, то за крепкий стебель папоротника. Под ветвистым дубом Щербаков споткнулся так, что едва не упал. Сержант наклонился, разгреб густую траву, — носок покрытого росой сапога пересекала желтая нить телефонного кабеля. Разведчики окружили своего командира.

— Жаль, трубки нет. — Пушкарь вытер красное от быстрой ходьбы лицо. — Надо было послушать, что там фрицы лопочут...

— Здесь и «языка» можем добыть! Перерезать кабель... К месту повреждения непременно прибежит связист. Мы его и зафрахтуем, — размышлял вполголоса Фролов, заблаговременно подыскивая для засады место.

— Прибежит... А кто? Какой-нибудь увалень, который даже собственной фамилии как следует не знает. Нет, не тот масштаб! Это разве в крайнем случае, если не встретим кого-нибудь стоящего... Пошли!

Щербаков упрямо мотнул лохматой головой и повернул на юго-запад, к шоссе.

Дорога дала знать о себе скрежетом танковых гусениц, шумом бронетранспортеров, треском мотоциклов. Вражеская техника двигалась двумя потоками — на фронт и с

фронта. Гитлеровцы быстро перегруппировывали свои силы, заменяли потрепанные под Тернополем дивизии какими-то новыми частями. Около часа разведчики считали «тигров», «фердинандов», орудия разных калибров и систем.

— Вижу, здесь дела не провернешь, — прошептал Щербаков в ухо Сербиненко.

— А если «маяк» снять? — Пушкарь показал на развилку дорог.

— Нельзя, может вылезть боком. Осмотрим лучше ту лесную дорогу, о которой говорил майор Воронов.

Разведчики неслышно поползли к густому перелеску. Здесь они передохнули, сориентировались и двинулись на север. Если бы кто-нибудь посмотрел на них со стороны, то заметил бы, что бывалый Щербаков шагает спокойно и уверенно; Сербиненко внимательно осматривает каждый кустик; Фролов прислушивается и, наверное, слышит какую-нибудь лесную мелодию; Пушкарь сосредоточенно о чем-то думает.

Проселочной дорогой тянулся дребезжащий обоз с удовольствием, обмундированием, строительными материалами. Хорошо откормленные лошади бодро везли груз. У гитлеровцев не хватало горючего даже для танков, и они вынуждены были вспомнить о лошадях.

— Подойдет? — Сербиненко явно понравился беспечный ездовой, что сладко клевал носом на последнем возу.

— Нет. Овчинка выделки не стоит.

Повозка протарахтела мимо.

— Зря, — заметил Сербиненко. — С Гулей и Спиридоновым мы не один раз выдергивали ездовых. И «язычки» были — помечтать можно! Ты что, Федор, фельдмаршала надеешься взять?..

— Я надеюсь, что здесь не колхозное собрание и вы не забыли, где мы сейчас. Говорю категорически: нам нужен офицер, деловой и знающий. Из-за какого-то головастика не стоило двадцать километров мозоли натирать!

Солнце уже повернуло на запад, а разведчики все шли и шли. Давно не хоженная дорожка, вьющаяся под ногами зеленою тесьмой, привела их на небольшую поляну. Поляна упиралась в ухабистый проселок. За дорогою земля прихотливо выгнула спину куполовидным холмом, подножие которого обрамляла полоса молодого дубняка, и, наверное, поэтому высота напоминала княжескую шапку.

Прозрачную лесную тишину нарушило далекое рычание тягача. Оно постепенно приближалось. Разведчики предусмотрительно попятились в чащу кустарника и притаились. Тягач с прицепом, нагруженным четырехгранными балками, остановился напротив поляны. Несколько саперов бросились к высоким стоякам. Из кабины выпрыгнул молодой офицер. Поразмявшись немного, он достал из кожаного футляра дорожную щеточку и начал старательно чистить мундир. Офицер повернулся лицом к поляне: на солнце сверкнули погоны гауптмана, Железный крест, драгоценный перстень на безымянном пальце.

Тем временем солдаты разгрузили прицеп. Пока они забирались на тягач, усатый, как таракан, фельдфебель что-то доложил гауптману. Тот одобрительно кивнул головой и поманил к себе ефрейтора с розовым, словно молодая картошка, носом:

— Wir bleiben hier! ¹

Тягач, запыхтев, тронулся с места, а гауптман, сняв мундир, шелковую нижнюю рубашку, сел на бревно спиной к солнцу. Ефрейтор с автоматом на плече сновал перед офицером.

«Такой «язык» нам пригодится! — подумал Щербаков, разглядывая мундир с крестом. — Только как его уволочь?» Глаз разведчика несколько раз измерял опасное расстояние от кустов к бревнам. Сейчас подползать рискованно. Курносый ефрейтор, что метался перед офицером, мог заметить, как колышется высокая трава...

Помог разведчикам сам ефрейтор. Приблизившись к офицеру, он скривился и, виновато взглянув на него, показал на придорожные кусты. Гауптман окинул солдата с головы до ног презрительным взглядом:

— Schnell, Faulpelz! ²

В воздухе неожиданно что-то захлопало... Большая птица с пятнышками на груди уместилась на суку березы. Ефрейтор узнал кукушку и причмокнул губами. Щедрая птица предсказывала ему много лет. Улыбнувшись, фашист пошел прямо на Сербиненко. Тишина напружинилась, натянулась, как струна.

Кукушка мигнула глазом и продолжала свой счет: она считала уже не ефрейторские лета...

¹ Мы остаемся здесь! (нем.)

² Быстрей, лодырь! (нем.)

Гауптман Хазе беззаботно загорал, мурлыкая какую-то песенку.

Спину приятно пригревало. Наслаждаясь, гауптман сожмурил глаза, а когда раскрыл их, увидел на дороге, рядом со своим, еще четыре тени. Хазе резко повернулся и все понял. Он хотел закричать, но что-то крепкое, обдирая язык и нёбо, заполнило рот. У Хазе перехватило дыхание. Гауптман со страхом всматривался в незнакомые решительные лица — в них он пытался прочесть свою участь. Участь была незавидная, ибо немец в отчаянии посмотрел на коварные кусты, на полоски примятой травы: гибкие стебельки медленно выравнивались...

Пока Фролов подавал растерявшемуся гауптману рубашку и мундир, Щербаков листал удостоверение пленного. Вырвав из записной книжки чистый листик, он обратился к Хазе:

— Schreiben Sie... «Ich fahre nach Lemberg...»¹ — Сержант пытался припомнить, как звучит по-немецки «срочно», но, наверное, он этого слова никогда и не знал.

Рука разведчика метнулась вверх и выписала в воздухе молодецкий вензель. Гауптман понял, чего добиваются от него, быстро написал несколько слов и подписался. Прочитав нехитрую фразу, Щербаков придавил уголок бумажки верхним бревном.

— Свяжи фрицу руки, Пушкарь. А мертвеца придется взять с собой. Спрячем его немного подальше. Ну, в дорогу! — сказал сержант, взвалив себе на плечо ефрейтора.

Временно группу вел Пушкарь. За ним, с надеждою поглядывая во все стороны, спешил гауптман. Спешить он должен был потому, что автомат Фролова частенько упирался ему в спину. Из-за Фролова выглядывало смуглое лицо Сербиненко. Правой рукой он придерживал ноги убитого, левой изредка посыпал траву крепкой прилукской махоркой: чего доброго, фрицы пустят собак...

Мертвец становился все тяжелее, словно наливался свинцом. Щербаков вспотел и утомился. Он отошел в сторону, опустил свою ношу под мрачные своды ели. Насобирав мелкого хвороста и прошлогодних листьев, сержант старательно замаскировал убитого, критически осмотрел свою работу. За несколько минут Щербаков догнал товарищей и пошел впереди.

¹ Пишите... «Я уехал во Львов...» (нем.)

Над головами разведчиков горделиво проплыло тридцать краснозвездных бомбардировщиков. «Хорошо крылатым! — непроизвольно позавидовал сержант. — И у них, правда, есть свои беспокойства, свои волнения. Да есть ли на свете у кого больше тревог, чем у нас, разведчиков?» И Щербаков внимательней всматривался в заросли, напряженно прислушивался к шорохам.

А гауптман злился. Больше всего его донимало то, что в плен он попал живой и здоровый, за пятнадцать километров от фронта, да еще среди бела дня. Хазе попытался расслабить шнур. Напрасно — руки были закованы, как в железо. Фашисту пришла в голову мысль броситься сзади на ненавистного сержанта, вцепиться в него зубами, рвать..

Щербаков вдруг оглянулся. Он дождался, пока гитлеровец поравняется с ним, и ткнул ему в нос здоровенный волосатый кулачище.

— Господин гауптман, — сказал сержант по-русски, — не выйдем!

Хазе отшатнулся, наклонив голову: «Нет, лучше не сопротивляться. Жизнь — наивысшее благо из всех благ, и ее русские гарантируют всем пленным. Это подтвердил и фельдмаршал Паулос в обращении к немецким солдатам. А этот проклятый сержант — колдун, ватылком прочитал мои мысли».

Но гауптман ошибся. Просто разведгруппа приближалась к вражеской запасной траншее полного профиля, и Федор решил на всякий случай припугнуть гитлеровца.

Июльский день угасал. На западе медленно собирались тучи. Повеял ветер. Сначала — несмелый, низовой, потом — широкий, размашистый. Заскрипели костлявые дубы, застонали тонкие сосны, зашумели ошетилившиеся иглы на елях. Над лесом поднялась горластая стая воронья. Птицы закружились, словно истребители в бою, замкнутыми кругами.

Огромная черная туча, поглотив на своем пути мелкие облачка, нависла над лесом. Сразу стало темно. Разведчики ускорили шаг и наконец выбрались на опушку. Переходить линию фронта было рановато. Они сели полукругом и о чем-то совещались. Нахохлившийся Хазе сидел немного в стороне и угрюмо смотрел в землю. Щербаков, заметив, что немца охватила дрожь, прикрыл его зеленым концом плащ-палатки. Потом сержант развязал пленного, растер ему синие рубцы на запястьях. Фриц сгоряча рванулся. Тогда правая

— Да есть ли на свете у кого больше тревог, чем у нас, разведчиков?

рука сержанта легла на плечо Хазе и сжала его так, что затрещали кости.

— Господин гауптман, у меня еще никто не убежал! — Щербаков заглянул пленному в глаза и беззвучно засмеялся.

Немой смех разведчика ошеломил немца. Хазе не мог, отказываясь поверить: советский сержант смеялся в опаснейший момент, в то время, когда они находились в центре фашистской обороны, перед линией фронта. Для Хазе это было непостижимо. Этот страшный смех окончательно сломил гитлеровца: от такого человека не убежишь, даже если бы произошло чудо! Минуту назад было невыносимо холодно, теперь Хазе трясла лихорадка...

Дождь полил как из ведра. Звонкие капли барабанили, подпрыгивая на крепко натянутых плащ-палатках. Твердый суглинок плохо впитывал воду: в низких местах стояли огромные лужи. Они увеличивались на глазах, а дождь не утихал.

Щербаков поднялся, развернул плечи.

— Хорошо чешет — даже прожектором не пробьешь такой завесы. Вставай ты, цибербахтер! — Удовлетворенный удачно найденным словом, сержант дернул гауптмана за воротник.

Пять фигур расплылись в ливне и тумане.

В темноте гауптман совсем потерял ориентацию. Ему слышалось, что крупнокалиберные немецкие пулеметы захлебывались то позади, то впереди. Хвостатые трассирующие пули то жужжали вдогонку, то обдавали иссеченное дождем лицо встречным шипением.

Теперь Хазе больше всего боялся потерять широкую спину сержанта. Один раз он ее все же потерял. Это случилось тогда, когда из-под ног Щербакова выкатилась стручковатая ракета. Кто-то невидимый толкнул немца в спину — он потерял равновесие и распластался в холодной грязи. Перед залепленными грязью глазами замелькали подошвы. Они то приближались, то отдалялись. Хазе что есть силы старался догнать их, беспомощно барахтаясь в липком болоте. В этих подошвах немец видел спасение.

Когда адские огненные перекрестья исчезли за спиной, чья-то крепкая рука оторвала гитлеровца от земли, помогла подняться. Теперь пулеметы глухо огрызались только позади. Впереди было тихо-тихо. Ночь прислушивалась к шелесту дождя и к каждому неуверенному шороху.

В непроглядной тьме трижды едва заметно мигнул зеленый огонек. Щербаков ответил тремя красными сигналами карманного фонарика. Вблизи замелькала фигура.

— Ты, Щербаков? Топай за мной! — Гуля или простудился, или унаследовал хрипловатый басок лейтенанта Тряскина.

Разбитыми земляными ступенями Щербаков спустился в ход сообщения. Гуля с интересом рассматривал «языка».

— Как? Не связанный?

— А что? К «языку», комар его забодай, нужен индивидуальный подход. Гауптман очень богатый: один его перстень стоит миллион. А богатые знаешь как за жизнь держатся — трактором не оторвешь! Кроме всего прочего, он сразу взял в толк, — Щербаков ехидно подмигнул, — с кем имеет дело. Фирма, браток! И психология.

— Ой, прогоришь ты когда-нибудь со своей психологией!..

— Поживем — увидим...

ПОСЫЛКА

Все правильно. Полевая почта — 12 624, литер «Д». Только вместо фамилии, имени и отчества — два слова: «Храбрейшему солдату». Посылку от народной артистки СССР Надежды Андреевны Обуховой вручил старшине Татьянину сфцигер связи и, подмигнув, сказал, что генерал Бакланов советует бойцам самостоятельно определить адресата.

Посылка лежит на плащ-палатке в центре двора...

— Кто ж из нас заслуживает такую честь? — вторично спрашивает старшина, и его монгольские глаза из-под смолистых ресниц пристально осматривают бойцов.

Разведчики вдруг оглохли. Каждый занимается своим делом, как будто никакой посылки и в помине нет. Пушкарь возится с трофейным цейсовским биноклем. На лице Сомова — белая мыльная пена, и он сердито скребет бритвой щетинистые щеки. Сербиненко старательно зашивает серо-зеленый капюшон. Склонившись над немецкой картой, тихо переговариваются Сорокин и Щербаков. В который раз уже Иванчук перечитывает письмо. Приятная новость: у старшей сестры Ольги родился курносенький сын. Возле колодца Гуля стирает в корыте воротнички...

Словоохотливый Ломтиков не выдерживает:

— Я так думаю, товарищ старшина, что это чья-то остроумная шутка. Вернули же армейским оружейникам под Новый год бракованные лимбы. Так, да... Кроме того, по календарю сегодня имеем тринадцатое июня. Спрашивается в задаче, к чему эта посылка. Так, да... Откуда Надежда Обухова знает наш адрес? Да и написано, скажу вам, с ехидцей... «Храбрейшему солдату!»

— На посылке подлинный московский штамп,— разъясняет скептику старшина.— Возможно, увидела артистка у кого-то из знакомых солдатский треугольник... В конце концов, написала первый попавшийся номер полевой почты. Ну и попала посылка к нам. А кому и как адресовать — это уже ее дело... Давайте говорить по сути!

— Разрешите? — Чурбаков снял белый фартук; на груди повара блеснул новенький орден Славы.— Мне с этими свинными тушенками, термосами и котелками титул самого храброго не светит. Но собственное мнение есть... Предлагаю отдать посылку Сорокину или Сомову!

— Из каких соображений вы, уважаемый коллега, двигаете мою кандидатуру? — спросил Сорокин.

— Так ему кажется с высоты ротной кухни,— ехидно бросает Сербиненко.

— Чья бы мычала...— обиделся Чурбаков.— Вспомни, какую блистательную карьеру ты сделал под Плисками. Целую ночь, до рассвета, водил генерала по буграм и лощинам, все подошвы истоптал. Это так наш герой искал КП дивизии! А теперь, видишь, выбился в люди: безошибочно находит дорогу от кухни до медсанбата и назад...

— Густо замешиваешь,— прыснул Гуля.

— И все-таки пускай Чурбаков скажет, почему он назвал фамилии Сорокина и Сомова,— настаивает старшина.

— Представьте себе: приедет прославленная актриса в нашу дивизию. Конечно, ей интересно, кто получил посылку. Выйдет из строя Сорокин или Сомов — орлы! Чего доброго, и познакомиться захочет...

— Не козунствуй! — оборвал повара Гуля...— Обухова — солидная, уже немолодая женщина. Величественна, как пава. Я слушал ее концерт в Москве. Сказка!

— Какая бы ни была, а я с женщинами дел не имею! — фыркнул мыльной пеной Сомов.

— Братцы! — вмешался Сергей Фролов.— Премудрый

Козьма Прутков учил нашего брата смотреть в корень. Пускай подарок примет ротный комсорг.

— Чего разводишь чиновочитание? — Пушкарь поднял вверх указательный палец.—Давайте отдадим самому младшему из нас, Горелику. Он служит образцом...

— А что! — нарочито громко подхватил Иванчук.— Последний «язык» обращался к Горелику только «герр майор»...

— Вот болтуны! — рассердился Татьянин.— Послушайте вас, и выходит, что во всей разведке нет достойного человека. Кинем жребий, а то вечер приближается: надо группу собирать.

— Жребий — слепая вещь,—серьезно сказал Сорокин.— Давайте решим так. Этой ночью идет в разведку группа Спиридонова. И Грицюта сидит на переднем... Кто из ребят отличится, тому и отдадим подарок Надежды Обуховой.

* * *

Туман сгущался. Сначала исчезла в серовато-белой вате извилистая линия немецкого бруствера, потом растворилась колючая проволока. Грицюта уже не различал ничего, кроме тяжелой, молочно-грязной пелены сплошного тумана. «Вот беда! Придется на слух... Завтра уточню по разрывам».

Валентина Грицюту природа наделила редким слухом и еще более удивительным терпением. Разведчик с разрешения начальника часто выходил, как он сам говорил, «побродить по ничейке». И в разведроте никто лучше Грицюты не знал, где расположены фашистские пулеметы, орудия, минометные батареи — все то, что на фронте обозначают термином «огневые средства противника». Точность его данных нередко поражала даже специалистов звукометрической разведки.

Бесполезный в такой мгле бинокль Грицюта спрятал за пазуху и стал прислушиваться.

В фашистской траншее вблизи офицерского блиндажа щелкнула ракетница—и едва видимое пятно поплыло вверх. Пулемет за проволочными заграждениями откашлялся, как старик, и наугад выпустил длинную очередь.

В глубине немецкой обороны, на окраине Васильевки, взвизгнул шестиствольный миномет. Справа, в районе кир-

пичного завода, ударила семидесятипятимиллиметровка. За Белашовским леском отозвалась гаубица. Ее снаряд грохнулся в ложбине, где должна была переходить нейтральную полосу группа Спиридонова. В Вихровке звонко ударила дивизионная пушка. «Что-то новое,— отметил Грицота.— Да еще между хатами: эхо шарахается в разные стороны, словно теленок глупый».

Под заграждением пробежал суслик, замер над норкой, погрыз что-то и шмыгнул в свое убежище. И снова тишина. Нет ничего коварнее такой тишины... А это что? Ножницы звякнули? Грицота слушал затаив дыхание. Звон не повторился. Только трава зашелестела. Вот удивительно — ветрато нет! Грицота раздвинул ветки лебеды и оцепенел.

Из тумана, все явственнее выделяясь, выплывал шарообразный предмет. Голова в капюшоне, в руке парабеллум... Гитлеровец в пятнистом маскировочном костюме прополз так близко, что зацепил плечом лебеду. Грицота сжал нож, но удержался... Немец неторопливо, как тюлень, пополз в глубь «нейтралки». За ним — второй, третий... Что-то до боли знакомое — вкрадчивое и в то же время грозное — было в этих мягких, плавных движениях. Вражеская разведка! Отборные, сметливые и отъявленные головорезы.

Сколько их? Не появятся ли еще?

Ночь молчала.

«Спиридонов направился к ним, а они к нам щупальца запустили. Ну и ну! Однако почему их только трое? Для поисковой группы — маловато, для рейдовой — тоже... Погоди: обер-ефрейтор, взятый под Михайловкой, болтал о каких-то параллельных группах. По-видимому, группа захвата действует отдельно, а группа прикрытия — сама по себе... Так какую из них я видел? Как бы там ни было, а теперь немцы — позади, немцы — впереди. Да и по сторонам... Возможно, охотятся за разиней-наблюдателем... А если к нашим окопам за «языком»? Неприятностей не оберешься: видел и не предупредил. Подожду, возможно, что и прояснится...»

В немецкой траншее методически, с пятиминутным интервалом, щелкала ракетница, блеклая ракета тянулась на тонкой ножке, словно стебелек прорастал в темноте. Но ее свет не мог пробить густой туман.

«И здесь сидеть нет смысла, и с теми тремя не справлюсь... Это тебе не простая пехота! Правда, некоторый пере-

вес на моей стороне: я их видел, а они меня — нет. Эх, двум смертям не бывать!»

Влажная трава цекотнула по щеке, по уху... Разведчик выполз из своей засады. Примятый немцами пырей еще не выпрямился — темная полоска упиралась в серовато-белую стену. Что творится за этой стеной? Где немцы? Притаились в воронке перед окопчиком нашего боевого охранения или уже подкрадываются — неслышные, невидимые?.. Грицюта вынул нож, потрогал лезвие пальцем...

Разведчик легко передвигался в неподвижной белой пелене тумана. Он слышал, как сбоку лениво ползет лягушка, как осторожно шуршит в траве полевая мышь... Вскоре перед ним вырос островок ветвистого коровяка. «Кто-то дышит... А вот и каска немецкая.— Грицюта почесал мизинцем в ухе: тихо, как в копне сена.— Чтоб ему! Это ж подстреленный Фроловым снайпер оставил здесь свою амуницию... Догнать бы фрица, что замыкал группу, в низине. Там бурьян... Одинаково шуршит под своим и под чужим». Грицюта ползком двинулся дальше.

Перед самой низиной след темной полоски затерялся. Удивительно: назад фашисты не возвращались и провалиться сквозь землю не могли! Разведчик пополз вперед и разглядел на земле глубокие вмятины. Они были немного шире следа от сапог и без каблуков. «Хитрые, постолы¹ обули,— подумал разведчик.— И уже не ползли, а шли». Грицюте захотелось подняться, чтоб хоть руки передохнули, но рисковать он не решился.

Следы вели к обломкам «мессера», сбитого позавчера нашим истребителем. Разведчик полз осторожно, метров за пятнадцать от этого места остановился, стал прислушиваться: оттуда, где мгла спрятала обломки самолета, отчетливо донеслось дыхание... «Неужели вся группа? Нет, один. А если один — тогда на то и щука в реке, чтоб карась не дремал».

Ни одна травинка не зашелестела, ни один стебелек не надломился под Грицютой...

Немец лежал, опершись на локти, и смотрел в сторону окопов нашего боевого охранения. В тумане застрекстал «максим». Немец приподнялся на колени, в правой руке — автомат, под рукой — гранаты. Грицюта рванулся к нему, закрыл рот. Нож рассек мглу...

¹ Лапти из лыка (укр.).

От нашей траншеи донесся глухой стон, зашелестел брезент. «Опоздал!» — с досадой подумал разведчик. Сорвав с убитого маскрубашку, он натянул ее на себя, поверх своей, затем надел немецкую пилотку.

«Максим» огрызнулся еще одной очередью. В травеazole пальцев Грицоты зашелестели пули. Разведчик инстинктивно отдернул руку. «Сам виноват... Пока возился там, где они шли, пока прикончил гада... А эти двое — старые волки — быстро справились!»

Грицота упал на землю. Ныли колени, болели локти... Разведчик скоро вспотел в двух маскировочных рубашках, но необходимо было поскорее добраться к воронке, что под терновым кустом, — другой выгодной позиции нет...

В воронке вытер потный лоб, проверил оружие.

Впереди показались два силуэта. У одного из них, у того, что повыше, оказалось две головы. «Тянет заспанного слюнтя... Сначала сниму свободного», — решил Грицота, наводя пистолет.

Его заметили. Немец с ношей вполголоса залепетал:

— Helmut, alles in Ordnung! Hilfe mir...¹

Выстрел разбудил тишину в обеих траншеях. Затрещали автоматы, захлебывались пулеметы, десятки ракет пытались пробить толщу тумана.

Второй фашист, оглушенный выстрелом Гельмута, какое-то мгновение не мог прийти в себя. Наконец поняв, что произошло, он сбросил свою ношу и выхватил парабеллум. Два выстрела раздались одновременно. И все-таки пуля Грицоты на какую-то долю секунды раньше раздробила плечо гитлеровца. Фашист промахнулся. Парабеллум выпал из его рук. Немец левой рукой неожиданно выдернул из-под рубашки кортик и прыгнул на врага.

Грицота перехватил руку с кортиком, но фашист был сильнее. Он потянул Грицоту на себя. Разведчик присел и головой что было силы ударил здоровяка в солнечное сплетение.

Гитлеровец крикнул и вцепился зубами в шею противника. Грицота ударил его в раненое плечо, — оба потеряли равновесие. Фашист, падая, по-кошачьи вывернулся и всем телом притиснул Грицоту к земле. Что-то твердое врезалось разведчику в поясницу. Вырывая руку, немец немного под-

¹ Гельмут, все в порядке! Помоги мне... (нем.)

нял Грицоту. Разведчик, воспользовавшись этим, нацупал под собой парабеллум. Оглушенный ударом, фашист ружнул на землю.

Грицота вытянул из трофейной рубашки шнур, связал немца. Перерезав веревку на руках пленного «языка», вынул кляп. Паренок лет двадцати несмысленно мигал глазами.

— Ты из чьей роты? — буркнул Грицота.

— Из роты лейтенанта Мужина.

— Герой... Как это ты?

— Так ошарашили... Темнота какая...

— Тяни фрица!

— Может, перележим... Свои ж подстрелят. Видишь, как чешут!

— Тащи, дурак, а то как ударят немцы отсечным, тогда належишься так, что и не встанешь!

Грицота помог ему устроить пленного на спину, подтолкнул: «Давай, не волынь». Прислушался... и тронулся следом.

* * *

Старшина Татьяна солидно набил свою трубку «Золотым руном» (где он разжился таким табаком, никто не знал) и подал ее Грицоте:

— Полакомься! За ночь уши вон как опухли. Ну и отколол ты номер! Не отколол, а можно сказать, отчекрыжил!

— Какой там номер? — затягиваясь, спросил Грицота. — Немец ведь подстреленный. А то он бы сделал из меня котлету по-гамбургски. Атлет!

— Важно то, что вражеского разведчика взял. — Старшина просунул руку под португую. — В нашей роте это третий за всю войну. Постиг?

Грицота осторожно повел головой.

— Он мне шею грызнул, как тот волчище...

— Заживет... Ну что, ребята, — Татьяна окинул бойцов хитроватым взглядом, — ответим сюрпризом на сюрприз?

— Правильно! — загудели разведчики.

Старшина вынул из шкафа фанерный ящик, подошел к Грицоте:

— Это посылка от Надежды Андреевны Обуховой, народной артистки Советского Союза. Фамилии не указано, но не сомневайся — тебе...

ДАЛЬНИЙ РЕЙД

Черная туча, смахивающая очертаниями на австралийский материк, залегла над передним краем. Ее насквозь пронизала молния и вмиг рассыпалась веером синих зигзагов. Где-то высоко с грохотом перевернулся огромный ковш — сплошная звенящая завеса дождя закрыла немецкие траншеи, приземистые холмики дзотов, проволочные заграждения, минные поля...

Дождь быстро переметнулся на другую сторону. Окопчик стало заливать водой.

— Пошли отсюда, пока не промокли совсем! — забеспокоился майор Воронов.

— Подождем. — Добриченко из-под кашюшона глянул на небо. — Ливень скоро пройдет. Авось что-либо и прояснится... Интересно, как немцы пережили омовение...

Лейтенант, приблизив к глазам бинокль, долго смотрел в одну точку, потом радостно позвал:

— Поллуйте и вы, товарищ майор!

Воронов взял бинокль.

Заминированную ложбину между двумя высотками пересекали проволочные заграждения в шесть рядов. Под ключей проволокой, на самом дне котловины, бурлил и пенился весенний поток. Он ширился на глазах, размывая удобный лаз.

* * *

Ночью разведгруппа во главе с лейтенантом Добриченко воспользовалась этим лазом.

Первую линию обороны разведчики миновали один за другим, стараясь не потерять из виду впотьмах широкую спину Сомова, посланного в головной дозор. Последним шел Иванчук; он старательно «заметал» следы. Сегодня ему досталось много хлопот: разведчики перебрали узенькие полоски истоптанной ржи, низкорослого ячменя, реденького проса. Иванчук поднимал наклонившиеся стебли, печально гладил руками колосья. На его родной Киевщине пшеница плескалась сплошным золотым океаном — глазом не окинешь... А здесь — жалкие полоски... На полтора года пришла на обездоленные земли Западной Украины желанная свобода. Только распрямились спины, исполосованные панскими кнутами, как в иконе сорок первого года новая беда

грянула на восток, ободрала и разорила и без того бедного крестьянина, вернула к нищете — к узеньким полоскам, походившим на глубокие рубцы на теле украинской земли... «Ничего, — подумал Иванчук. — Пройдут тракторы, глубоко распашем эти полосы, и зашумит здесь не карликовый ячмень, а заколосятся густые поля высокосортной пшеницы».

За вспаханным полем начинался луг. Кое-где из травы выглядывали гнилые пни, а вокруг них — редкая поросль ольшаника. Кусты ивняка спускались вниз; стала попадаться заросшая осокой топь. Зажурчала под ногами вода, — группа приближалась к небольшой речке. Сомов притаился за кустом, рассматривая что-то в темноте. Группа остановилась. Не усмотрев никакой опасности, сибиряк отыскал в траве длинную палку и стал замерять глубину речушки. Пока он исследовал дно, Сорокин разогнался и одним махом перелетел на другой берег. За ним — остальные разведчики.

Вдали, слева, замелькали синие точки: фашисты на грузовиках подбрасывали что-то по шоссе к переднему краю. Добриченко проводил взглядом автоколонну до тех пор, пока огни подфарников не исчезли за пригорком.

Разведчики прошли прибрежный луг, редкий кустарник и добрались до леса. Лейтенант мысленно представил карту, быстро определил местонахождение группы и приказал двигаться на северо-запад. Где-то там, в конце маршрута, у Большого леса приютилась маленькая станция, которая очень интересовала штаб армии.

...Весь следующий день разведчики провели в наблюдениях за этой станцией, привокзальными постройками и шоссе. Удобно устроившись в густых зарослях леса, разведчики видели, как с самого утра вокруг военного эшелона бегали гитлеровцы. Они разгрузили двенадцать орудий, столько же тягачей, двадцать минометов. Артиллерию и тягачи кое-как замаскировали в лесу за переездом. Возможно, техника должна была дожидаться особого распоряжения, а быть может, гитлеровцы просто не рискнули передвигаться днем.

Очень аккуратно снимали фашисты с платформ зеленые ребристые «сундуки». Около сотни этих загадочных «сундуков» нашли место под брезентовым навесом.

Затем пожилой железнодорожник отцепил два вагона в конце эшелона. Брюхатый немецкий паровоз, сорвав голсс, тоненько пискнул и дернул состав. Порожняк отгромычал колесами на стрелках и скрылся за семафором.

Возле вагонов с техникой снова засуетились солдаты. Толстый фельдфебель что-то прокричал. Из сторожевой будки выбежало около десяти давно не бритых, хмурых мужчин. «Бандеровцы», — сообразил Добриченко. Впервые он видел их так близко. С собачьей преданностью козыряли они каждому невзрачному фашистику, бережно носили карабины и за пакагузом грузили их на подводы. Потом бандиты направились на Печеновку...

Ценные сведения собрал Сорокин, обнаружив в лесу небольшой, тщательно замаскированный полигон. Подслушав разговор двух офицеров, сержант понял, что через полчаса фашисты начнут проводить испытание нового реактивного оружия. Сорокин осмелился подползти близко к забору. В одной из досок он выковырнул сучок. Через отверстие разведчик разглядел, как из светло-кофейной трубки вырвалось жаркое пламя синего цвета. Шипящий снаряд, мотнув огненным хвостом, пробил восьмисантиметровую броню, как картон.

— Раздобыть такой снаряд можно? — нетерпеливо спросил лейтенант.

— Легче перепрыгнуть через Эйфелеву башню... Полигон охраняет рота автоматчиков. Десять пулеметов. Электрическая сигнализация...

«Итак, — сделал вывод Добриченко, — засекреченная зондеркоманда испытывает новое вооружение во фронтовых условиях и, кроме того, снабжает винтовками бандеровцев. Задержаться бы здесь еще хоть на сутки. Это небезопасно». Он полез в карман за папиросой, но портсигар, вырезанный из корня груши, оказался пустым.

Ротный толкнул Сорокина под локоть:

— Дай табачок, сержант! Говорят, чужой крепче...

— Какой же он чужой? Прислал дед Чуйкова. Как спирт! — Разведчик передал командиру кисет и сложенную в гармошку газету.

Добриченко оторвал ровный прямоугольничек, скрутил козью ножку и с наслаждением затянулся.

— Назад тронемся до наступления сумерек. Надо лес Большой осмотреть.

Описав полукруг, в центре которого осталась станция, разведчики взяли курс на юг. Группу по-прежнему вел Со-мов. Он пробирался сквозь чащу легко и уверенно, словно тут родился и вырос. И в самом деле, этот участок леса на-

поминал ему родную сибирскую тайгу. Сомкнутые вершины сосен и лохматых елей не пропускали свет, и люди двигались в зеленом полумраке. Черная земля пахла плесенью, подгнившей хвоей, влажным мхом. Иногда ноги натыкались на скользкие замшелые валуны. И вдруг под сапогами захлопало болото.

Сомов остановился и, подождав лейтенанта, вопросительно посмотрел на него.

— Бери левее.— Добриченко пальцем сбил с плеча мокрицу.— Северная опушка леса, наверное, более интересна.

Сомов посмотрел на компас и свернул влево. Местность постепенно подымалась, стало сухо. Заросли отступили. Вышли на поляну, окруженную кустами шиповника. В высокой траве то тут, то там валялись выветренные плитки торфа.

Лейтенант поднял одну из них и стал внимательно рассматривать. Тем временем Сомов пересек поляну и поманил пальцем командира к себе. В лес вела просека, на которой возвышались две кучи торфа и опрокинутая вагонетка.

— Где-то неподалеку должна быть узкоколейка,— шепотом произнес Сомов.

Добриченко согласился.

Догадки подтвердились: за сто метров от просеки разведчики увидели однолинейное полотно. Лейтенант потрогал добротные, хорошо просмоленные шпалы:

— Ну вот и танкистам угодили. Пройдут, как на параде. Продвинемся еще на север. Теперь будьте осторожны: каждый ствол опасен.

И ротный не ошибся. Трижды разведгруппа пыталась достичь северной опушки леса и трижды возвращалась обратно: всюду было много солдат. По-видимому, гитлеровское командование перебрасывало на фронт новые соединения.

К вечеру разведчики остановились у лесного ручейка.

— Товарищ лейтенант,— прошептал Сорокин,— может, задержимся на денек, выясним обстановку?

— Нет,— категорически возразил Добриченко.— наших сведений уже ждут в штабе армии. Кроме того, днем здесь очень легко засыпаться: лес кишит немчурой.

Сорокин, облизав обветренные губы, зачерпнул немного воды.

— Как лед... Немного выше — родник. Прополощу рот! За Сорокиным поплелся Сомов.

Лейтенант переобулся, мысленно прикинул обратный маршрут, а разведчики все еще не возвращались. «Как дети! — рассердился Добриченко. — Дорвались к воде, полощут рты...»

В темноте треснул сухой хворост. «Это, наверное, Сорокин отяжелел после водопоя... Ног поднять не может! — возмущился лейтенант. — Вот всыплю ему чертей!»

Из тьмы выплыл плечистый Сомов. За ним кто-то незнакомый лениво топтал валежник. Добриченко, прищурясь, рассматривал гитлеровский мундир. Немец?! Сорокин — он шел третьим — шепотом доложил:

— Пил...

— Скорей отсюда! — оборвал его лейтенант.

Вдали уже потрескивал валежник; перепуганный голос звал Пауля.

...Допрашивали «языка» в зарослях кустарника, за узкоколейкой.

— Отвечайте тихо, — предупредил Добриченко. — Как вы попали в плен?

Сорокин вынул кляп. С опаской поглядывая на огромного Сомова, немец залепетал:

— Герр офицер, на ужин нам дали селедку. После соленого захотелось пить, а фляга пустая. Слышу: вблизи журчит ручеек. Бояться нечего: под каждым деревом свои. Дай, думаю, наберу свежей воды... Стал на колени... Здесь меня и схватили, заткнули рот. Этот герр офицер, — пленный вежливо взглянул на Сорокина, — любезно поддерживал меня за локоть...

— Тогда продолжайте разговаривать с ним, а я послушаю. — Добриченко устало сел на кучу шпал.

— Ваша фамилия? — спросил у немца Сорокин.

— Пауль Шифф.

— Год рождения?

— Одна тысяча девятьсот двадцать седьмой.

— Войсковая часть?

— Девятнадцатая мотодивизия, сорок шестой полк.

— Когда и откуда прибыли?

— Позавчера. Из Саарской области.

— Много войсковых частей в лесу?

— Военных здесь хватает. Техники более чем достаточно: орудия, самоходки, танки... Кажется, восьмая танковая дивизия.

Пугливый взгляд немца все время перепрыгивал от Сорокина на Добриченко. По-видимому, пленный пытался установить, кто из них выше по званию.

А когда после допроса Сорокин вопросительно посмотрел на командира роты, немец все понял. Какое-то мгновение он стоял живым мертвецом, потом, жадно проглотив воздух, быстро-быстро заговорил, обращаясь к лейтенанту.

— Герр офицер, я не боюсь смерти... Нас у родителей было трое. Старшего брата, Густава, казнили в берлинской тюрьме, Плетцензее... Средний погиб под Севастополем... Я — последний. Мать не переживет...

За годы войны Добриченко видел около двухсот «языков». Это были разные люди — нахальные и лживые, смелые и трусливые, умные и глупые, циничные и одураченные работяги. Разговаривая с ними, лейтенант научился почти безошибочно отличать, где правда, а где ложь. В словах пленного была правда. Лейтенант знал, кого бросали в подземелье самой ужасной тюрьмы рейха... В руках Добриченко была судьба третьего сына фрау Шифф, и ротный колебался...

Наконец лейтенант поднял голову:

— Вы, Пауль Шифф, верно оцениваете только свое положение и совсем не считаетесь с нашим. Если бы в ваши котги попал кто-нибудь из нас? Что бы вы сделали?

Рука лейтенанта вывела на животе немца крест.

— Но вы же — советские! — «Язык» дважды повторил последнее слово, как будто сознавал, что сейчас только оно возымеет силу.

— Да, мы — советские! — с гордостью сказал лейтенант. — Вы, Пауль Шифф, тоже будете иметь возможность доказать, что и вы не из подонков...

— Я буду жить? Герр офицер, вы говорите правду?

— Правду. — Добриченко повернулся к пленному спиной, давая ему понять, что разговор окончен. — Верни ему кляп, Сомов! И возьми шефство, ясно?

Лейтенант «погадал» на звездах, дал знак двигаться. Группа вытянулась в цепочку. Добриченко постоял немного, прислушиваясь к лесным звукам, и догнал Сорокина:

— Передай, чтоб шли вдоль узкоколейки... Как думаешь, не соврал фриц о Плетцензее?

— Нет! — пробормотал Сорокин. — Но я прикончил бы его все равно.

— Эх ты, поклонник Гете и Бетховена! — Добриченко остановился. — Его брат боролся за красную Германию!

— Так то брат. А младший Шифф — просто запуганный лопух. Но завтра этот теленочек спокойненько убивал бы нас. А главное, из-за него может случиться... самое страшное... — Сорокин быстро расстегнул воротник. — Товарищ лейтенант! Излишне говорить, как уважают и любят вас в дивизии. Я также... Но иногда на вас такое находит...

— Хватит философии! Это тебе, добрый человек, не за кафедрой! — Обиженный лейтенант ускорил шаг.

За несколько метров от восточной опушки леса узкоколейка оборвалась. По-видимому, ее намеревались или продолжить, или отремонтировать, потому что вокруг лежали шпалы, груды щебня, ржавые рельсы.

Между деревьями время от времени вспыхивали немецкие ракеты. За холмом лениво стучал крупнокалиберный пулемет.

Движением руки Добриченко остановил группу, внимательно посмотрел на «языка». Шифф, словно защищаясь от смерти, качнулся.

— Вы, кажется, не из пугливых, — насмешливо прошептал лейтенант по-немецки. — Сейчас вам развяжут руки. Делайте все, что прикажут. Это — фронт. Спасая вас, мы рискуем собственной жизнью...

Возвращаться из тыла врага всегда труднее, чем переходить линию фронта, отправляясь на боевое задание. Остался на сучке, пеньке или колючей проволоке кусочек материи от маскировочного костюма, оборвется ли пуговица, кто-то не замаскировал окурок или по рассеянности бросил спичку на лесную просеку, оставил на влажной земле след сапога — и наблюдательный враг, который и без того хорошо ориентируется и анализирует мелочи, легко поймет, что в тылу орудуют советские разведчики.

Тут же по радио передадут сигналы зондиртревоги, и целые отряды станут прочесывать лес автоматными очередями, будут рваться с поводков овчарки, притаятся всюду «секреты» и засады, на переднем крае удвоят посты... Для разведгруппы, действия которой сковывает «язык» со свободными руками и ногами, опасность увеличивается втрое.

Короткими перебежками разведгруппа миновала кустарник, проползла открытую местность и замерла под пригор-

ксом. Добриченко и Сорокин поднялись на склон, поросший терновыми кустами. Отсюда уже близко к немецкой траншее. Из-за высотки взлетела ракета. Ослепляюще-холодный фонарик повис над передним краем.

— Вот это номер! — Сорокин показал на проход, который так хорошо послужил разведчикам.

Возле проволочного заграждения ротный увидел четыре серо-зеленые фигуры. Трое фашистов лежали в воронке, четвертый устанавливал ручной пулемет. Наверное, вчера гитлеровцы заметили лаз под заграждением и устроили засаду. Разведгруппа попала в ловушку...

Сорокин заметил, как изменилось лицо лейтенанта: глаза сузились, стали совсем маленькими, морщины над переносицей углубились. Опершись подбородком на кулак, Добриченко неотрывно наблюдал за немцами.

— Беда, — вырвалось у Сорокина.

— Они ожидают наших с нейтральной, — спокойно заметил Добриченко. — А мы — у них в тылу. Сообразил?

— Но их четверо! Если не спят, только чудо...

— Возьми троих разведчиков и действуй, только без шума. Я буду наготове.

— Слушаюсь! — Сорокин покатился в долину.

Добриченко еще раз окинул взглядом траншею. Слева ударил трассирующими пулями пулемет. Его поддержал другой — с соседней высотки. Уменьшились интервалы между вспышками ракет. Неужели фашисты что-то заподозрили?

Секундная стрелка на часах завершила девятый круг. «Где же ребята? — забеспокоился ротный. — Каждая секунда дорога. Пора бы переползти им холм...»

Сзади тихо зашелестела трава. «Это Сомов «языка» переправляет поближе, — сообразил Добриченко. — Правильно, пускай и немец осмыслит». Лейтенант посмотрел вправо, поднял руку.

Теперь все взгляды были прикованы к четырем фигурам, которые ползли по дну ложбины. «Слишком медленно — до утра не доползут...»

В зарослях конского щавеля голосисто застрекотал сверчок. Пулеметчик шевельнулся. Солдат стало восемь человек. Что за оказия?.. Нет, это просто устали глаза, двоится...

Рядом с гитлеровцами замерли четыре разведчика. Добриченко и Сомов затаили дыхание.

Под кустом можжевельника взмахнула крылом сонная птица. Горным обвалом прокатился этот звук над ложбиной. Конец? Нет, часовой возле пулемета еще ниже склонил голову: предательски страшен тяжелый предутренний сон!

Что это? Проснулся? Потягивается... Разводит руками... Хотя бы не оглянулся... Уже не успеет!..

Холодный блеск ножа...

Добриченко слышит за спиной всхлипывания и оглядывается. «Язык» обеими руками закрыл глаза.

Тишина.

Сорокин сигналил пилоткой: путь свободен!

Только сейчас лейтенант ощущает нервный озноб...

СЕРЕЖКА С МАЛОЙ БРОННОЙ

Сначала начальник разведки майор Воронов хотел поручить это задание Сомову. Сибиряк Сомов отличался сметливостью, с двухсотметрового расстояния попадал в пятак, читал следы, как легкую книгу. Но Сомов при своем двухметровом росте был очень заметен.

Перебирая в памяти имена разведчиков, майор Воронов словно увидел перед собой по-мальчишески проворного ефрейтора Фролова. Сережа Фролов родился и вырос в Москве, родную Малую Бронную считал лучшей улицей мира, а подмосковные леса — царством охоты. Токарь Николай Иванович Фролов научил сына бить диких уток без промаха, потом стал братъ парня на волков.

Разведчики любили Сережу за тихий, кроткий нрав. И хотя лейтенанта Добриченко иногда раздражала постоянная улыбка на лице Фролова, которая не исчезала в самых сложных ситуациях, он считал Сережу одним из лучших разведчиков дивизии.

— Товарищ гвардии майор, — слышалось на пороге, — ефрейтор Фролов готов выполнить любое задание.

— Это действительно так? — спросил майор, критически осматривая щуплую фигуру в маскировочном костюме.

— Так точно!

— Тогда слушай внимательно. Ты помнишь, как погиб капитан Качур?

— Убит на правом берегу Донца. Пуля прошла сквозь левый глаз.

— А подполковник Шурдук?

— Так же в левый глаз...

— А подполковник Богданов?

— Понял, товарищ гвардии майор: один почерк... Речь идет о гитлеровском снайпере. Подстерегу!

— Не лезь под пулю. Фашист коварный и хитрый!

Гитлеровский снайпер в самом деле отличался удивительной находчивостью и наглостью. За селом Долгополье на Полтавщине разведчики нашли его логово в копне сена. Под Кременчугом фриц стрелял из-за убитой вздутой лошади. А на Правобережье, в Петровке, он устроил засаду прямо в печи сожженной хаты: вынул кирпич с тыльной стороны и устроился как дома. Враг приобрел себе репутацию неуловимого...

Майор пытливо посмотрел на Фролова.

— Тяжело тебе придется, Сережа. Возьми кого-нибудь на помощь. Лейтенант Добриченко разрешил.

— Командир роты говорил мне об этом.

— А ты?

— Одному безопаснее.

— Дело твое. Только чтоб гитлеровский снайпер через неделю был передо мной. Живой или мертвый. Хватит!

Воронов пожал Сереже руку и отпустил его. Потом от имени генерала Бакланова майор приказал всем командирам батальонов всячески помогать разведчику.

На следующий день с переднего края сообщили, что на рассвете вражеский снайпер убил капитана Лихачева. Разрывная пуля вошла в левый глаз... Начальник разведки немедленно позвонил Добриченко.

— Раззява твой Фролов! — в бессильной злобе произнес майор. — Где он сейчас?

— На переднем. — Голос командира роты показался дерзко спокойным.

— Даром хлеб народный едите!

— Товарищ гвардии майор, обида — как ножевая рана: долго не заживает.

— Сейчас не до пустых разговоров. Усилить наблюдение! — Трубка телефонного аппарата умолкла.

Фролов подстерегал врага четвертые сутки. От переутомления голова раскалывалась: сказывалось постоянное нервное напряжение. Иногда Сережа брал в рот немного соли. Тошнота медленно отступала, потом снова подкатывалась к

горлу. В воспаленных и мутных от бессонницы глазах расплывались красные круги. Однако разведчик продолжал упрямо метр за метром осматривать каждый кустик, каждый бугорок на местности. Особенно внимательно изучал Сережа разбросанные хатки безлюдного хутора Подляски.

Передохнув, Фролов перевел взгляд на небольшое кладбище. Шесть надгробных плит, семнадцать крестов, девять гранитных памятников. Все на месте. Вот только крайний справа памятник темнее, чем был вчера. А может, это зрение привередничает? Сережа протер стекла бинокля и снова взглянул на памятник: тот и в самом деле был темнее цветом. «Что это? — размышлял разведчик. — Освещение то же самое, дождя не было. И молоденькая поросль вокруг памятника какая-то удивительная: в природе листья постепенно уменьшаются кверху и книзу, а на этих побегах внизу они крупнее. Неужели он? Остроумно — забраться в могилу!»

Фролов еще раз проверил свои наблюдения. Сомнения не было: памятник бутафорский. Разведчик схватил карабин. Он внимательно всматривался в памятник час, второй, пятый... В глазах снова замелькали красные пятна, а памятник не проявлял никаких признаков жизни. Как раз в это время Сомов принес товарищу полный котелок лапши с жареной телячьей печенкой.

— С какой это стати Чурбаков ресторанные блюда готовит? — улыбнулся Сережа.

— Для тебя. Угощайся, — выдавил из себя неразговорчивый сибиряк.

— Слушай, Федотыч! Пока я малость подзаправлюсь, рассмотри эти ближайшие памятники, — попросил Фролов, вытягивая из-за голенища ложку.

Сомов молча припал к брустверу. С минуту он внимательно смотрел в одну точку, потом повернул голову и хитровато прищурил глаза:

— А этот твой памятник не стрелял?

— Нет.

— Надо было бы спровоцировать!

— Да я несколько раз выстаивал на штыке старую генеральскую фуражку. Специально выпросил у комдива.

— Значит, разгадал. Вообще, Сережа, ты хоть на один глаз покимарь до вечера. Я не прозеваю, будь уверен!

— Спасибо, Федотыч! Но поквитаться с ним должен я.

— Ты ж едва на ногах держишься...

— Дождусь!

— Ну, удачи тебе, дружище!

Выбритый затылок Сомова исчез за углом окопа, а Сережа снова прислонился к брустверу.

Солнце медленно пряталось за горизонт. «Вот дьявол, — не выдержал Фролов, — еще один день упустил!» Он хотел было вытянуть кисет и сразу окаменел: на памятнике чернело квадратное отверстие. Сереже показалось, что даже виден чей-то глаз. Фролов прижал к плечу карабин, нажал на крючок. Щель не закрылась.

«Попал!» — облегченно подумал разведчик и бессильно опустился на твердую почву. Смертельно хотелось спать, но еще нужно было доложить командиру роты, что задание выполнено. Едва передвигая тяжелые ноги, Фролов поплелся к связистам.

Добриченко сразу же позвонил начальнику разведки.

— Товарищ майор! Наконец стервецу каюк. — Лейтенант даже захлебнулся от радости.

— Поздравляю Фролова и вас лично. Обо всем подробно напишите в разведдонесении. А ночью я буду вместе с вашей ротой. Не возражаете?

Ночью готовилась разведка боем. Добриченко любил ночные бои. Разведчики часто углублялись в тылы противника, действовали там отважно и находчиво. Рота дважды громила штабы фашистских дивизий, и к начальнику разведки попадала ценная оперативная документация. И в этот раз Воронов рассчитывал добыть «оперативные» трофеи. Кроме того, не терпелось посмотреть на уничтоженного Фроловым снайпера, который причинил столько вреда.

Первый залп к артиллерийской подготовке сделали «катюши»: в течение часа неистовствовала дальнобойная артиллерия. Снаряды один за другим накрывали вражеские траншеи. Нервы гитлеровцев не выдержали. Полуприглушенные и ослепленные фрицы беспорядочно выпрыгивали из окопов и, перегоняя друг друга, с диким криком мчались к опушке леса.

— Видите, как побежали тевтонцы генерала Фалька... Между прочим, я видел его вблизи, — похвастался Добриченко.

— Ну и какой он? — Майора Воронова разбирало любопытство.

— Во-о такой,— лейтенант смешно надул щеки,— брюхатый и жирный, как пивная кружка!

Вскоре наши орудия перенесли огонь в глубь гитлеровской обороны и что есть силы били уже по лесу. Иногда снаряды рвались на верхушках сосен — трескучая хвоя летела в небо тысячами искр. Издали это напоминало огромный фейерверк...

— Лейтенант Тряскин, действуйте! — приказал Добриченко и, посмотрев на перебежавших разведчиков, добавил: — Фрицевские огневые точки уничтожены. Пошли!

На кладбище они присоединились к группе разведчиков, которые рассматривали перевернутый взрывной волной «памятник». Мастерски разрисованный фанерный макет напоминал срезанный конус. В крепкой фанере было несколько продолговатых прорезов и квадратных окошек для ствола винтовки.

— Хитро придумано! — заметил Добриченко и направился к разрытой могиле.

В вывороченной снарядом земле торчал приклад снайперской винтовки, иссеченной осколками на щепки. Кусочки, что расходились веером от рукоятки, смахивали на лепестки причудливого цветка. Мелкие песчинки покрыли ствол и оптический прицел.

Фролов выгнул из ямы мертвого унтер-офицера с продольной лысиной. При вспышках ракет она тускло поблескивала, а оскаленные желтые зубы напоминали зерна кукурузы.

В нагрудном кармане снайпера Сережа нашел солдатскую книжку на имя Вилли Штумпфа и потертый блокнот. В нем лежало несколько любительских фотографий. На одной из них была залитая кровью женщина возле сожженной хаты. Рядом — улыбающийся Штумпф, наступивший на голову несчастной жертвы тяжелым сапогом. На обороте надпись: «Эта украинка несла партизанам воду».

Хмурый Добриченко быстро перелистал книжку, потер переносье:

— Бандит... Но у Штумпфа нет ни одной награды. А снайперов Гитлер отмечал щедро. Нет, Сережа, это не тот...

— Неужели?

— Жаль... Твоему фрицу дьявольски везет!

Разведка боем была успешной, перепуганные гитлеровцы отступали почти без боя. Только из третьей траншеи

Разведка боем была успешной...

фашисты попытались огрызнуться пулеметным огнем, но разведчики забросали гнездо гранатами.

Генерал Бакланов решил закрепить успех разведки и развить наступление. Этой ночью дивизия приблизилась к Висле еще на двадцать километров.

И фашисты, и наши войска оказались в одинаково невыгодном положении: местность ровная-преровная — ни кустика, ни бугорка. Только на нейтральной полосе серым привидением маячил подбитый фашистский танк. Немцы дважды старались оттянуть его в тыл, но с машиной, наверное, случилось что-то непонятное.

К полудню Фролов принес на командный пункт разведдонесение и наспех набросанную Добриченко схему ориентиров. Сережа улыбался веселее, чем всегда.

— Какие новости? — поинтересовался Воронов.

— Чудесные, товарищ гвардии майор. Теперь фриц не убежит.

— Почему?

— Негде ему, прохвосту, прятаться: равнина голая, как барабан.

— Так и тебя же он рассмотрит хорошенько.

— Черта с два! — Разведчик загадочно подмигнул.

— Тогда в добрый путь!

О своем намерении Сережа рассказал Добриченко.

Командир роты одобрил замысел: удобнейшей засады, чем танк, не было и фашист непременно воспользуется подбитой машиной. В любом случае Фролову следует засесть в танк с вечера и ожидать «гостя» на месте.

— Я тоже так думал. — Сережа доверчиво посмотрел на лейтенанта.

— А если он совсем не придет? — потер переносицу Добриченко.

— Тогда я останусь там на день. Только стрелять буду, конечно, в немцев...

При других обстоятельствах Добриченко рассмеялся бы ст такого «объяснения», но сейчас он промолчал.

— Ты бы поспал, — сокрушенно вздохнул Добриченко, отдавая Сереже свой пистолет. — Возьми на всякий случай. В тесноте удобнее.

— Слушаюсь! — козырнул разведчик.

— Желаю удачи! — Лейтенант подсадил Фролова на бгуствер. — Я буду ждать.

Пока Добриченко с помощью кода докладывал начальнику разведки об этих проводах, Фролов тихонечко подползал к молчаливому танку. За несколько метров от бронированного чудовища он распластался на земле, вытер со лба густой пот и уткнулся в тепло согнутого локтя. Прислушался: слышны были только звонкие удары собственного сердца. «Ишь как бьется. Неужели это страх?»

В небо протянулись хрупкие стебельки немецких ракет. Фролов подождал, пока угаснет их мертвый блеск, и стал взбираться на влажную броню. Неожиданно ему послышалось хрипкое дыхание. Но встревожился он зря: это потрескивала раскаленная щедрым июльским солнцем краска. Успокоившись, разведчик осторожно взялся за ручку открытой крышки и заглянул в люк. Внутри танка было темно и тихо. Оттуда шел сладковатый запах запекшейся крови. Сережа еще раз прислушался, положил на броню карабин и полез в черную яму. Правая ступня коснулась чего-то мягкого. Фролов резко отдернул ее. Тело сразу стало невесомым, мелко-мелко задрожало правое веко. Разведчик, перекинув себя, опустил ногу немного в сторону и нащупал стальное днище. Несколько секунд он стоял неподвижно, потом на ощупь отыскал сиденье водителя и осторожно сел. Двигаться не осмелился: немцы могли заминировать танк.

Темень сгущалась. Даже осветительные ракеты не могли надолго прорвать сплошной мрак. В воздухе нависла густая духота, словно перед грозой. «Досада! Так и буду сидеть слепым кротом. Теперь сможет выручить только слух... А что же это мягкое?» Сережа не хотел рисковать, но любопытство взяло верх — рука непроизвольно потянулась вперед. Мягкий предмет, что так напугал солдата, оказался сложенным матрацем. «Неужели это он подготовил? Хозяиственный. Ну ладно! Хватит подергиваться...» — успокоил себя Фролов и устроился так, чтоб удобнее было наблюдать за люками водителя и командира машины. Башенный люк его не беспокоил: с какой стати немец начнет взбираться на башню за двести метров от нашего боевого охранения?

Голова отяжелела, все меньше звуков улавливал слух. Прогоняя навязчивый сон, Фролов припоминал заушенные когда-то стихи, больно кусал руку. Однако усталость насильно сплепляла глаза. А ночь, как нарочно, не спешила. Она, изменница, прислуживала фашистскому снайперу...

Гитлеровец залез на танк неслышно. Когда он склонился

над люком, из-за туч несмело выглянула луна, и Фролов отчетливо увидел чужую грудь. От неожиданности у Сережи остановилось дыхание. Снайпер откинулся назад и смело спрыгнул на сиденье командира танка. Рукояткой пистолета Сережа ударил его по голове, потом подхватил бесчувственного немца и положил на матрац. Быстрым движением выдернул пояс из маскировочной рубашки, скрутил гитлеровцу руки и, разжав ему зубы, втиснул кляп.

Сергей быстро наметил план действий. Он поставил немца на ноги, подпер его плечами, потом вытолкнул наверх. Подтянувшись на руках, разведчик оказался на лобовой броне, скользнул по покатым плитам на землю. Потом нацепил гитлеровцу на спину трофейную винтовку, собственный карабин, положил пленного на себя и пополз к своим.

Гитлеровец оказался значительно тяжелее, чем можно было предполагать. Он крепко прижимал разведчика к земле. Сережа вдоволь «наелся» травы и пыли. Немцы время от времени постреливали трассирующими пулями. Шальные «мухи» жужжали совсем рядом. Но Фролову было безразлично: во-первых, фрицы стреляли наугад; во-вторых, пленный был надежным прикрытием.

Перед окопами нашего боевого охранения из-под земли донесся приглушенный голос:

— Стой! Пароль!

— Победа!

К Сереже бросились две тени.

— Клади его на плащ-палатку. Небось намучился. Крупный экземпляр, — бормотал тот самый голос, что запрашивал пароль. — Давай поможем разведчику.

Фролов охотно свалил свою ношу на постеленный брезент. Втроем они быстро дотянули фрица к основным окопам. Здесь их встретили Добриченко, Воронов, Спиридонов и Сомов. Сибиряк обыскал немца и отдал документы командиру роты.

— Ну и вlepил ты ему здорово, Сергей! — удивился Спиридонов, выплескивая на лицо фашиста третью флягу. — Не иначе, как с перепугу!

Словно услышав едкую реплику Спиридонова, снайпер открыл один глаз. Фролов наклонился и вытянул кляп.

— *Glauben sie mir...*¹ Я не снайпер!

---

¹ Поверьте мне... (нем.)

Лицо Добриченко перекошилось от злости.

— А это что? — Тонкий палец лейтенанта побежал между двумя строчками в солдатской книжке: офицеров — 22, солдат — 76.

Гитлеровец упал на колени:

— Герр лейтенант, пощадите. У меня есть дети...

И тогда впервые за всю войну Добриченко изменила выдержка. Острый подбородок необычно задрожал, из груди лейтенанта вырвался стон и поднялся до надрывно высокой ноты:

— У него есть дети!.. А у этих девяноста восьми,— ротный махнул снайперской книжкой,— не было?.. Не было детей?.. И матерей? И невест?

Добриченко закусил белую как мел нижнюю губу и выхватил пистолет. Майор всем телом навалился на его руку:

— Павло, ты с ума сошел!

Лейтенант вырвал руку с такой силой, что Воронов отлетел метра на четыре. Добриченко шагнул к побледневшему гитлеровцу, но, овладев собой, остановился.

— Отправить в штаб,— уже вполне спокойно приказал лейтенант Сереже.— Пускай допрашивает его Сорокин...

В тот же вечер майор Воронов написал письмо Сережиной матери. Хотелось рассказать ей о сыне, о том, что за мужество и отвагу он представлен к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Указ Президиума Верховного Совета СССР мы прочитали за Вислой. Но Сережи уже не было.

Он погиб на Сандомирском плацдарме.

Почти столетия охранял покой польского села Некрасов могучий вяз. Вершина его, правда, усохла, но крепкие плечи — могучие ветви — каждую весну покрывались новыми листьями, давая живительную тень уставшим пешеходам. Той ночью дерево, охваченное пламенем, словно огромный факел, устремилось в небо. Подпрыгивающий огонь достигал свежих развалин католической каплицы. Там, опершись коленом на каменную плиту, стрелял и стрелял раненный во время переправы Фролов. Враги окружили бойца со всех сторон и постепенно сужали кольцо. Они подкрадывались без единого выстрела: ведь за живого советского разведчика генерал Фальк собственноручно выплачивал двадцать пять тысяч марок.

Сережа сознательно выпустил последнюю пулю: у него

еще была противотанковая граната. Он повернулся лицом к развалинам, отодвинул предохранитель и спрятал руки за спину.

— Рус Иван, сдавайся! — горланили на разные голоса обнаглевшие фрицы.

Фролов молчал. Возможно, он мысленно прощался со своей суетливо-нежной матерью и родной ротой... А может, увидел златокосую подмосковную березку. Кто знает?..

Гитлеровцы приближались боязливо, словно под ногами у них была коварная трясина. Кровавое пламя вяза бросало угрюмые тени на заостренные лица, на хищные улыбки. Десять метров, семь, пять...

— Берите! — Выдернув чеку, Сергей закрыл лицо рукой.

Но теперь беречь глаза ему не было нужды. Он опустил руку в то мгновение, когда наряду с догорающим вязом вспыхнул другой не менее мощный и яркий факел. Ослепительная огненная грива рванулась высоко-высоко вверх, словно хотела, чтоб маленькую фигуру разведчика было видно всему миру.

Боевые товарищи похоронили Сережу под старой вербой на самом берегу Вислы.

...Вот почему однополчане погибшего не могут без слез слышать задумчивой песни:

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька — с Моховой...

ГОСТЬ ИЗ ЛЕСА

Между настороженными соснами размеренно вышагивал часовой. Выгоревшая на солнце гимнастерка туго стягивала богатырскую грудь, под рукавами гимнастерки топирились завидные мышцы. Широкая, как саперная лопата, рука застыла на автомате. Не верилось, что двухметровый великан может ходить так мягко, совсем неслышно: под тяжелыми сапогами не хрустнет ни одна сухая веточка.

Часовой остановился возле репейника в мохнатых красных шапках и задумался...

Вот они, его побратимы-разведчики, спят, сваленные усталостью тяжелого ночного боя.

Словно казак у разбитой дороги, согревает спиной магушку-землю Федор Чуйков. Разбросав черный чуб, Щербаков улыбается: наверное, во сне видит свой портрет на областной Доске почета в родном Воронеже. Калачиком свернулся непоседливый Николай Спиридонов, только нос торчит из-под шинели...

Спят солдаты. Они умеют и спать и есть «про запас».

Иван Сомов (это он охранял сон разведчиков) прислушался: в роце что-то зашуршало. Солдаты разведроты шутя говорили, что сибирский охотник Сомов даже слышит, как растет трава... Часовой еще раз прислушался. Вдали под чьими-то осторожными шагами шелестела прошлогодняя жухлая хвоя.

— Стой! Кто идет? — разбудил разведчиков грозный окрик.

Сна как не было.

В кустах зазвенел детский голосок:

— Это я, прошу пана... Вацек.

Из зарослей орешника на опушку леса выпрыгнул худенький, в поношенной одежде мальчик лет одиннадцати, с большими синими глазами и копенкой пшеничных волос.

— Чего шатаешься среди военных? — нарочито непристеливо спросил Сомов, рассматривая пришельца.

— Это я, пшепрашем, к пану полковнику. — Мальчик растерянно развел руками. — Это я, Вацек Спихальский. Разыскиваю вашего самого большого начальника. Имею срочное дело...

Сомов показал глазами на командира роты. Мальчик посмотрел на тощую фигуру лейтенанта:

— Это не начальник: полковники толстые и на авто ездят.

— Правду говоришь, Вацек, — засмеялся Добриченко. — Я не полковник. Но мне можешь рассказать все. Садись.

Приветливый голос командира роты, наверное, понравился мальчику, и он охотно устроился рядом. Подошел Демьян Пилипенко — стройный, красивый парень. Он родился и вырос в Тернопольской области, хорошо знал польский язык и был переводчиком, когда лейтенанту приходилось разговаривать с местными жителями.

— Слушаю тебя, Вацек, — сказал Добриченко.

— Там, за лесом, есть маленькое село... Осалья Лесиско — знаете? С той стороны, от немцев, начинается болото... По-

том пригорок и большой овраг. В этом овраге спрятано много немецких танков. Может, сто штук... И часовые ходят...

— Когда ты это видел? — Добриченко вытянул из планшетки карту.

— Сегодня утром.

— А как перешел линию фронта?

— Да я ночью здесь каждый пенечек найду. Это — панские леса. Тато за ними присматривал. — Мальчик опустил глаза.

— А где же сейчас отец?

— Нету. Повесили немцы... А мама уже давно умерла от чахотки, — шмыгнул носом Вацек.

— С кем же ты живешь?

— С бабусею... В лесу... Сейчас малина есть... В селах полно немцев, могут застрелить.

— А ночью сможешь отыскать овраг?

— Конечно, пан лейтенант.

— Не испугаешься?

— Что вы!

— Хорошо, Вацек, иди с этим солдатом в землянку. — Лейтенант взял за локоть Сомова. — Он тебя накормит. Наверное, кишки давно марш играют?

— Да немного чего-нибудь поел бы...

— Ну вот и позавтракаете вдвоем, — улыбнулся Добриченко. — Как только наступит вечер, двинетесь к немчуре.

Возле входа в землянку мальчик остановился:

— А танки не убегут?

— Нет, — успокоил его Сомов, — пощелкаем их.

* * *

Над линией фронта изредка вспыхивали немецкие ракеты. Чтоб отвлечь внимание врага, артиллерийский дивизион капитана Терещенко открыл огонь по маленькому хуторку. А за три километра от хуторка на стыках батальонов метнулись в лес две тени.

Вацек вел Сомова напрямик. Около часа петляли они между стволами уснувших деревьев. В воздухе запахло мокрым лесом, ржавой водой и илом. На болоте протяжно кричала выпь. Время от времени трясина глухо вздыхала.

Лес поредел, и под ногами зачавкала вода. Шли осторожно, след в след.

Вдруг луч прожектора осветил крайние деревья. Казалось, высокие сосны покачнулись и упали в проглотившее их болото. Тьма стала еще гуще.

Спереди на возвышенности надрывно скрипело расщепленное снарядом дерево. Именно под этим деревом они остановились. Вацек показал рукой на белые клочья тумана, что клубились над большим оврагом. До боли в глазах всматривался Сомов в черные разводья и наконец едва заметил накрытые защитными сетками танки. Это были хваленые «королевские тигры». Сомов насчитал девятнадцать машин. На последнем танке сетки не было. Дальше он ничего не мог рассмотреть.

«Надо заглянуть в овраг с фланга», — подумал разведчик и знаком велел Вацеку ползти за ним.

Они углубились в лес, затем свернули влево. Голова Сомова в маскировочном уборе, похожая на приземистый куст, повисла над обрывом. Отсюда разведчик увидел достаточно глубокий овраг, по очертаниям напоминающий вытянутую флягу. На дне между ольховыми деревьями притаились танки. Сомов отыскал незамаскированную машину и от нее продолжал счет. Зрачки разведчика расширились: в овраге скопилось сорок танков. Он протер глаза и начал пересчитывать с конца...

К своим вернулись без приключений. Сомов ушел на наблюдательный пункт, а Вацек остался в землянке. На свежем сене под теплой шинелью мальчик быстро уснул. Сквозь сон Вацек услышал отдаленный грохот и перевернулась на другой бок. Это был не гром — ровно в три часа рывкнула наша дальнобойная артиллерия.

По небу волна за волной покатались смертоносные залпы, по другую сторону фронта в ложбине раздались взрывы. Пламя жадно накинулось на танки, металось на броне длинными языками.

Вацек проснулся рано — вместе с солнцем, но в землянке уже никого не было. Он выбежал наружу. Позолоченные утренними лучами, разведчики смешно размахивали руками и ногами, боролись, гоняли мяч. После физзарядки солдаты окружили мальчика.

— Добрый день! — поздоровался Вацек.

— Доброе утро! — за всех ответил Добриченко. — Ну как, хорошо отдохнул?

— Так, пане лейтенант. А когда будут стрелять орудия?
— Какие орудия? — удивился Добриченко.
— Те, что должны фашистов пощелкать.
— Эге, уже отстрелялись.
— Как же это — без меня?
— Ты же спал, а артиллеристам, Вацек, надо было немедленно открыть огонь. Чтoб фашисты не показали нам пятки... Понимаешь?

— А танки не удрали?

— Нет, не успели.

Мальчик постоял молча, покружился на одной ноге:

— Тогда уж я пойду, пане лейтенант...

— Куда, Вацек?

— В лес.

— Подожди немного. Вот освободим твое село, и ты тогда, никого не опасаясь, пойдешь домой. А у нас живет мальчик. К вечеру он придет.

— Нет, — деловито сказал Вацек, — бабушка ждет меня, она ведь голодная...

Копенка волос запрокинулась, когда малыш посмотрел вверх на Сомова.

— Пшепрашем, — обратился он к разведчику, — мне очень нравится звездочка. Подарите, пане!

Сомов молча снял пилотку, отвинтил красную звездочку и протянул ее Вацеку.

— Спасибо тебе, дружок! Обходи немцев десятой дорогой; сейчас они злые, — посоветовал Добриченко, протягивая мальчику плитку шоколада и кусок хлеба с колбасой. — Лесовику пригодится.

— Бардзо дзенькую, пане лейтенант. До видзенья!

Направляясь к лесу, Вацек несколько раз оглядывался и приветливо махал рукой.

— Эх, и малышам не стало жизни через проклятого фюрера, — вздохнул Федор Чуйков. — Сколько сирот по миру пустил, оборотень.

* * *

Через два дня линия фронта отодвинулась на запад. Среди других польских сел советские войска освободили и Осалю Лесиску. Сомову захотелось посмотреть на знакомый овраг.

— Товарищ гвардии лейтенант,— обратился он к командиру роты,— разрешите отлучиться на часок. Интересно, не промазали ли артиллеристы.

— Двигай. Только не задерживайся: одна нога здесь, другая — там!

Сомов шел быстро. Он вдосталь находился, охотясь в сибирской глуши, и поэтому чудесно ориентировался в лесу. Безошибочно выбрался на едва заметную тропинку, что вела к трясине. Земля под ногами начала понемногу прогибаться. Здесь пробирались они вместе с Вацеком той тревожной ночью. Вот и дерево изувеченное, скрипит себе... Вскоре и поворот...

Свернув вправо, Сомов посмотрел впереди себя и... замер. Прямо на тропинке лежал мальчуган с копенкой окровавленных пшеничных волос. Над правой бровью запеклась пулевая рана. Рядом валялся растоптанный кусок хлеба. В руке Вацек что-то крепко зажал. Сомов разогнул холодные пальцы и увидел ярко светящуюся звездочку...

— Кто же тебя, такого маленького?..— крипло прошептал разведчик и посмотрел вокруг.

На влажной болотистой почве, как на пластилине, остались вмятины от подкованных фашистских сапог. Посредине правого задника четыре гвоздя загнаны крестом...

Следопыт Сомов как бы собственными глазами увидел то, что произошло. Убийца шел с переднего края. Вот там, под сосною, он остановился, закурил и выбросил пустую пачку из-под сигарет. Несколько минут фашист топтался на месте: три кучки золы серели одна возле другой. Потом он чего-то испугался и побежал — вмятины углубились к носку. На повороте фриц замер: он заметил Вацека. Отсюда и раздался выстрел — из-под узорных листьев папоротника сверкала стреляная гильза...

Разведчик вытянул из кармана веревку и принялся старательно вымерять что-то на земле.

* * *

От Вислы до Эльбы изучал Сомов следы подкованных вражеских сапог. Почти ежедневно появлялись на прикладе его карабина мстительные засечки. Но разведчик так и не нашел детоубийцу. Шатается где-то, проклятый...

В искромсанных вражеским огнем августовских сумерках саперы навели понтоны через Вислу. И хотя пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» дважды разрушали переправу, за ночь на левом берегу великой польской реки все-таки укрепились наша пехота и несколько десятков артиллерийских батарей.

Всю ночь мокрые, уставшие солдаты упорно долбили ломами твердый верхний слой известняка, рыли окопы. К рассвету бойцы оборудовали на высоте 225,7 наблюдательный пункт командующему артиллерией корпуса. Пока саперы стелили надежное перекрытие из толстых бревен, полковник Дубов настойчиво спрашивал по телефону у своих подчиненных, сколько переправлено «огурцов» — так полушифровано назывались снаряды. Сведения поступали безотрадные: полковник частенько ругался и твердо обещал с кого-то «снять штаны».

К Дубову неслышно подошел солдат. Из-под крутого, нависшего лба глядели веселые глаза.

— Товарищ полковник, — доложил он, — по приказу командира роты разведки сержант Пушкарь прибыл в ваше распоряжение.

— Хорошо! Устраивайся как дома, — сказал полковник и склонился над топографической картой.

Не успел Пушкарь установить стереотрубу, как за немецкой обороной прокатился глухой гром, над головами просвистел одинокий снаряд. Потом в сером небе завывли, зашуршали стальные болванки. Это было начало вражеской артподготовки. Фашистская артиллерия в течение часа методически долбила высоту и близлежащие окопы. Казалось, взрывы ухают и клокают уже где-то глубоко, в земной толще. Один из снарядов, выбросив огненный куст рядом с наблюдательным пунктом, разнес радиостанцию, убил радиста.

Когда артподготовка кончилась, Дубов спросил у разведчика:

— Ну как там, парень? Шевелятся арийцы?

— Сюда идут две танковые колонны. Расстояние — пять километров. — Пушкарь освободил полковнику место возле стереотрубы.

Занимался рассвет. Сквозь утреннюю пелену тумана Ду-

бов увидел недалеко от запрятанного в садах Щеглина завесу рыжей пыли. Он медленно повернул стереотрубу направо: такая же туча расстилалась над селом Хшанув. Западный порывистый ветер доносил на высоту тяжелый гул моторов. Фашистские танки двумя дорогами двигались на городок Пацанув.

— Разверни-ка, парень, запасную рацию. Добриченко говорил, что ты мастер на все руки. Сможешь? Правильно. Молодец! А теперь свяжись с «Камой» и спроси, что там видно.

Начальник разведки артиллерийского противотанкового полка — «Кама» — спокойно доложил: противник перешел в наступление, бросив в бой сто пятьдесят танков и два полка пехоты. Как стало потом известно, именно в этот день начальник генерального штаба сухопутных войск Гейнц Гудериан, надрезав блестящим лезвием палец левой руки, собственной кровью подписал приказ: «Немедленно ликвидировать висленский плацдарм русских и развернуть решительное контрнаступление группой армий».

Дубов хорошо знал, что переправившаяся ночью наша артиллерия, имея только по четыре-пять снарядов на орудие, конечно же, не сможет остановить вражескую танковую армаду.

— Капитан, — обратился он к своему помощнику Яременко, — садись на «доджа» и мчись к переправе. Скажи, что вся надежда на дальнобойную да на авиацию. Запомни: местность, будешь корректировать огонь.

— А как вы, товарищ полковник?

— Здесь остаюсь. Хватит — набегался в сорок первом да в сорок втором!

— Товарищ полковник, без вас не поеду. Не имею права, понимаете?..

— Все понимаю! Если я погибну, так честно. Сам виноват, не сумел вовремя доставить боеприпасы. Иди!

Капитан сделал несколько шагов, оглянулся, хотел что-то сказать. Но Дубов сердито махнул рукой, и Яременко побежал к замаскированной автомашине.

— И ты уходи, парень! — посмотрел полковник на Пушкаря. — Мне не поможешь, а погибать... рановато еще...

Разведчик поправил пилотку и сказал, что без приказа командира роты он отсюда не уйдет.

Дубов молча поднес к глазам свой, испытанный в боях

морской бинокль. Гитлеровские танки уже подползали к нашим батареям, выдвинутым на прямую наводку. Орудия молчали.

Когда танковые колонны, выстроившись римской цифрой V, развернулись для атаки, из-за туч на них бросилось девять горбатых штурмовиков. Тремя заходами «ИЛы» подожгли одиннадцать танков. Удар был настолько неожиданным, что фашистские танки беспорядочно расползлись в разные стороны. У штурмовиков кончились боеприпасы — вся «девятка» одновременно сделала правый разворот и на бреющем полете пошла на свой аэродром.

Танки с черными крестами на броне оправились, приняли боевой порядок и, потянув за собой длинные хвосты пыли, снова мчались к высоте. На южном склоне они прошли трехсотметровую отметку. Артиллеристы все еще не открывали огонь: решили преждевременно не демаскировать себя, стрелять наверняка. «А вдруг...» — Дубову стало страшно даже подумать, что бойцы оружейных расчетов растерялись и сейчас побегут. Полковник снова схватил бинокль. Почти одновременно рванулись и откатились назад длинные стволы левофланговой батареи. Все три снаряда накрыли цель. Один «тигр» загорелся сразу, как коробка со спичками. На втором пылала плоская башня, и от машины потянулась в небо дымовая завеса. Третий танк как безумный завертелся на месте и, сбросив перебитую снарядом гусеницу, остановился. Из него выскочили четыре танкиста и кинулись наутек.

Грохот боя нарастал. Наша артиллерия стреляла отлично: тридцать фашистских танков дымились на склонах. Колочий ветер гнал на высоту едкий дым.

И все же силы были неравные... Гитлеровцы поняли, что у защитников маловато снарядов, и обнаглели. Два «тигра», отделившись от основной группы, двинулись на противотанковые орудия, что заняли огневую позицию вправо от редкого кустарника. Закованные в броню чудовища вырастали с каждым метром. Мощные моторы ревели совсем близко. Из «тигров» время от времени, словно змеиное жало, высовывались длинные языки синеватого пламени и, жадно лизнув длинный снаряд, прятались в разинутых оружейных пастьях.

Пушкарю казалось, что ствол танкового орудия направлен прямо на него, и разведчик невольно съежился... Пять-

сот... четыреста... триста метров... «Ну!» — крикнул Пушкарь, и в это мгновение наводчик потянул за шнур. Передний танк вспыхнул, как будто его облили бензином.

Второй «тигр» остановился, его пушка хищно смотрела круглым черным глазом. Когда туча, поднятая взрывом, рассеялась, наше орудие осиротело... Стальной хищник, сверкнув траками, пополз к наблюдательному пункту.

Дубов смахнул рукавом слезу. Рассердившись, он бросил помятую фуражку в блиндаж, зажал зубами угасшую сигарку. Рука потянулась к нише, в которой сохранились бутылки с зажигательной смесью.

— Ты, парень, напугай арийцев противотанковой гранатой. А я подкину им огня!

Взгляд Пушкаря перескочил с бутылки на противотанковую гранату: прицурившись, он как бы оценивал их уничтожающую силу. Надвинув пилотку почти на уши, разведчик, согнувшись, побежал траншей навстречу танку... В одном из ее изгибов он широко размахнулся и бросил гранату. Едва успел он упасть, как дно траншеи вздрогнуло, пилотку сорвало с головы. Пушкарь вскочил на ноги и увидел распоротое брюхо пылающего чудовища. На земле, стараясь сбить прицепившееся пламя, катались вражеские танкисты. Дубов трижды выстрелил, затем положил пистолет на бруствер и вынул серебряный портсигар с конской подковой на крышке.

— Как тебя зовут, парень? — спросил командующий артиллерией, угощая разведчика сигаркой.

— Александр Пушкарь.

— Знаменитое имя. И фамилия артиллерийская... Из орудия стрелять приходилось? Нет? Считаю, что приходилось, — кивнул полковник в сторону умолкшего орудия. — Дадим фрицам по смотровым щелям. За мной!

Дубов выскочил из траншеи и быстро побежал. На его голове задорно подпрыгивал седой вихор. Пушкарь бросился вдогонку. В артиллерийском окопе они оказались одновременно. Запылавшийся полковник присел на корточки, перевел дыхание.

— Погибших бойцов, Саша, перенеси в блиндаж... Чтоб не радовалось это собачье отродье, чтоб не издевались, если... — Дубов поперхнулся.

Тем временем на высоту хлынула новая волна фашистских танков. К наблюдательному пункту устремились четыре «тигра». На каждом из них красовалась своеобразная

эмблема: оскаленная клыкастая морда тигра под скрещенными дубовыми ветвями.

— Смотри, породистые твари, — непослушными губами улыбнулся Дубов.

Приближающийся грохот постепенно переходил в неистовый рев. Земля под ногами задрожала.

— Танков четыре, а снарядов только три... Давай-ка, парень, вон ту чушку, — кивнул Дубов на снаряд с острой бронебойной головкой.

Пушкарь протер тряпкой гильзу, зарядил орудие. Он посмотрел на затвор, чувствуя, что сейчас от него зависит вся дальнейшая его жизнь.

Оглушительно, до боли в ушах, прогремел выстрел. Башню с танка смело, как крошку со стола. Из нее со звоном посыпались снаряды боекомплекта...

Орудие жадно проглотило второй снаряд. Кончик ствола медленно двигался впереди вражеского танка. Полковник выждал, когда «тигр» с дубовыми ветками на бортовой броне, объезжая подбитого собрата, неосмотрительно подставил бок, и потянул за шнур...

Со слепой злобой рванулся на смельчаков третий танк. Последний снаряд пронизал его лобовую броню.

Четвертое чудовище двинулось на беззащитное орудие...

— В ров! — выдавил из себя Дубов и через бруствер, выложенный дерном, скатился в окоп.

Пушкарь — за ним...

— Ну, вот и все! — Полковник вытер руки, неуклюже обнял Пушкаря и поцеловал в лоб. Это был жесткий, неловкий поцелуй отца.

Саша прикоснулся щекой к седому виску. У него перехватило дух.

Взрыв закрыл пламенем весь мир — далекий лес, задымленное небо, огромное стальное чудовище на обгоревшем склоне.

— Это наша дальнебойная! — радостно выкрикнул Дубов, падая вместе с Пушкарем на устланное соломой дно окопа.

Сверху тоненькими струйками посыпалась земля. И вдруг всю высоту накрыл раскатистый грохот, как будто огненное солнце взорвалось и залило землю расплавленным свинцом. Высота беспомощно застонала, задрожала, слезно в лихорадке. В окопчик что-то свалилось. Саша

Танков четыре, а снарядов только три...

почувствовал тупой удар, и его проглотила удушливая темнота. В ушах все время звенело, дышать становилось все труднее. Разведчик хотел расстегнуть воротник, но руки были бессильны...

* * *

Страшный огненный шквал прокатился над высотой 225,7. Он сжег траву, разнес блиндажи, вырыл глубокие воронки. Взрывная волна разметала танковые башни, орудийные стволы, рваные гусеницы. Изувеченные трупы в серо-зеленой форме валялись везде: то поодиночке, скорченные в самых невероятных позах, то целыми кучами.

Разведчики, переправившиеся сразу после арналета, раскопали заваленный землей и щепками блиндаж командующего, вытащили оттуда исковерканный телефонный аппарат, помятую фуражку полковника. Людей в блиндаже не было.

— Вообще мы напрасно здесь возимся. Кто бы это полез в нору и ждал, пока его возьмут голыми руками? — усомнился старший сержант Сорокин.

— Везде поищем. В бою всякое бывает. Продолжать поиски! — приказал Добриченко, вылезая из котлована.

Он отряхнулся, погрузил лопату в мягкий холмик. Под заступом что-то звякнуло. Лейтенант копнул еще, разгреб землю и поднял автомат. Это было оружие Пушкаря: на прикладе хозяйственная рука старшины Татьянина вывела масляной краской зеленый кружочек.

На губах Павла расплылась соленая капля. Не оборачиваясь, лейтенант передал найденный автомат Сомову, а сам пошел дальше — к продырявленному «тигру». Подкалиберный снаряд прошел боковую броню и взорвался в середине танка. Командир роты посмотрел в том направлении, откуда был произведен выстрел. За сотню метров от подбитого «тигра» из земли торчал длинный ствол нашего орудия.

В укрытии орудийного расчета лейтенант увидел трех мертвых артиллеристов. Рядом с укрытием зияла огромная воронка. По ее краю прошел фашистский танк. Его правая гусеница почти полностью завалила длинный окоп. Лейтенант задумчиво опустил на насыпь, закурил. Он затаился так глубоко, что горькие крохи табака попали на язык. «Изо рта горечь можно выплюнуть, а куда девать ее из ду-

ши? Сколько ребят похоронил за войну, а все еще не могу примириться... Наверное, человек никогда не привыкнет к смерти...» Он нахмурился и вдруг заметил, что в одном месте ноздреватый известняк зашевелился. Показалась грязная рука, затем манжет защитного цвета. Став на колени, Павел принялся быстро, по-собачьи разгребать землю. Вскоре высунулась вторая рука. Головы не было видно. Добриченко пригоршнями выбирал землю. Сначала показались темные редкие волосы, затем — массивный лоб и черно-фиолетовые веки, знакомый острый нос. Крупная голова, склоненная к груди, при малейшем касании дергалась.

Разведчики осторожно положили Пушкаря на плащ-палатку, Добриченко немного оттянул на его груди гимнастерку; от воротника полоснул по ней ножом. Лейтенант внимательно осмотрел запавшую грудь, живот, потом усадил бойца, похлопал его по спине. Ран не было видно: Пушкаря просто завалило землей и он потерял сознание от удушья.

— Там... еще... — раскрыл Пушкарь синие губы и снова потерял сознание.

— Сомов, немедленно гони сюда первую попавшуюся машину! А вы, ребята, копайте скорей! — приказал Добриченко и склонился над Пушкарем.

Дубова быстро откопали. Полчаса разведчики растирали занемевшее его тело, делали искусственное дыхание. Наконец полковник дважды чихнул и раскрыл глаза.

— А-а, Добриченко, — сказал он так, словно никого другого и не собирался увидеть, — а мы здесь с твоим солдатом хорошо воевали. В одном расчете. И с того света, выходит, вместе вернулись... Как он там?

— Будет жить!

— Славный парень! Орден заслужил. Давай закурим, ротный, раз уж повезло...

СТРАШНО

Сентябрьская ночь окутала темной влажной мглой небольшой польский городок Олыштин.

Вблизи конусообразного, устремленного ввысь костела немецкий патруль остановил мотоциклиста, мчавшегося по узеньким путаным улицам. Яркий луч карманного фонарика скользнул по офицерской фуражке с высокой тульей, на

миг задержался на погонах неизвестного и погас. Мотоциклист протянул старшему патрулю документы. Тот, не посмотрев на них, положил бумаги в карман, попросил извинения и вежливо предложил пройти в штаб.

* * *

Оберст фон Мог, длинноногий, в очках, похожий на анста, достал из стола колоду карт в зеленом футляре: за паянсом можно развлечься, вспомнить о чем-то приятном, помечтать...

За этим занятием и застал своего шефа лейтенант Тирпиц, болезненный, с выпученными глазами саксонец. Адъютант вежливо кашлянул и хрипловатым баритоном доложил:

— Герр оберст, извините за беспокойство. Но вы приказали докладывать о каждом задержанном, особенно ночью. Двадцать минут тому назад ночной патруль задержал гауптмана Линдберга. Ехал с недозволенной скоростью. Документы в порядке — вот они. Разрешите привести?

— Введите! — приказал фон Мог. Резким, как взмах крыла, движением он убрал со стола карты и принялся рассматривать оставленные адъютантом бумаги.

В кабинет вошел стройный офицер-артиллерист. Внимательный взгляд его серых глаз скользнул по комнате, затем остановился на огромном портрете фюрера в резной раме. Офицер вытянул вперед правую руку:

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Фон Мог прошелся по кабинету. В зеркале он увидел, как задержанный, вытянувшись, сопровождал его поворотом головы.

— Кто вы? — сердито крикнул оберст над ухом офицера.

— Гауптман Франц Линдберг, командир четвертой батареи Н-ского артиллерийского полка. После ранения лечился в госпитале. Две недели был дома в отпуске. Теперь возвращаюсь в свою часть.

— Чей мотоцикл?

— В районе Ченстохово русские самолеты разбомбили эсэсовский мотобатальон. На шоссе валялось несколько исправных мотоциклов. Я и взял один.

— Где родился?

— В Берлине.

— На какой улице?

— На Фоссштрассе.

— В каком доме жил?

— В девятнадцатом.

— Это рядом с телеграфом?

— Извините, герр оберст, но вы ошибаетесь. Телеграфа нет на моей улице.

— Чем же знаменита ваша Фоссштрассе?

— Фасадом имперской канцелярии и горластым дворником Фишем.

— А меня вы узнали?

В прищуренных глазах Линдберга вспыхнули и погасли два ярких огонька. Что-то припоминая, гауптман перевел взгляд на окно и ответил:

— Лицо ваше, герр оберст, очень знакомо. И все же я, наверное, вас не знаю...

Фон Мог предложил гауптману сигарету. Линдберг поблагодарил и отказался. В кабинете воцарилась гнетущая тишина: оберст курил сигарету, его гость о чем-то напряженно думал.

— Ну как, припомнили, Франц? — нарушил молчание оберст.

Линдберг покачал головой:

— Нет. Но мне кажется, я вас видел на Фоссштрассе...

— Наконец-то! Скажу откровенно, друг мой, память у вас не из блестящих. Мы же соседи: я жил в двадцать третьем номере.

Линдберг виновато развел руками.

Тем временем долговязый денщик в снежно-белом фартуке принес огромный серебряный поднос. Привычными движениями он расставил на столе бутылки с коньяком и шампанским.

— Выпьем по рюмке за встречу, — предложил гостеприимный хозяин.

— С вашего разрешения, герр оберст!

— Меня просто очаровала ваша старшая сестра. О, мы хорошо с ней дружили. За здоровье златоксой Эльзы!

Оберст быстро опорожнил рюмку, откусил кусочек лимона.

— Потом, в 1932 году, ей понравился этот тельманов-

ский крикун Вернер. Ну, его-то ты уж должен помнить. Я помог отправить Вернера в Бухенвальд. Там он, кажется, и отдал богу душу. — Оберст многозначительно щелкнул языком.

Денщик поставил на стол яичницу с колбасой, бутылку бургундского. Снова запенилось в рюмках золотистое вино. Оберст дружески похлопал по плечу Франца.

— Попробуй! Французский трофей. Вот где жизнь была! Вина — море, развлечений — сколько душе угодно. Великолепно! Как во сне! Я привез оттуда вина... А придурковатый Тильдер, командир восьмой танковой, утащил из Лувра какую-то мадонну. Возит ее, старый дурак, повсюду... Хорошо, что из треклятой России ноги унесли. Но и здесь, в Польше, не лучше... Расскажи-ка, гауптман, о берлинских новостях. Как родители? Что поговаривают в фатерланде о новом секретном оружии?

Линдберг прикоснулся салфеткой к влажным губам, поклонился оберсту и попросил разрешения закурить.

— Благодарю, родители живы-здоровы. Последнее время варварские налеты английских бомбардировщиков совсем не дают покоя. Обнаглели, проклятые... Поэтому отец и мать на время переехали к тетке в Герценфельд: там безопаснее...

Отпив бургундского, Линдберг продолжал рассказывать:

— Среди офицеров столичного гарнизона распространяются слухи, что главное командование в скором времени прикажет всем фронтовикам подписать особую бумагу: если военнослужащий перейдет на сторону русских, все его родственники — мать, отец, жена, дети, внуки — будут немедленно расстреляны!

Гауптман вежливо помолчал несколько секунд, наблюдая, какое действие произвела на фон Мога эта новость. Оберст удовлетворенно причмокнул, потом спросил:

— А что слышно в Берлине о «фольксштурме»? Говорили сведущие люди, будто подготовкой и обучением этих частей будет руководить сам начальник штаба резервных войск Шейман.

— В Берлине слухи — как бабье лето. Я слышал, что в «фольксштурм» зачисляют всех мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Сформированные части вскоре начнут отправлять на фронт.

— Что слышно о Западном фронте?

— Один приятель из генерального штаба намекнул, что в районе Арденн готовится грандиозное наступление.

— Наконец-то! — радостно воскликнул фон Мог. — Мы еще покажем этим иванам, томми, джонни! Хорошие вести ты привез! Отдохни у меня несколько деньков. Еще успеешь в окопы.

— Герр оберст! Мне хотелось прибыть в свой полк как можно быстрее. Знаете, тянет... Да и командир полка приказал не залеживаться в госпитале.

— О, твой подполковник — настоящий патриот рейха. Вот только забыл его фамилию... Подскажи-ка!

— Отто Крафт!

— Знающий артиллерист Отто Крафт!

— Герр оберст, прошу вашего разрешения... Вы будете отдыхать, а я хотел бы отправиться в полк на рассвете.

— Тирпиц, карту! — крикнул фон Мог в телефонную трубку.

Из-за шторы, скрывавшей невидимую дверь, вышел адъютант и развернул карту.

— Советую тебе добираться так... — Опьяневший оберст не совсем уверенно тыкал указательным пальцем в желтое кольцо с надписью «Ольштин». — По дороге на Лелюв к пригородному колодцу. Потом повернешь влево и здесь, возле деревянного мостика, спросишь...

Линдберг очень внимательно следил, как палец оберста гыделывал хитроумные кружева между разноцветными ромбиками, квадратами, стрелками, кружочками.

— И вообще, Тирпиц, — почему-то недовольно проворчал фон Мог, — вы смогли бы оказать моему земляку небольшую услугу. А то, смотри, он где-нибудь наскочит на партизан. Отвезите его утром на моем «мерседесе».

Фон Мог небрежно сложил карту, передал ее адъютанту и предложил:

— Ну, еще по рюмочке... на дорогу. Вы еще молоды, а мне уже время отдыхать... Гауптман Линдберг, — повернулся оберст к адъютанту, — ляжет в соседней комнате на моей кровати. Я буду спать здесь на диване. Пускай Вилли сейчас же приготовит постель!

Вошедший денщик стянул с оберста высокие хромовые сапоги, помог раздеться. Вскоре весь кабинет наполнился таким богатырским храпом, что на окнах задрожали занавески.

Франц Линдберг вошел в свою комнату, быстро разделся и лег. Но уснуть он не мог. На стене невыносимо громко стучал маятник часов со старинной кукушкой. В голове беспорядочно проносились события последних дней, и от этих отрывочных воспоминаний Линдбергу стало тошно. Он стащил с себя одеяло из верблюжьей шерсти, сел на кровать, обхватив руками колени. Наконец усталость и нервное напряжение победили: гауптман уснул.

Когда пунктуальный Тирпиц пришел будить гостя, Линдберг мирно сопел носом. Но не успел адъютант открыть форточку, как тот сладко потянулся и открыл глаза.

— Доброе утро, герр гауптман,— поздоровался Тирпиц.— Шофер оберста неожиданно заболел. Обойдемся без него: я хорошо вожу машину.

— Прекрасно,— воскликнул Линдберг,— мы понесемся, как альбатросы!

— Не быстрее, чем разрешено инструкцией военного времени,— заметил сухо Тирпиц.— Машина уже готова. Продукты возьму с собой: позавтракаем в дороге. Прошу вас!

Линдберг сказал, что в эту ночь он плохо спал и теперь немного отдохнет на заднем сиденье. Машина, мягко скользнув новыми шинами, выехала со двора.

Линдберг долго сидел с закрытыми глазами. Казалось, что он уснул. Потом он начал с интересом рассматривать все, что со скоростью семидесяти километров в час несло на встречу серебристо-голубому «мерседесу».

Направо крупным планом наплывал старый лиственный лес. Земля казалась покрытой пестрым ковром. На могучих дубах кое-где одиноко дрожали желтые листья, береза и осина торчали оголенными вениками.

На опушке леса из-под мягкого лиственного настила выступали продолговатые куполовидные пригорки. Из ближайшего пригорка выглянул ствол танкового орудия. «Глубоко спрятались танки! — подумал Линдберг.— Только место выбрали неудачно: ведь опушка леса часто бывает ориентиром и легко пристреливается...»

Слева показались огневые позиции дивизиона тяжелой артиллерии. Дальнобойные четырехорудийные батареи были хорошо замаскированы. Немного дальше виднелись ложные огневые позиции. «Это с толком, по-хозяйски», — похвалил Линдберг.

Перед Буско-Здруем «мерседес» догнал растянувшуюся колонну запыленной пехоты. В хвосте плелись два усталых пожилых солдата, едва передвигавших натертые тяжелыми сапогами ноги. Один из них ежеминутно вытирал нос грязным платком. К нему и обратился Линдберг:

— Откуда прибыли? Какая часть?

— Из-под Бреслау. Триста тринадцатый егерский полк девяностой пехотной дивизии, герр гауптман.

— А теперь куда?

— На фронт, — безнадежно ответил солдат.

Тирпиц удивленно посмотрел на любопытного гауптмана и включил третью скорость.

За мостом снова начался лес. Совсем недавно его бомбили советские самолеты: между деревьями чернели воронки, торчали вывороченные из земли кряжистые корни.

Линдберг предложил перекусить на свежем воздухе.

Тирпиц мгновенно взъерошился:

— Заехать в лес? Неужели вы забыли об этих проклятых партизанах?

— Какие там партизаны в польском прифронтовом лесу? Это же не Украина и не Белоруссия, — возразил Линдберг так, словно прошел этот лес вдоль и поперек. — Сворачивайте, сворачивайте.

Отыскать удобное место для привала оказалось не так просто. Лес был загрязнен и служил, по-видимому, своеобразным пересыльным пунктом: везде валялись пустые консервные банки, заплесневевшие сухари, стреляные артиллерийские гильзы, позеленевшие от дождя, разбитые ящики из-под снарядов. Под кустом боярышника кто-то бросил безносый противогаз, похожий на сплюснутый череп.

Поворачивали то вправо, то влево, колесили по просекам. Тирпиц предложил устроить привал прямо на просеке, но гауптман не соглашался. Наконец он облюбовал сухую полянку и бодро выскочил из машины. Тирпиц вытянул из-под сиденья небольшой коврик, встряхнул его, постелил на землю. На коврике появилась бутылка шнапса, свинья колбаса, буханка хлеба, пластмассовый стаканчик с маслом.

— Настоящий фронтовой завтрак. Наверное, вам не часто приходилось завтракать в такой обстановке? — спросил Линдберг.

— Вы намекаете на службу при штабе? — обиделся Тирпиц.

— Совсем нет. Просто вам не хватает некоторых солдатских навыков. Они вырабатываются после длительного пребывания на переднем крае...

— Давайте переменим пластинку. Я завидую вам... Погостили дома — об этом можно лишь мечтать. В Лейпциге у меня родители и невеста...

Несколько минут ели молча. Линдберг внимательно наблюдал, как неутомимый дятел настойчиво очищал от насекомых и червей ствол огромного дуба.

— Знаете что, Тирпиц? Пошлите своей невесте эти духи. Самые лучшие в мире! — Гауптман вытянул из планшетки маленький флакончик с наклейкой «L'Origan de Coty».

— Французские? — Тирпиц не верил своим глазам.

— Аромат стойкий, запомнится навсегда. Понюхайте, пожалуйста, — предложил Линдберг.

— О! — Адъютант, понюхав, захлебнулся, выпятил глаза и сильно поبلеднел.

Молниеносный удар повалил Тирпица на землю. Его лицо сразу заострилось, как у мертвеца.

Спокойно, словно ничего не случилось, Линдберг спрятал флакончик, достал из кармана веревку и связал Тирпица. Потом закурил, беззаботно лег на коврик и начал внимательно рассматривать свою оригинальную зажигалку: мастер-умелец выточил из латуни маленький танк. Чтобы высечь огонь из крохотного орудия, нужно повернуть башенку вправо. На лобовой броне танка четко выгравирована надпись «Nach Osten!».

— Мне тоже на восток, — прошептал Линдберг.

Прошло четверть часа. Лицо Тирпица порозовело. Он открыл глаза и удивленно посмотрел на ноги. Потом его взгляд упал на руки: он не мог ими пошевелить. Сердитый голос адъютанта нарушил лесную тишину.

— Что за издевательские шутки? Сейчас же развяжите меня!

— Послушайте, вы... жених... Я дарю вам жизнь. Но попробуйте еще раз крикнуть, и никто не даст за вас даже этой жестянки... — Носком сапога Линдберг отбросил ржавую консервную банку в кусты.

— Что вы надумали, герр гауптман? Умоляю вас, скажите правду, — перепуганно загнусавил Тирпиц.

— Я решил сдаться в плен русским!

— Это безумство... Это измена... А я — патриот. Советы расстреливают пленных патриотов! — Лицо Тирпица охватила ужас.

— Если вы будете вести себя разумно, вам сохранят жизнь. Слово солдата. А если что не так... — Лицо Линдберга стало неумолимо строгим, а руку он решительно положил на кобуру, — я ни за что не ручаюсь. И это вам следует хорошо запомнить.

* * *

— Все сведения о враге нанесены на оперативную карту. Пленный тоже рассказал кое-что. Фронт перешли ночью. Фашист вел себя прилично, по-видимому дорожил собственной шкурой...

— Ты, парень, — прервал Добриченко генерал-майор Бакланов, — не бережешь свою голову. Надо же немецкий язык знать, как таблицу умножения!

— Да я, товарищ генерал-майор, наловчился. Что ни говорите, а уже третий год допрашиваю «языков». И старший сержант Сорокин почти ежедневно «консультирует» меня. А он же — будущий профессор.

— Почему же не послал в фашистский тыл Сорокина?

— Он черный, как антрацит, а настоящий Линдберг — рыжий. Да еще и с ямочкой на подбородке!

— Ясно! Отдыхай.

— Поверите, товарищ генерал-майор, — признался Добриченко, — ни одного разу в жизни мне не было так страшно, как там, в кабинете фон Мога. Ничего себе «землячок» нашелся.

Командир дивизии внимательно посмотрел на лейтенанта, обнял его и по-отцовски задушевно сказал:

— Страшно, Павел... Это только в сказках герои ничего не боятся. А всем смертным страх ведом... В этом и подвиг! Так и напишу в наградном листе.

СЫН РОТЫ

— Что бы ни случилось, старшой, а мальчонку я не брошу. — Брови Туркина, как два вороньих крыла, упрямо сошлись над сердитыми глазами.

— Никто тебя и не заставляет бросать. Будешь писать ему письма в детский дом. Поедешь навестить его... Пойми ты, ему учиться надо. А после войны заберешь к себе. И заживете вдвоем, как у Христа за пазухой,— сказал Добриченко и нетерпеливо посмотрел на часы.

Туркин переступил с ноги на ногу, притворившись, что не заметил этого выразительного взгляда.

— В нашей роте грамотных хоть пруд пруди... Трое с высшим образованием. Попрошу, чтобы научили мальчонку уму-разуму. Ведь он с полуслова все схватывает. И разведчики к Алеше привыкли... Можно сказать, подружились. Даже, возвращаясь из боевых заданий, стараются принести мальчику какой-нибудь подарок. Вчера Федор Чуйков подарил ему «пугача», что отобрал у какого-то полицая...

— Нет,— потянулся за фуражкой Добриченко,— в интересах же Алеси не буду разговаривать с командиром дивизии. Можете идти!

Туркин ушел расстроенным. Плетясь к своей хате, он долго размышлял и в конце концов решил написать докладную записку на имя начальника штаба дивизии и объяснить ему все, что произошло.

Год назад дивизия выбила гитлеровцев из небольшого курского села Сергеевки. От села остались только полуразвалившиеся печи да потрескавшиеся дымоходы, в которых надрывно завывал ветер. Возле одной печи Туркин натолкнулся на обшарпанного восьмилетнего мальчика. Мальчишка тоненьким голоском рассказал, что его отца убили немцы на границе. Вместе с матерью он жил в селе. Маму расстреляли гитлеровцы за то, что она пекла хлеб для партизан. И его, наверное, убили бы, но он в это время собирал грибы в лесу. Возвращаясь домой, он увидел, как фашисты подожгли село, и убежал в глубь леса. Хотел податься к партизанам, но разыскать их не смог. Тогда мальчик вернулся на пожарище. Звать его Алешей Маленко...

Туркин взял сироту за руку и повел к каптерке. Старшина Татьяна охотно подобрал комплект обмундирования самого маленького размера, велел парнишке переодеться, а сам отошел...

С трогательной сердечностью относились разведчики к Алеше. Послушный мальчик скоро стал любимцем всей роты. Но самым близким человеком для него все-таки остался Туркин: солдат, который похоронил возле Сальска жену и

маленькую дочь, погибших при бомбардировке, заменил Алеше отца.

Лейтенант Добриченко велел Алеше пока что помогать кашевару роты Якову Чурбакову.

— Кухня, брат ты мой, любит чистоту,— говорил, растирая кирпич о кирпич, Чурбаков.— Сейчас подраим тряпкой котел, и заблестит он как зеркало. Вот посыпь на тряпочку этот порошок. Так. Теперь натирай до блеска.

Мальчик чистил котел с полчаса, потом посмотрел на кашевара печальными глазами:

— И так каждый день?

— Да, парень. Вижу, кухня тебя не прельщает. Тебе бы за «языком». Эге ж?

В чистых детских глазах вспыхнула радость. Ефрейтор, словно не замечая этого, рассудительно сказал:

— Я думал, ты человек серьезный... А ты ветрогон!

Мальчишка съезжился от обиды:

— Почему?

— А потому, что без вкусной каши самый отважный разведчик не возьмет ни одного «языка». Каждая работа в нашей роте одинаково почетна. Запомни это. Ну, хватит. Выше голову, солдат!

Вскоре Алеша научился засыпать продукты в котел, определять на вкус, готова ли пища. Но его, естественно, гораздо больше манила опасная служба старших товарищей. Чурбаков, который и сам не раз роптал на свою поварскую участь, понимал мальчугана. Он великодушно разрешил ему присматривать за кашей для тех, кто уходил во вражеский тыл...

С боевого задания разведчики возвращались чаще всего ночью. И Алеша каждый раз не спал. Сдержанно и серьезно, подражая Чурбакову, накладывал он полные котелки пахнущей дымком каши и с замиранием сердца слушал скупые рассказы разведчиков. Лейтенант Добриченко хотел было запретить эти, как он выразился, «ночные дежурства», но потом передумал...

Сразу же после освобождения Запорожья начальник дивизионной разведки майор Воронов решил устроить Алешу в детский дом. Тогда-то и обратился Туркин за поддержкой к командиру роты. Добриченко, долго не раздумывая, пошел к комдиву и попросил разрешить одинокому Туркину усыновить сироту.

Генерал Бакланов никогда и ни в чем не проявлял симпатии к лейтенанту. Наоборот, командир дивизии относился к нему с подчеркнутой строгостью, даже ехидно посмеивался, когда усатые разведчики между собой называли своего двадцатилетнего командира батей.

— Ну что же, батя, — улыбнулся генерал. — Пусть в твоей роте вырастет настоящий сын. Желая, чтобы он походил на твоих солдат. Иди, разведчик, иди. Кажется, я сказал слишком много...

Так мальчик окончательно прижился в роте.

Война все дальше отодвигалась на запад. Она отгремела над Польшей и ударила весенним, освежающим громом над фашистской Германией.

В один из апрельских дней к серому особняку на окраине города Гаунау подкатил чудесный темно-синий «хорх». Из машины важно вылез сержант Щербаков. Разведчики сразу окружили понравившийся им трофей. Посыпались хвалебные реплики, выкрики. Но больше всех радовался Алеша. Мальчишка внимательно осматривал все, трогая каждую рукоятку, каждый винтик, со счастливой улыбкой подпрыгивал на мягком сиденье.

— Жаль, нет Пушкаря! Он оценил бы машину со знанием дела! — удовлетворенно прищурил глаз Щербаков.

Александр Пушкарь, прозванный за пристрастие к технике «главным инженером роты», еще не возвратился из армейских мастерских. Это немного огорчило Щербакова. Он не удержался от соблазна и рассказал, где и как нашел «хорха».

— Значит, иду я лесом. Вокруг сосны шумят. Жужжляя хвоя слегка шепуршит под ногами. Слушаю, люблюсь, но и глазом не дремлю: чужая земля. Смотрю, за толстугцими стволами что-то синее. Приближаюсь осторожно; вижу — машина, новенькая, как игрушка. Завел — и помчался, земли не чувствую... По дороге, правда, остановил меня какой-то полковник-танкист, хочет отобрать машину. Но я, братцы, не лыком шитый. Это «хорх», говорю, генерала Радимцева. Он, не солоно хлебавши, так и остался ни с чем... Ходит машина совсем неслышно, рессоры чудесные. Министерское авто. Завтра мы с Пушкарем покатаем всех желающих. А сегодня — не время. Ночь предвидится трудная.

За каменной оградой зарычал мотоцикл, несколько раз по-стариковски кашлянул и заглох. В воротах появился майор Воронов. Его фуражка с полинявшим околышем была сдвинута на макушку. Это означало, что начальник разведки чем-то серьезно встревожен. Придерживая набитую картами планшетку, майор взбежал на веранду, вытер носовым платком вспотевший лоб и сел на скамейку.

Из дома вышел Добриченко. Офицеры разложили огромный лист топографической карты на полу, легли рядом и гадали над картой около часа. Потом лейтенант поднял голову, глянул на небо:

— Ноченька будет как по заказу — хоть глаз выколи.

— Только не зарываться. — Майор выбил пальцами на полу странную дробь.

Воронов собрался было идти, как вдруг заметил трофейную машину.

— Откуда это диво дивное?

— Щербаков нашел в лесу, около Дервальде.

— Красавица! А ты не гостеприимный, Павел, и без уважения к начальству... Взял бы да и прокатил с ветерком...

— Пожалуйста, товарищ гвардии майор!

— Сейчас, только вот посмотрю на этих артистов, — кивнул Воронов на Туркина и Алешу, что играли в футбол.

Воротами им служила стена сарая. Защищал их Туркин. Мальчишка быстро и довольно точно бил по мячу то правой, то левой ногой. Поймав мяч, Туркин бросил его Алеше. Тот хотел ударить с лету, но мяч срезался, подскочил и закатился под «хорха». Мальчишка бросился за ним.

Тем временем Воронов и Добриченко сели в машину. Щербаков включил стартер.

— Футболист, вылазь-ка быстрее! — крикнул Туркин.

— Ой, — долетел из-под «хорха» удивленный голосок. — Здесь что-то коричневое...

Щербаков быстро выскочил из машины и заглянул под нее. На раме увидел продолговатый комок грязи. По краям, где серая грязь подсохла и обсыпалась, выглядывали ребра небольшой коричневой коробочки. Разведчика бросило в пот: к раме прилипла магнитная мина. Он достал из-за голенища финку; осторожно соскоблив землю, снял мину. Повернул голову и на задней оси заметил такой же самый комок.

Щербаков показал мины офицерам. Майор взял одну из

«магниток», повернул большим пальцем узенькую желтую пластинку. Рядом с нею появились какие-то цифры.

— Эге,— покачал головой Воронов,— еще несколько минут — и этот сказочный «хорх» стал бы нашим катафалком. Фрицы заминировали машину. Авто роскошное; кто найдет, тот обязательно подарит большому начальству... Возьмите, Щербаков, на память эти игрушки, я их обезвредил.

Майор ласково прижал Алешу к груди:

— Молодчина! Учись видеть — хорошим разведчиком будешь.

— А ты разве не осматривал машину? — строго спросил лейтенант у Щербакова.

— Конечно, осматривал! И грязищу эту заметил. Ду-мал, дома почищу. Не успел еще, комар его забодай...

— Так можно и на тот свет заехать... — заметил Добриченко и пошел следом за Вороновым к мотоциклу.

Алешу обрадовала похвала начальника разведки. И вместе с тем ему было неудобно перед Щербаковым, словно он в чем-то провинился перед ним.

Во время стремительного наступления советских войск в лесах восточной Германии еще оставались недобитые гитлеровские соединения. Дивизия генерала Бакланова получила приказ окружить и уничтожить одну такую группировку вблизи города Заган.

Дивизия с ходу растаяла в дремучих заганских лесах.

Пока разведчики прокладывали путь полкам, Чурбаков и его маленький помощник развернули на безветренной поляне свое нехитрое кухонное хозяйство. Направляясь к старшине Татьянину за продуктами, Чурбаков попросил Алешу собирать сухих веток, развести огонь и засыпать в котел гречневую крупу.

Мальчишка нацепил на плечи тяжелый для него автомат и зашагал по едва заметной дорожке. Лес давно не убирали, мелкого хвороста везде было много. Алеша подымал тонкие ветки и, насвистывая, шел дальше. Когда он с порядочной охоткой сушняка возвращался к кухне, под кустом ежевики что-то зашуршало. Из-под коричневой прошлогодней листвы медленно выползала огромная змея. Омерзительная треугольная голова сновала над травой, как ткацкий челнок; вытянутая шея переливалась холодным блеском. Мальчик испуганно рванул автомат.

В тот же миг из-за кустов с сердитым фырканьем выкатился серый шар, быстро выпрямился, понюхал воздух острой мордочкой и стремглав бросился на змею. Это был ежик. Смелый зверек вцепился зубами в скользкую шею змеи возле самой головы. Упругое туловище обвилось вокруг ежика, потом, раненное иголками, заколотилось и начало молотить по траве, будто цеп. Но удары всё слабели... Еж откусил змее голову, потом посмотрел на Алешу, презрительно фыркнул и, чавкая, начал завтракать. Чтобы не мешать маленькому храбрецу, Алеша тихо сгреб сухие ветки и на цыпочках направился к кухне.

Однако на этом всякие неожиданности того весеннего дня не кончились.

Вернувшись на поляну, мальчик развел огонь, засыпал крупу и сел на зеленый сундук, в котором Чурбаков хранил продукты. Черные ресницы медленно слипались... Алеше снилось Запорожье. Он в военной форме идет с мамой по берегу Днепра. На пляже много народу. Шумные, загоревшие, они с завистью смотрят на медаль «За отвагу», что сверкает на Алешиной груди. Внизу по Днепру плывет теплоход «Михаил Калинин». Только почему на пароходе фашисты? Что они выкрикивают?

От легкого толчка Алеша проснулся, протер кулаком глаза и вскрикнул от испуга: перед ним стояли три гитлеровца с поднятыми кверху руками. Мальчик взвел автомат. Колченогий фашист быстро застрекотал:

— Нет стреляйт, рус! Мы — плен, плен... Гитлер капут!

— Ложись! Где оружие? — Собственный голос показался Алеше незнакомым, сильным и даже грозным.

Фашисты как стояли перепуганные, сразу же упали на землю. Солдат, очевидно усвоивший несколько русских слов, показал пальцем в лес и дрожащим голосом сказал:

— Нет оружия... Бросить в речка...

Пока Алеша соображал, что ему делать с ними, за его спиной послышались тяжелые шаги. Мальчик тревожно оглянулся, и лицо его посветлело.

На поляну вышел долгожданный Чурбаков, бросил на землю два огромнейших тюка. Кашевар по привычке кашлянул и, ничего не понимая, посмотрел на своего помощника:

— Что случилось? Откуда эти вояки?

— Сами пришли. В плен хотят, товарищ ефрейтор.

— Значит, дела швах, если они уже детям в плен сдаются.

Чурбаков подошел к непрошеным «гостям» и жестом приказал им подняться. Затем он посмотрел на карманы пленных и строго сказал:

— Zeigen! ¹

Немцы сразу поняли, что от них требуют, и вынули свои солдатские книжки. Чурбаков важно полистал замасленные страницы, неторопливо спрятал документы в карман.

— Что мы будем делать с пленными, товарищ гвардии ефрейтор? — поинтересовался Алеша.

— Сначала накормим, потом свяжем. Так будет спокойнее. А когда придут за обедом ребята, я им скажу, что ты привел троих «языков». Пускай посмотрят, какой герой пропадает возле кухни!

Не изгладился из мальчишеской памяти и еще один апрельский день, когда солдаты генерала Бакланова, сломив отчаянный натиск гитлеровцев, ворвались на центральные улицы Берлина. Это доброе известие принес Туркин.

Возбужденный недавним жарким боем, весь в меду, саже и какой-то оранжевой краске, разведчик прежде всего жадно припал к ведру с водой. В перерывах между глотками он старался что-то сказать, но вместо слов слышалось невнятное клокотание.

Наконец Туркин утерся изорванным рукавом маскировочного костюма, отдышался и сообщил, что наши уже вышли на Вильгельмштрассе. Из шестизэтажного дома, занятого ротой, хорошо было видно имперскую канцелярию.

— На улицах — настоящее пекло. Стреляют чуть ли не из каждого окна. Вчера возле Ангальтского вокзала отравилось четверо танкистов. Из бригады полковника Тарасова. Выскочили из танков, забежали в здание. А на столе — колбаса — ребята не ели двое суток... Ну и все... Тогда наш командир роты запретил «дармовую еду». Лейтенант приказал дожидаться темноты и принести во что бы то ни стало еды. Да и воды захватить не помешает: водопровод в этом районе Берлина поврежден.

Когда предвечерние сумерки окутали мрачное предместье города, Туркин, Чурбаков и Алеша с термосами и хле-

¹ Показать! (нем.)

бом в вещмешке двинулись в путь. Три едва заметные фигуры долго петляли узкими средневековыми улочками, обошли вдоль зданий пустынную площадь, пересекли скверик и остановились отдохнуть в подъезде пустого продовольственного магазина.

— Теперь надо быть особенно осторожным, — тихо предупредил Туркин, — здесь по мне стреляли. Пойдем гуськом, один за другим. Интервал — пятьдесят метров. Алеша пойдет последним. Отдыхать можно только в подъездах. Видите вон то пылающее здание? За ним будет трехэтажное, а в соседнем — лейтенант с ребятами. Ну, пошли.

Поправив термос, Туркин быстро побегал к зданию с облупленными львиными мордами на фасадах. Когда до подъезда осталось рукой подать, словно с неба раздался выстрел. Разведчик упал. Чурбаков пустил по окнам длинную автоматную очередь. Ее отзвук исчез за толстыми стенами, а на асфальт со звоном посыпалось битое стекло. И снова наступила тревожная тишина. Кашевар снял термос, бросился к товарищу. Алеша невольно взглянул на последний этаж здания. В ближайшем к углу окне появился обмотанный тряпьем обрубок. Мальчик узнал ствол снайперской винтовки, хотел предупредительно крикнуть. Выстрел опередил его. Чурбаков медленно опустился на колени рядом с неподвижным Туркиным.

— Алеша, назад! — из последних сил выкрикнул кашевар и уткнулся головой в мостовую.

Пораженный случившимся несчастьем, мальчик не мог двинуться с места. Острая боль пронзила сердце, защеколала веки... «Почему назад? — вдруг дошла до него последняя фраза Чурбакова. — Ведь разведчики вторые сутки голодные... Но как поднять термос и вещмешок с хлебом?.. А как поступили бы на моем месте Сорокин или Спиридонов? Как действовал бы сейчас гвардии лейтенант?.. Нет, только туда, в здание...»

Алеша освободился от тяжелого вещмешка, взял автомат в правую руку и попятился к скверу. За кустами жасмина прокрался на другую сторону сквера, пересек затемненную улицу. Через подъезд Алеша проник в какой-то двор. Перебравшись через забор, мальчик оказался у черного входа здания с львиными мордами. Мелко-мелко застучали зубы. Алеша крепко прижал кулаком подбородок. Нащупав в кармане электрический фонарик, он ступил на крутые ступень-

ки. Старался идти бесшумно, но шаги гулко отдавались в ушах. Тогда мальчик стянул сапоги, немного подумав, снял портянки. Двигался невероятно длинным коридором четвертого этажа тихо, на цыпочках, а ему казалось, что весь дом ходит ходуном...

Дверь угловой комнаты была открыта. В окне клубилось воспаленное небо. Пламя сновало на черных чердаках зданий вокруг рейхстага. На багрово-красном фоне берлинского зарева зловеще чернела фигура вражеского снайпера — он склонился на подоконник, высматривая новую жертву. Неожиданно гитлеровец услышал тяжелое дыхание и обернулся. Из темноты коридора половиной автоматного диска прямо ему в глаза заскрежетала смерть.

* * *

Весть о капитуляции фашистской Германии застала дивизию Бакланова на подступах к Праге. В районе чешской столицы отчаянно сопротивлялось гитлеровское соединение во главе с фельдмаршалом Шернером. Поэтому-то лица советских воинов были серьезны и сосредоточены: кого-то из них, возможно, подстерегала невидимая смерть — последний выстрел войны был еще впереди...

Выбрав удобный момент во время марша, Алеша обратился к командиру роты, который не спускал с него глаз:

— Товарищ гвардии лейтенант! Разрешите мне завтра быть на наблюдательном пункте. Ведь уже последние дни... Хотя бы один раз посмотреть...

— Это не развлечение, не игрушки! — возразил Добриченко.

Мальчик покраснел, заморгал глазами. Лейтенанту стало жаль Алешу. Два года переносил он вместе со взрослыми фронтовые трудности, прошел с дивизией от Курска до золотой Праги, спал на снегу, грыз мерзлые сухари... Нет, Добриченко не мог ему отказать.

— Согласен! Только от меня ни на шаг. Понял?

На рассвете девятого мая в окопе наблюдательного пункта рядом с командиром роты стоял маленький солдат. В бинокль ему был виден старинный город на зеленых холмах. Прагу окутала лиловатая дрожащая дымка. Одно крыло ее украшали стройные башни готических храмов, другое она

Неожиданно гитлеровец услышал тяжелое дыхание и обернулся.

окунула в тихие воды красавицы Влтавы. В центре города и в его предместьях не утихала беспорядочная стрельба.

Алеша опустил бинокль и посмотрел направо. Там, в долине за селом Тугомержице, подпирали майское небо стволы тяжелой артиллерии. Но грозные залпы не прозвучали: на одном из самых высоких зданий фашисты подняли сшитый из четырех простыней белый флаг. Утро стояло погожее, безветренное, и флаг бессильно качался на неуклюжем древке...

Улыбающийся седой генерал горячо поздравил присутствующих:

— С победой, солдаты отчизны!

Высоко в небо взлетели ракеты, стихийно гремели салюты, слышались взаимные поздравления, многоголосые остроумные шутки. Весенняя бурная радость вновь возродилась и вернулась к людям.

А на склоне высотки, охватив руками колена, сидел сержант Николай Спиридонов. Его угловатые плечи неестественно вздрагивали. Разведчик со шрамами от двенадцати ранений, Герой Советского Союза то счастливо улыбался, то плакал, как ребенок — горько и безутешно.

— Посмотрите, товарищ гвардии лейтенант... — Алеша повернул голову к Спиридонову. — Победа, а он плачет...

Добриченко слегка прикрыл мальчику рот шершавой ладонью. Он хорошо знал, какую невероятную тяжесть вынесли на себе эти сухощавые солдатские плечи, каким испытаниям подверглось это сердце за четыре немислимых года.

И вдруг наступила такая тишина, что стало слышно, как наливаются живительным соком молодая пшеница, а в безоблачном небе снова играет на золотых цимбалах жаворонок...

ВО ВРАЖЕСКОМ ДЗОТЕ

Батальон капитана Мокеева выбил немцев из траншеи, окружавшей старинный силезский город с узенькими улочками, по обе стороны которых выстроились здания с острыми шпилями, устремленными ввысь. Штурмовые группы продвигались с боями к центру.

В составе одной штурмовой группы действовал дивизионный разведчик с косым шрамом во всю щеку. Сбитая набок ушанка мелькала то за киосками и ларьками, то появлялась

за высокими дымоходами из красного кирпича. Быстрый, остроглазый разведчик точно определял, где засели фашисты, и помогал пехотинцам уничтожать врага.

Передовые отряды уже достигли вымощенной камнем площади и засели в мрачном здании: с фланга хлестал пулемет. Старшина в каракулевой кубанке попытался было перебежать в соседний дом.

С противоположной стороны площади раздался выстрел. Кубанка кувыркнулась в воздухе, а старшина упал руками вперед, словно старался дотянуться пальцами до своей продырявленной шапки. Стреляли из плоского дзота на углу улицы, что выходила на площадь.

Разведчик выбрался во двор и исчез за оградой. Вскоре его фигура вынырнула из подъезда за дзотом. Короткий взмах руки — и эхо разрыва гранаты прокатилось над площадью. Очевидно, в последнее мгновение из дзота успели выстрелить: боец опустился на колени, будто бил поклоны перед кирхой, и упал.

На фронте, особенно в боях за город, часто случается непредвиденное. Так произошло и на этот раз. Фашистский корректировщик, удобно устроившись в монастыре на горе Цобтенберг, хорошо знал свое дело: залпы тяжелой артиллерии ложились точно. В контратаку пошел эсэсовский полк, поддерживаемый двадцатью танками. И пехотинцы Мокеева вынуждены были отступить.

В беспорядочном отступлении о раненом разведчике забыли.

Пересиливая боль, он прополз в дзот. Его жизнь была на волоске. Тяжело раненный... Один среди врагов... В мохнатом немецком ранце он нашел два санитарных пакета, жгут и туго перевязал ногу выше колена. Несмотря на большую потерю крови, он собрался с силами и вытолкнул наверх мертвых немцев, установил перевернутый взрывом пулемет, положил рядом трофейный карабин. Припал к амбразуре.

Гитлеровцы, прячась за здания, огибали площадь с двух сторон. Под забором заворочался раненый боец. Моложавый обер-ефрейтор вскинул автомат и выстрелил в окровавленную голову. В карманах бедолаги, по-видимому, не было ничего ценного, ибо убийца, рассердившись, порвал на кусочки красноармейскую книжку и пошел напрямик к мертвому старшине. Поднял каракулевую кубанку, стряхнул с нее снег и спрятал за пазуху.

«Вот гады!» — вздрогнул разведчик. Рука сама нажала на спусковой крючок карабина. Обер-ефрейтор рухнул на асфальт.

В ушах разведчика долго звенело эхо выстрела. Но немцы не услышали его среди окружающей трескотни. «Если не высовывать ствол из амбразуры, можно расстреливать фашистов, как куропаток. Буду брать на мушку тех, которые находятся подальше,— так безопаснее! Ну хотя бы того, что под фонарем... Капют! А старшина Татьяна разглагольствовал, что мне только слонам в живот попадать... Гляди, экий фриц быстроногий, будто конь гарцует! Вот, отдохни, на том свете довоюешь...»

После каждого удачного выстрела он делал зарубку на доске под амбразурой. К вечеру таких черточек стало семь.

Наступила ночь. Как и все разведчики, он любил это время: в темноте чувствуешь себя более уверенно. Но для него ночь в холодном дайте на вражеской территории могла быть последней...

Чтоб не уснуть, боец внимательно следил за немецкой траншеей, считал ракеты над нашим передним краем. Воскрешал в памяти образы друзей-однополчан, вспоминал освобожденные города и села, дороги войны... И вдруг издалека выплыл майский день... Белые сады, белые стены школы-десятилетки, белые рубашки. И солнце... Группа пятиклассников играет перед школой в футбол. Трое нападающих прорываются на штрафную площадку. Он, Игорь Зайченко, размахнувшись, изо всей силы бьет по мячу. Звенит стекло в кабинете директора. Игорь видит, как течет кровь по щеке Николая Ивановича...

Директор всегда зовет нарушителей к себе в кабинет. Нет, он никогда не кричит, никогда не угрожает исключить... Только рассказывает о человеке будущего, о том, что будет через шестьдесят лет. Говорит убежденно и вдохновенно, словно уже побывал в грядущем. Потом долго и внимательно смотрит в глаза нарушителя.

На этот раз директор никого не звал. Наверное, не знал, кто виноват. Игорь несколько раз пытался подойти к дверям кабинета. Но там смелость его покидала. Он боялся встретиться со взглядом директора... На выпускном вечере, когда получал из рук Николая Ивановича аттестат, хотел во всем признаться, но музыка заиграла туш, зал вздрогнул от аплодисментов...

А на рассвете первые фашистские бомбы перепахали военный аэродром вблизи Дмитриевки.

Надел офицерскую шинель Николай Иванович... Мерз под Москвой, горел под Сталинградом, а погиб под Варшавой. «И уже никогда не выслушает моей исповеди...»

Дзот вдруг закачался, поплыл в бездонную тьму...

...Два солдата немецкой похоронной команды в легоньких серовато-зеленых шинелях подошли к дзоту. Один из них, кашляя, осматривал мертвецов, другой открыл дверцу и спустился вниз. Луч фонарика запрыгал по дзоту.

— Здесь труп какого-то Ивана. Вытянем его?

— Оставь,— недовольно пробормотал другой гробовщик.— От своих грыжу наживем...

— И то правда. Давай сигареты, закурим в блиндаже.

— Нашел подходящее место! Отвезем этих четверых, а тогда уж и покурим в подвале у Штамма. И заодно согреемся...

— Хорошо! — Немец пошарил по карманам русского.— Ничегошеньки!

— Кто-то тебя опередил. Былезай.

...Сознание к разведчику вернулось на рассвете. Болела нога, хотелось пить. Просунул руку в амбразуру и загреб полную пригоршню снега. Немного стало легче.

По другую сторону фронта прогремел орудийный выстрел. «Наша гаубица,— оживился разведчик.— Подает голос... Надо поддержать ее».

Перезарядил карабин, устроился поудобнее.

На площади появился толстый немец с термосом за плечами. «Вишь как разъелся возле кухни... Пускай посидят твои фашисты голодные!»

Повар даже не ойкнул.

В дзоте понемногу рассеялся дымок. Из-за каменной ограды, что наполовину закрывала дом с узкими окнами, появился длинноногий солдат в короткой шинельке и, позаячьи подпрыгивая, побежал через площадь. В руках у него болтались коробки с пулеметными лентами. «Торопится. На передовой нужны боеприпасы. Прихвати еще и мою пулю!»

От выстрела голова закружилась. Зайченко присел на топчан и оттуда смотрел в амбразуру. Раненая нога сильно болела, ее жгло словно огнем и дергало.

...Ему грезилась штабная машина. Над оперативной кар-

той склонился подполковник Афанасьев с карандашом в руке. Острый кончик быстро-быстро бегал между синих скобок, ромбиков, кружочков. Неожиданно карта подымается со стола, парит в воздухе. «Но почему она плывет ко мне?.. Как хорошо видны условные обозначения! Нанесен даже дзот за площадью, мой дзот... Карта вспыхивает, горит. Какой злодей поджег ее?.. Колокола звенят... Кого-то хоронят... Меня?.. Не надо... Я живой... Живой! Слышите?»

Придя в себя, Зайченко снова потянулся к амбразуре. По другую сторону фронта, за хутором, прокатился внушительный грохот. Из-за крайнего дома низом пронеслось ярковато-оранжевое пламя. В следующее мгновение вспышка пламени повторилась. Огненнохвостые мины заполнили все небо скрежещущим воем. Черно-сизые клубы дыма поднялись над линией фронта, взрывы бушевали у вражеских окопов. «Катюши!» Значит, наши пойдут в наступление! — Зайченко охватила бурная радость.— А вот и крупные калибры подключились...»

Артиллерия перенесла огонь, и снаряды ложились на окраине города. Взрывные волны уже разгуливали по дзоту. С перекрытия сыпалась земля. Разведчика подбрасывало как щепку...

А взрывы все ближе и ближе...

Зайченко прислонился к холодной стене. «Невеселая история, если свой снаряд оторвет голову!..»

Грохочет небо...

Стонет земля...

Невидимая сила подхватила Зайченко и швырнула в сноп пламени. Перевернувшись в воздухе, он упал на спину. Глаза выедал дым, пахло жженым сукном. Посмотрел вверх и увидел над собой сизовато-синий кусок неба; взрывом снесло перекрытие. Ему стало так страшно, как бывает только один раз в жизни.

И вдруг наступила удивительная тишина, только откуда-то издалека едва доносился нежный звон колокольчика... С трудом поднявшись на ноги, контуженый разведчик увидел, как снаряды бесшумно раскалывают здания за площадью, и сразу догадался, что наша артиллерия перенесла свой огонь дальше. «Сейчас немцы, те, кто остался в живых, начнут спасаться бегством. Кто-то может заскочить и сюда, чтоб прикрыть отступление». Разведчик отыскал треногу, снова установил пулемет.

Дым на площади медленно рассеивался, и теперь отчетливо виднелась серовато-зеленая волна немецких шинелей, что катилась прямо на дзот. Зайченко прикипел к пулемету. Это была длинная мстительная очередь — без интервалов, без передышки, до тех пор, пока руки не выпустили гашетку...

Пришел в сознание разведчик уже на носилках.

— Ты, брат, — бухал, словно в колокол, раскатистый бас, — и не думай умирать. Глянь, какую девушку мы привели!

Носилки сопровождала медсестра. На ее усталом, осунувшемся лице светились огромные синие глаза. Зайченко узнал Людмилу Ракитину. Это о ней ротный старшина однажды сказал: «Такие глаза бывают одни на три республики».

Игорь хотел приободриться, но едва слышно прохрипел:

— Девушка видная!..

ЗЕЛЕННЫЕ РАКЕТЫ

Группа сержанта Багрия третий день разведывала леса между реками Нейсе и Шпрее. Сержант беспокоился: немцы на переднем крае могли обнаружить и заминировать все проходы... А тут еще и задание усложнилось: поблагодарив за ценные разведывательные сведения, «Кама» — таким был позывной майора Воронова — приказала раздобыть «языка». Ночью ничего подходящего не встретили, утро тоже не радует...

Бойцы уже изрядно устали, когда из-за деревьев засверкала черная полоса асфальта. Посланный вперед Макаров вскоре вернулся обратно:

— Товарищ сержант! Отряд вражеской пехоты, около пятидесяти человек, движется к фронту. Один пулемет.

— Бери Шарова и Левчука, за двести метров отсюда устройте засаду. Ударим с двух сторон.

— Рискованно. Нам бы мотоциклиста взять или связиста...

— Выполний! — рассердился сержант. — Тоже мне философ!

Багрий внимательно приглядывался к вражеской колонне. Ни улыбок, ни губных гармошек, ни прусского чеканного шага... Немцы едва плелись с поникшими головами. Лесто-

фланговый первого ряда — седой тучный немец, который, наверное, еще несколько дней тому назад орудовал черпаком на кухне берлинского или мюнхенского ресторана. За ним семенил ножками худой паренек. Свободный китель болтался на нем, как на чучеле, а сверкающая фляга с надписью «Gott mit uns!»¹ сползла на бедро. Длинного, как коломенская верста, немца из третьего ряда, вероятно, душила астма: через каждые два шага он широко раскрывал рот и жадно глотал воздух...

В самом хвосте отряда тащились два вспотевших пулеметчика. Рядом с ними шел обер-лейтенант в скрипящих сапогах...

Из кустов по колонне ударили автоматы. Эхо автоматных очередей шарахнулось во все стороны. Не понимая, откуда стреляют, перепуганные немцы галдя бросились к лесу, прямо на засаду Макарова. Взорвались гранаты.

— Zurück!² — закричал офицер и побежал назад.

За ним бросились солдаты. В спины им прицельно застрекотали автоматы.

Высокий пулеметчик бежал рядом с обер-лейтенантом. Неожиданно он размахнулся и рубанул гофрированным стволом по фуражке офицера. Обер-лейтенант упал в кювет; пулеметчик, выхватив у убитого парабеллум, прыгнул в придорожные кусты между засадами.

— Проследи за ним, Яремчук! — приказал Багрий.

Стреляя наугад, фашисты метались от кювета к кювету. На Багрия бежали унтер-офицер и двое солдат. Сержант крикнул: «Hände hoch!»³ — но ни один немец не поднял рук. Багрий прильнул щекой к прикладу и скошил обоих солдат. Быстроногий унтер, как горный козел, тремя прыжками перескочил шоссе и юркнул в кусты. С досады сержант пустил вдогонку длинную очередь.

Лишь нескольким гитлеровцам удалось спастись. У дороги разведчики подобрали семь автоматов и две гранаты.

После такой перепалки можно было ожидать погони или прочесывания, и сержант быстро увел группу в глубь леса.

Пулеметчика Багрий допрашивал на ходу. Станислав Дембицкий, смешивая польские слова с русскими, расска-

---

¹ «С вами бог!» (нем.)

² Назад! (нем.)

³ Руки вверх! (нем.)

зал, что до войны работал шофером в Варшаве. Фашисты расстреляли всю его семью, сожгли дом на Маршалковской...

— Как же вы оказались в немецкой форме? — оборвал его Багрий.

— Вывезли меня в Германию. Работал на военном заводе в Руре. А две недели тому назад всех славян насильно мобилизовали. Одним дали карабины, а мне — пулемет.

— И вы с маткою бозкою в сердце пошли на фронт, против своих же братьев поляков, против русских?

— Я радовался, что мы идем на восток, надеялся убежать... Пан начальник, я хочу драться с фашизмом. Прошу вернуть мне оружие!

— Придет время — вернем, — пообещал Багрий. — А сейчас отвечайте на мои вопросы. Что за подразделение?

— Пополнение для двести семьдесят пятой пехотной дивизии.

— Куда шли?

— Не знаю... Ober-лейтенант говорил, что нас встретят представители дивизии...

— Какую военную технику видели в пути?

— Везде, особенно вокруг Берлина, сооружаются всевозможные укрепления. Очень много окопов, траншей... Танки видел из дивизии «Охрана фюрера». Вот и все... Как на исповеди...

— Ну хватит. — Багрий подошел к радисту. — Сообщите, что к трем танковым дивизиям — «Богемия», «Охрана фюрера» и двадцать первой танковой — следует добавить двести семьдесят пятую пехотную. — Сержант повернулся к Яремчуку и тихо сказал: — Перевяжи мне плечо, зацепила гитлеровская...

Разговор с «Камой» не затянулся. Чернов свернул радию и подбежал к Багрию:

— Товарищ сержант! Немцы знают о нашей группе. Зондеркоманды с овчарками уже прочесывают прифронтовой лес. «Кама» перехватила их радиопередачу...

— Плохо! Значит, назад пути отрезаны, — нахмурился Багрий. — Пойдем на северо-запад: в заболоченной местности собакам тяжелее. Мигом!

Вот как обернулась легкомысленность на шоссе...

Разведчики миновали перелесье, углубились в густой лес. Шли быстро, но осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Нахмуренные дубы молчали, а ели опустили разве-

систые лапы до самой земли... Вспугнутый Яремчуком ворон, захлопав крыльями, взлетел на верхушку ели и закричал так громко, словно с него живьем перья обдирали...

— Старый идиот! — выругался Багрий.

Среди могучих дубов появилась ольха, воздух стал влажным. Невдалеке тихо журчала вода. Яремчук, шедший в дозоре, остановился перед ручейком, достал палкой дно и вошел в воду. За ним — другие бойцы. Брели неторопливо, чтобы избежать плеска. Ручеек все дальше расширялся, к ногам прилипал ил. Пройдя по течению метров четырехста, разведчики выбрались на левый берег и побежали между ровными рядами молодого сосняка. За ним начался смешанный лес. В орешнике сержант остановил отряд.

— Перекур, пепел и окурки тщательно замаскируйте!

Пошел по рукам багриевский кисет; закурили все, даже Макаров, который никогда не держал папиросу в руках...

На востоке по-старчески кашлянула зенитка. С той же стороны, только значительно ближе, затрещали немецкие автоматы — наугад, длинными и короткими очередями. Тут же донесся хриплый лай: овчарки, видимо, рвались с поводков...

— Бегом! — тихо приказал Багрий.

Бойцы бежали редколесьем, продирались сквозь чащу, а треск автоматов настигал их, обходя справа. В чаще выстрелы беспорядочно откликались и гулко доносились до разведчиков.

Дебри ступили. За деревьями появилась хорошо утрамбованная лесная дорога. Разведчики неслышно подошли к придорожным кустам. Багрий выглянул. По дороге, шипя и подвывая, дребезжал грузовой «оппель». В кузове тряслись люди в полосатых концлагерных куртках, рваных ватниках и серых шинелях. Четверо охранников сидели по углам кузова с автоматами наготове. Рядом с шофером в кабине находился немец в очках с золотой оправой, по-видимому начальник охраны. Левой рукой он показывал на километровый столбик; водитель выключил мотор, и теперь «оппель» катился по инерции. Решение созрело мгновенно, и даже риск попасть в заключенных не мог заставить Багрия действовать иначе.

— Группа, — зашептал сержант, — по фашистам в кузове! А я очищу кабину... Огонь!

Узники сначала остолбенели от страха, потом, заметив

Яремчук... достал палкой дно и вошел в воду.

мертвых немцев, схватили их оружие и начали прыгать за борт.

— Стойте! — крикнул Багрий, выбегая на дорогу. — Макаров и Яремчук, возьмите документы и одежду убитых. А вы, товарищи, — обратился он к заключенным, — помогите бойцам спрятать трупы. Вон туда, под мостик... Быстрее!

Пока бойцы и заключенные выполняли этот приказ, Багрий переоделся в мундир начальника охраны, перелистал немецкие «зольдбухи»¹ и поманил к себе Дембицкого:

— Станислав, вот тебе пропуск и документы шофера. Садись за руль — сыграем под немцев.

Дембицкий нажал на стартер; мотор, прокашлявшись, заработал.

— По местам!

— Минуточку, товарищ сержант! — подпрыгивая на одной ноге, Макаров пытался натянуть на себя узенькие немецкие штаны.

— В пути! — бросил Багрий. — Если задержат патрули, действовать по команде!

— Товарищ командир! — наклонился через борт военнопленный в дырявой шинели. — Позвольте нам разбежаться по лесам... Вы — на запад.

— Так поступать я вам запрещаю. Слышите собачий концерт? Везде облавы, вас быстро схватят... Трогай, Станислав!

Вскоре лесная дорога вывела на шоссе. Мимо грузовика к фронту проносились опрятные «оппель-адмиралы», «мерседес-бенцы», грохотали бронетранспортеры, выкрашенные в цвет хаки, средние танки, покрытые огнеустойчивым серовато-желтым асбестом. Багрий настороженно осматривал встречный поток. Немцы не обращали внимания на дребезжащий «оппель»; по-видимому, никто из них даже допустить не мог, что узников концлагеря конвоируют советские разведчики. Да еще в машине, которая несется на Люббен, в глубь рейха!

Возможно, встречные немцы не слышали передачи прифронтной радиостанции. А вот контрольные посты гитлеровское командование, наверное, предупредило. Когда подъехали к темно-зеленой будке со свастикой в белом кольце, Багрий засунул руку в правый карман... Но озабоченный

---

¹ Солдатские книжки (нем.).

чем-то немец даже не посмотрел на притихших узников.

Не проверили документы и на другом посту. «Оппель» отмахал около тридцати километров. «Скоро Шпрее. Машину перед мостом обязательно остановят. Не стоит играть судьбой — надо торопиться...» Багрий открыл дверцы, выглянул из кабины. Позади — ни одной души.

— Сворачивай в лес! — приказал он поляку.

Грузовик свернул на просеку и, подминая колесами кусты и молодые деревца, выехал на небольшую поляну. Водитель выключил мотор.

— Теперь, друзья, — Багрий, стоя на ступеньке, окинул взглядом освобожденных, — мы вынуждены расстаться. Служба... Вот вам трофейное оружие — семь автоматов. Держитесь леса. Скоро наши войска придут сюда.

— Спасибо, товарищ командир! — Истощенный мужчина с обгоревшим лицом, по-видимому танкист, пожал Багрию руку. — На воле мы не пропадем. Счастливого пути!

— Будьте здоровы! Как можно меньше следов!

Освобожденные солдаты исчезли за деревьями, а разведчики, на скорую руку замаскировав грузовик, направились на запад.

К Шпрее разведчики вышли в вечерних сумерках. У берега вода манила свежей прохладой, катила легкие волны с прозрачными гребнями, а на самой середине река казалась темной и густой, как патока. С противоположной стороны к берегу подступал таинственно-угрюмый лес, над ним тянулась багрово-красная полоса, окаймленная сверху оранжевой лентой. К лесу все сильнее давило ее чужое небо.

В вечернем зареве показалось причудливое четырехкрылое чудовище.

— Братцы, дракон летит! — вытянул шею удивленный Макаров.

И в самом деле, такого дива никто из разведчиков еще не видел: черный, неповоротливый бомбардировщик «Ю-88», захлебываясь ревом, нес под собой, словно коршун в когтях, остроносого «мессера». Спаренный самолет медленно набирал высоту. Его догоняли еще два таких же чудовища. Звено летело к передовой.

«Бензину не хватает, так вот что они придумали, — сообщила Багрию. — Нагруженный взрывчаткой «мессер» автоматически отделяется и служит за огромную бомбу... И так, за рекой аэродром... Там нас навряд ли будут искать: какая

разведгруппа рискнет скрываться вблизи аэродрома?.. Ну что ж, пускай немецкие солдаты охраняют и нас... Тем временем преследователи успокоятся. Переправляемся!»

— Товарищ сержант,— шепнул из-за плеча всевидящий Яремчук,— в камышах лодка...

— Чья?

— Хозяина не видать... А если и нагрянет, то против своих не посмеет и слова сказать...

— Слишком уж цивилизованный способ, будь он неладен! Но выбирать не приходится. Присмотримся к тому берегу, чтоб не причалить к... виселице.

* * *

Три десятка бомбардировщиков держат курс на Цоссен. Под крылом — густая тьма, самолеты плывут над огромными лесными массивами. Там, внизу, притаились сотни «тигров», орудий, минометов, спит в блиндажах и окопах фашистская пехота... По радио Геббельс хвастался, что «возрожденный вермахт способен остановить стремительное наступление большевиков на Берлин...».

Командир эскадрильи майор Петров всматривается в тень. Всюду мрак.

И вдруг далеко-далеко, почти у самой земли, загорается огонек. Зеленая ракета! Откуда она взялась здесь, за восемьдесят километров от фронта, среди глухой ночи? Кто, с какими намерениями ее пустил? Пьяный немец? Или хитрит какой-то командир: пускай себе русские бомбардировщики разгружаются над безлюдным лесом? А может, ни то, ни другое...

— Данченко, видишь ракету? — спрашивает Петров у штурмана. — Что это, по-твоему?

— Вероятно,— отвечает штурман,— кто-то просит нашей поддержки или сигналил о цели.

— Где мы сейчас?

— Перелетели Шпрее, товарищ майор.

— Смотри, еще одна!

— Право же, наша ракета!

— Почему наша?

— Уверен! А почему — и сам не знаю...

— Приказывай «Розе» и «Резеде»! — Петров подает штурвал вперед.

Нос бомбардировщика ныряет вниз. Кабину заполняет вой, дрожат стрелки навигационных приборов.

— Давай! — кричит майор в шлемофон.

Штурман нажимает на кнопку бомбосбрасывателя. Вздвигнув всем корпусом, самолет выходит из пикировки.

Внизу — море огня. Так горят бензосклады. За полкилометра от разбушевавшегося пожара хорошо стал виден аэродром, на летном поле замаскировано около семидесяти машин. К зениткам бегут раздетые немцы...

Вторым заходом бомбардировщики пикируют на аэродром. Возле пылающего бензосклада — десятки новых пожаров...

Самолеты разворачиваются и ложатся на первоначальный курс.

«Удар блестящий, хотя, как бы сказать, непланный. Интересно, что болтают о налете немцы?» Майор Петров включает бортовую радиостанцию. В наушники врываются лихорадочные звуки «морзянки», бесконечные позывные, многоголосый шум. Гневный бас разносит какого-то Гольта: «Почему до сих пор не прекращены танки?» Oberst Рунге докладывает, что эксперимент «Два» осуществить не удалось... Что, что? Пехотные подразделения и зондеркоманды с овчарками напали на следы советских разведчиков. Следы привели к мостику в квадрате 18-27. Под мостиком обнаружено пятеро мертвых солдат и унтер-офицер. Далее следы разведгруппы исчезли... «Зеленые ракеты! — догадывается Петров. — Где вы сейчас? Что ждет вас впереди?..»

ПАССАЖИРЫ

По обе стороны асфальтированного шоссе мелькали пожелтевшие стволы сосен, мохнатые липы, одетые в яркую весеннюю зелень кусты терновника. Под могучим «доджем» стонали скаты. За рулем сидел шофер в новеньком летнем комбинезоне. Ветер теребил черный кудрявый чуб, выбившийся из-под пилотки.

Сержант Щербаков с грустью думал о погибших друзьях-разведчиках. Совсем недавно в ночном бою под Бреслау погиб Лютиков. В Штрелене похоронили Савченко, которого смертельно ранил гитлеровский снайпер. Вчера ночью случилось еще одно несчастье: осколком мины ранило в живот

лейтенанта Тряскина. На генеральском «додже» Щербаков и Пушкарь увезли раненого в госпиталь. Но, как говорит половица, беда не приходит одна. У Пушкаря в дороге начался тяжелый приступ аппендицита, и беднягу тоже пришлось положить на операционный стол.

В путь отправлялись втроем, а возвращаться выпало одному...

Потужив о приятелях, Щербаков нащупал за пазухой плотный прямоугольник с потрескавшимися сургучными печатями — секретный пакет командиру дивизии из штаба армии.

С правой стороны дороги ровными рядами выбивалась из-под земли молодая поросль. Под сосенкой сидели двое военных. Заметив попутную машину, оба поднялись, притоптали сигарки и дружно «проголосовали».

Щербаков притормозил. Послушный «додж» остановился как раз перед путниками.

— Солдат, куда держишь путь? — сверкнул на солнце тремя золотыми коронками рябоватый капитан.

— На запад!

— Подбросишь нас к Шпроттау?

— С дорогой душой! Прошу занять плацкартные места. — Щербаков обрадовался возможности развеять тоскливые мысли.

Капитан сел рядом со Щербаковым. Другой попутчик — старший лейтенант — как-то по-птичьему подпрыгнул на заднее колесо и перелез через борт в кузов.

— Закуривай, солдат! — достал капитан серебряный портсигар... — Трофейные... Ягодки! Ради знакомства бери себе всю пачку. Даже на передовой бойцам таких не выдают, а в тылу тем более.

— Всякие видели. — Щербаков немного обиделся: его явно приняли за тыловика.

Но сигарету взял и невольно залобовался утонченной гравюрой на портсигаре. Нежные белые руки, что держали портсигар, не понравились Щербакову. «Пальчики словно у кисейной барышни. Видно, штабист прилизанный. Или инспектора бес несет на чью-то голову».

Сквозь пахучий дымок сигареты Щербаков тайком посмотрел на шершавую ладонь, покрытую мозолями, и чувство превосходства над этим со всех сторон прилизанным интеллигентиком охватило его.

Разговаривать уже не хотелось. Щербаков молча налег на баранку и только изредка косился на своего соседа, который нервно курил сигарету за сигаретой, как будто торопился поскорее опорожнить портсигар.

На повороте офицер манерно сплюнул на дорогу и как бы между прочим спросил:

— Послушай, солдат, а ты в каком полку служишь?

— В действующем, товарищ капитан.

— Известно, не в кремлевской охране.— Губы офицера скривились в улыбке.— Я спрашиваю о роде войск. Ты — артиллерия, танки или авиация?

— Куда пошлют, там и воюю.

Щербаков понял, что разговаривает непристойно, даже резко, но его злило чрезмерное любопытство попугачика.

Лицо капитана покрылось красноватыми пятнами.

— Грубиян! Как отвечаешь офицеру! Еще небось и комсомolec!

— А комсомольцу и вовсе не подобает точить лясы с первым встречным,— пытался внести ясность Щербаков.

Наступило отчужденное молчание. Щербаков внимательно смотрел на дорогу. Обиженный капитан сопел. Намереваясь смягчить отношения, разведчик хотел было показать офицеру зажигалку, сделанную собственными руками, и искося посмотрел на соседа.

В водянистых глазах капитана промелькнуло что-то злое.

«Кто его знает, что за птица...— подумал разведчик.— Может, он ненормальный. Хлопнет, забодай его комар, из пистолета, и амба...»

Делая вид, будто он чешет колено, Щербаков незаметно передвинул кобуру с правой стороны на спину: он был левша.

— Ну, солдат, давай сюда комсомольский билет! — Костялая рука капитана вцепилась в шоферский комбинезон как раз над штабным пакетом.

— Какой бил...— Щербаков захлебнулся: холодные пальцы сжали ему шею.

Разведчик выхватил пистолет, спустил курок и резко отстранился. Это движение спасло ему жизнь: пуля, выпущенная другим пассажиром, прозвенела над ухом. Щербаков, не целясь, выстрелил в старшего лейтенанта. Тот упал навзничь.

Никем не управляемый «додж» вывернул радиатором километровой столбик и заглох в кювете.

Ошеломленный происшедшим, Щербаков не мог оторвать взгляда от мертвого капитана. Дрожащей рукой провел он по лбу. «Ну и влип же в историю... Может, они пошутили, а я с бухты-барахты сразу обоих уложил». Разведчик торопливо обшарил карманы убитых. У капитана не было ни единого документа, и это удивило Щербакова. В левом нагрудном кармане старшего лейтенанта оказалось удостоверение на имя Рябцева Харитона Федоровича, начальника связи дивизиона гвардейских минометов... Непослушными руками Щербаков спрятал завернутую в целлофан маленькую книжечку, завел мотор. «В штабе разберутся. Умел стрелять, сумею и ответить...»

* * *

В усадьбе, где расположилась дивизионная разведка, было оживленно. Старшина Татьяна получил на обозно-вещевом складе новое обмундирование для всей роты и двадцать комплектов маскировочных костюмов. Разведчики придиричиво примеряли одежду, расхваливали и тут же ругали немелых портных, на ходу перебрасываясь колкими остроумными и каламбурами.

— У тебя, Горелик, явно женские штаны, — давась от смеха, подзуживал Николай Спиридонов. — Подвяжи тесемки выше колен, будет последний крик моды — шорты для разведчика. Вот в таких штанишках да по Дерибасовской прошвырнуться! Ишь ты, не слушает, палку себе строгают...

— Не себе, товарищ сержант, — отпарировал одессит. — Надо знать народные обычаи. Это — осина! Загону этот кол на могилу последнему фашисту. А потом не грех и на Дерибасовской показаться в такой одежде!

— Быстрый ты, Женя, — с легким укором сказал Соркин. — Гитлер и другие обер-бандиты давно перекачали золото в заокеанские банки. И подводные лодки уже, будь уверен, стоят наготове. Убегут себе в Аргентину или в Уругвай, новые гнезда совьют. Нет, брат, иностранными танками эту нечисть полностью не выкорчуеть. Немецкий народ сам должен раздавить фашизм, как ядовитую змею!

— Развел свою философию! — отозвался Иванчук. — Наше дело солдатское: возьмем Берлин — и конец рейху! — Он

почти с головой нырнул в длиннющие штаны и уже оттуда крикнул: — Ку-ку, товарищ старшина!

У каменных ворот, не обращая внимания на шум и суету, спорили начальник разведки майор Воронов и командир роты лейтенант Добриченко.

Услышав знакомый рокот мотора, лейтенант оглянулся. «Додж» мягко подкатил к воротам. По смущенному лицу Щербакова ротный догадался, что случилась неприятность.

— Как Тряскин?

— Оставил на операционном столе. Врачи говорят: лейтенант Тряскин будет жить, — тихо отозвался Щербаков.

— Где Пушкарь? — Добриченко еще больше заволновался.

— Тоже будут резать... Аппендицит острый. Какой-то инфильтрат нашли.

— Неважно. Но — не смертельно. А ты почему это на Исуса Христа похож?

— Да тут такое...

— Говори быстрее!

Взволнованный Щербаков в нескольких словах рассказал о дорожном приключении, показал личное оружие офицеров, удостоверение старшего лейтенанта Рябцева. Ротный перелистал документ, присмотрелся к фото и прикусил нижнюю губу.

— Что они, пьяны?

— Нет, у меня нюх, как у гончего пса...

— А между собой разговаривали?

— Нет, товарищ гвардии лейтенант.

— Давай сюда пакет и жди меня возле машины. — Ротный повернулся к Воронову. — Из штаба позвоню «катюшникам».

Майор качнул головой и задумался. На лбу Щербакова появились морщины: «Люди ж погибли! Не воскреснут... Друзья мои будут ходить на задания, будут коллективно читать письма из дому, будут смеяться и острить... А мне — в каталажку... Как же без роты?!» Ворота показались Щербакову решетчатыми, будто тюремные окна.

— Товарищ майор, скажите по-честному: наломал я дров или, забодая его комар, действовал правильно?

— Если по букве военного устава — правильно. — Майор почесал затылок. — Но совесть не всегда подчиняется уставу. Устав, возможно, оправдает тебя: вез секретный пакет.

Но здесь,— начальник разведки прикоснулся к груди Щербакова,— покоя не жди.

Щербаков развел руками и приуныл.

— Чудеса в решетке! — крикнул из распахнутого окна телефонной станции лейтенант Добриченко. — «Катюшки» утверждают, что старший лейтенант Рябцев пропал без вести еще в январе под Германсталем. — Кроме того, их Рябцев был черный-пречерный, как грач.

— Снимите трупы и обыщите их как следует! — приказал Воронов.

Трупы положили на трофейную плащ-накидку. Добриченко решил прежде всего посмотреть, куда прошла пуля. Склонившись над убитым, выдававшим себя за Рябцева, лейтенант расстегнул медные пуговицы на груди. Под густыми рыжими волосами синела татуировка: «Luftwaffe»¹.

ПОВЕЯЛО ВЕСНОЙ...

Бесконечными рядами тянутся в багряное небо каркасы высоковольтных столбов. Трамвайные, троллейбусные провода словно рваная паутина. Зияют пробоины водонапорных башен. Молчат корпуса пригородных заводов, фабрик, гаражей. Узкие улицы перегорожены сваленными деревьями, автобусами и трамваями, трубами и бревнами, чугунными плитами, противотанковыми надолбами. Накренился к дороге массивный щит: на серебряном фоне черный медведь с двумя орлами — черным прусским и красным бранденбургским. Герб фашистской столицы накрест прошли автоматные очереди.

Рябит в глазах от реклам берлинских газет, фирм, пивных баров и магазинов. На стенах зданий, заборах, тротуарах, вдоль и поперек асфальтированных улиц — назойливые надписи: «Berlin bleibt deutsch!»².

...Хмурое предместье Берлина встретило роту старшего лейтенанта Добриченко скрежетом шестиствольных минометов, перекрестным пулеметным и автоматным огнем, треском винтовочных выстрелов. Особенно ожесточенными были схватки в зданиях, находящихся на перекрестках улиц.

¹ Luftwaffe — воздушные силы гитлеровской Германии.

² Берлин остается немецким! (нем.)

В подвалах, бронированных колпаках и подворотнях засели фаустпатронники, на верхних этажах — снайперы и автоматчики. Из переулков оглушительно стреляли танки и самоходки.

Небольшие группы разведчиков действовали самостоятельно.

Из парадного подъезда старинного особняка Добриченко наблюдал за боем. Отзвуки стрельбы подсказывали ему, каких рубежей достигли штурмовые группы.

По другую сторону улицы возвышался пятиэтажный дом, вернее его разрез. Фасад, словно рассеченный острым мечом, обвалился и лежал на тротуаре кучами кирпичных развалин. Задняя половина дома, укрепленная железными балками, выстояла. Добриченко видел разноцветные обои стен, открытые шкафы, разбросанную в беспорядке одежду, взорванные кровати. В комнате с оранжевыми обоями взрывная волна сорвала со стены портрет в тяжелой резной раме. Характерный чуб на лбу, вытаращенные глаза, острый нос, квадратные усы. Покосившийся портрет одним концом уперся в пол, другим — в стену. Грудь Гитлера подалась вперед — бесноватый фюрер, казалось, пытался удрать от расплаты на край света.

Из боковых дверей в комнату влетел Щербаков в пилотке, сдвинутой на затылок. Он сразу заметил портрет и что есть силы ударил сапогом в лицо фюрера. На полотне появилась дыра. Щербаков поправил пилотку и выбежал.

Стрельба переключалась в соседний дом — внутри его застучали советские автоматы, взорвалось несколько гранат. На шестом этаже со звоном и треском вылетела рама. В окне промелькнула широкая спина Сомова и исчезла в глубине. Затем в комнате послышался выстрел, и снова появился Сомов. Его высоко поднятая рука держала за ремень эсэсовца. Разведчик что-то говорил: губы его двигались. По-видимому, это был смертный приговор — немец, как сумасшедший, завалился и полетел из окна на тротуар.

«А что там у Кравчука?» — тревожно подумал Добриченко. Группа Кравчука захватила последний дом квартала, а дальше пробиться не смогла. До сих пор там тихо. «Непредвиденная задержка, — досадовал ротный. — Перебегу улицу; с противоположной стороны виднее».

Заметив удобный подъезд с чугунной решеткой, Добриченко, низко пригибаясь к земле, перебежал на другую сто-

рону улицы. Только в подъезде он перевел дыхание. По решетке зацокали пули. Выглянув, Добриченко заметил пулемет в подвале дома с двуглавой башней. Размахнулся и бросил гранату. «Лимонка» ухнула возле амбразуры. Пулемет уперся стволом в асфальт. Из разваленной амбразуры просочилось сизовато-белое облачко дыма и медленно растаяло.

Старший лейтенант Добриченко выглянул снова. «Что за орешек этот готический дом?.. Стены капитальные — ни один снаряд не пробьет. Окна узкие, удобные для обороны. В лоб не сунешься! Так вот почему задержался Кравчук! А время идет, дорога каждая минута... Что придумать?» Ротный быстро повернул голову вправо — к дому, где притаились бойцы Кравчука.

Из последнего этажа полетели на улицу зеленые и коричневые бутылки, как стая разноперых птиц. Три бутылки разбились в готическом здании, а все остальные со звоном разлетелись вдребезги снаружи — по стенам потекла желтоватая жидкость. Добриченко потянул ноздрями воздух: пахло бензином. «По-видимому, в подвале нашли бочку с горючим, а бутылок в каждой квартире хватает. Со смекалкой! Теперь — гранатами... Правильно, Кравчук, бей их!»

В готическом здании что-то загрохотало, наружу вырвалось высокое пламя; оно охватило фасад, перекинулось на мебель, беспорядочно сваленную в палисаднике, — стулья и кресла вспыхивали так, будто их посыпали порохом. В панике отстреливаясь, немцы отступили в соседний двор.

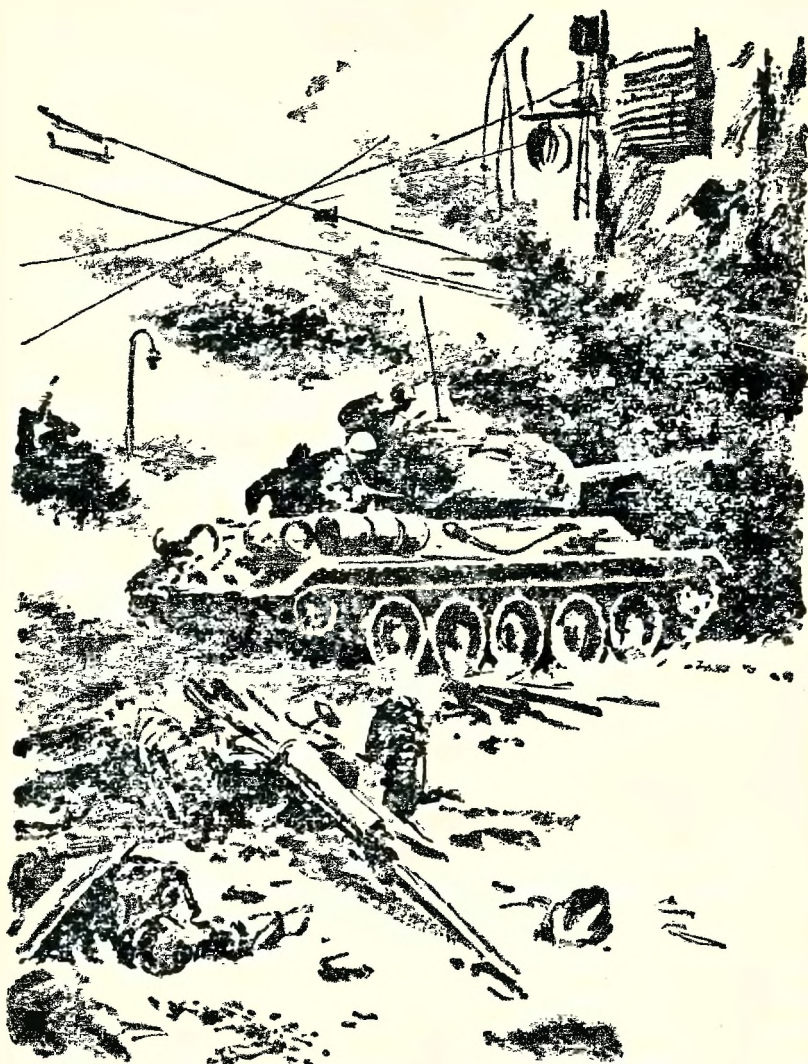
Вздрагивающие языки пламени мешали Добриченко следить за дальнейшим ходом боя. Старший лейтенант решил присоединиться к отряду Кравчука и сгоряча выскочил за калитку. В уши ударил грохот: прямо на Добриченко, рассыпая искры и посылая вдоль улицы снаряд за снарядом, мчался танк со звездой на башне. Еще секунда — и... Вот так, по-глупому!..

Надрывно заскрежетали тормоза, замерли блестящие траки. Из башни высунулся подполковник-танкист:

— Чего зря носишься? А, это ты, разведчик? Здорово! Как дела?

Добриченко тоже узнал Смирнова, своего знакомого по далекой бурной ночи на Днепре.

— Последний сабантуй, товарищ подполковник! Танкам дорогу расчищаем!

Прорвав густой дым, танк увеличили скорость.

Смирнов снял шлем.

— Моя очередь пришла, браток! Открою тебе «зеленую улицу». Бывай!

— Минуточку! — Добриченко одним махом вскочил на броню. — Я только дам команду своим... И тогда вместе, к самому рейхстагу...

— Давай!

Старший лейтенант повернулся к дому с черными проемами вместо окон, сложил руки лодочкой:

— Эй, Кравчук, я — впереди! Сорокина ко мне!

Через окно на тротуар прыгнул черноволосый старший сержант и, прихрамывая на левую ногу, подбежал к командиру:

— Флаг есть? — спросил его Добриченко.

— Так точно. — Сорокин положил руку на грудь, где выпирал из-под маскировочной рубашки довольно большой прямоугольник.

— Я тоже приготовил! — Словно из-под земли, вырос ефрейтор Баймуратов. — И гранатами запасся.

— Молодец! — похвалил ординарца Добриченко. — На танк.

Взревел мотор, дрогнули гусеницы. Танк «Т-34» двинулся к центру. Из-за грязно-серого здания, что подпирало небо готическим шпилем, клубилась дымовая завеса. Прорвав густой дым, танк увеличил скорость.

Из окон и чердаков стреляли — на свежевыкрашенной броне появлялись всё новые и новые царапины.

Автоматы Баймуратова и Сорокина прочесывали подзорительные окна. Время от времени башенный стрелок разворачивал пушку, и танк содрогался от громыхающих выстрелов.

Еще издали Добриченко заметил снайпера, который прицелился за подбитым бронетранспортером. Фашист было нацелился, но ротный опередил его.

«Тридцатьчетверка» на ходу повернула влево, и Добриченко узнал уродливо-монументальное строение, растянувшееся на весь квартал. Снимки имперской канцелярии печатались в конце сентября 1942 года во всех немецких газетах: «Фюрер вещает окончательную победу над Россией!» Тогда оставалось пятьсот метров до Волги... Теперь такое же расстояние до рейхстага!

Бой кипел. Рушились в воздухе целые дома. Корчилось

железо. Огонь уничтожал всё. Черный дым застилал горловины улиц, забирался на чердаки, клубился над городом, пытаясь проникнуть во все уголки умирающего рейха...

А танк все летел, размалывая гусеницами фашистские пулеметы, мотоциклы, орудия. И не было уже в мире силы, которая способна была остановить его.

Из загроможденной разной ружлядью Фоссштрассе «тридцатьчетверка» прорвалась на площадь перед Бранденбургскими воротами.

Взгляд Добриченко скользнул по черным облезлым колоннам, вздыбленным коням, закованным в латы всадникам. Одному из тевтонцев снарядом снесло голову. Конь под вторым рыцарем держался на одной ноге. Призраки средневековья...

За Бранденбургскими воротами гигантским костром пылали рейхстаг. Казалось, огонь со всего мира собрался сюда, чтоб навсегда выжечь фашистскую чуму... Возле западного подъезда дымился шестиколонный портал с тяжелой всадницей на коне. А вверху, на семидесятиметровой высоте, рядом с полуразбитым стеклянным куполом развевался красный флаг. Двое автоматчиков по-хозяйски закрепляли древно знамени.

Добриченко, Баймуратов и Сорокин спрыгнули на землю. Из танка вылез улыбающийся подполковник Смирнов. Руки Сорокина виновато опустились.

— Опоздали... Обскакал нас Первый Белорусский...

— Чудак ты, разведчик! — Танкист хлопнул Сорокина по плечу; его голос очистился от хрипоты, окреп. — Важно то, что этот флаг советский и видит его вся планета. Салют тебе, знамя Победы!

Смирнов взмахнул пистолетом и разрядил в небо целую обойму. Разведчики подхватили этот салют.

Стреляли все... Из пистолетов, из автоматов, из ракетниц... И сквозь черные клубы дыма над берлинскими пожарницами впервые за много-много лет повеяло настоящей весной...

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Командир роты Добриченко недовольно поморщился: с наблюдательного пункта, наспех оборудованного ночью, местность просматривалась плохо. Правда, справа отчетливо вырисовывались узенькие темные полоски гитлеровских траншей. Слева возвышалась длинная ольховая роща. Она как раз и мешала командиру роты рассмотреть окопы на вражеском берегу по-весеннему мутной речки, которая причудливо огибала небольшой луг, поросший редкими кустами, и, едва касаясь отдельных изб западноукраинского села Барановки, исчезала за косогором.

«Ну ничего,— подумал Добриченко,— все равно удобнее этого места для наблюдения за противником не найти. Да и сидеть здесь долго не придется: подкрепление прибывает каждый день. Эх, весна, весна! И воевать весной легче: каждый кустик ночевать пустит». Лейтенант сладко потянулся, присел на бруствер и задымил.

Привыкшие уши разведчика улавливали множество различных звуков.

На отлогом склоне высоты тихо журчал ручеек. Где-то деловито выстукивал неутомимый дятел. В окопчике боевого охранения дважды щелкнул затвор карабина: опрятный пехотинец закончил чистить оружие. С востока доносился мерный шум моторов: разбитыми дорогами сновали груженные автомашины. Они подбрасывали ближе к фронту боеприпасы, горючее, продовольствие. Подтягивались тыловые подразделения, отставшие во время стремительного наступления передовых частей.

Внезапно к разноголосице звуков присоединился неприятный, ноющий гул вражеских самолетов. Добриченко поднес к глазам бинокль — на горизонте появилась эскадрилья «мессершмиттов».

Наши зенитные батареи встретили истребителей плотным огнем: все небо покрылось белыми облачками разрывов. Боевой порядок фашистов нарушился; «мессершмитты» стали поодиночке нырять над лесом, в двух километрах от наблюдательного пункта.

Будто зная о том, что в молодом ельнике спрятаны огромные склады боеприпасов и горючего, фашистские коршуны с остервенением обстреливали лес длинными пулеметными счередями.

Добриченко, волнуясь, вслух начал ругать артснабженцев, досталось зенитчикам и летчикам.

Тем временем один из «мессершмиттов» неуклюже грузился носом в перистое облачко и, прочертив в небе огненно-черную полосу, камнем пошел вниз. Из пылающего самолета тотчас же выпрыгнул летчик. Падал он долго, без каких-либо признаков жизни, не раскрывая парашюта. Лейтенанту показалось, что сбитый летчик и на самом деле мертвый. Но шелковый купол парашюта наконец распустился, и немец начал что есть силы размахивать ногами, чтобы попутный восточный ветер перенес его за речку, к своим.

— Хочет удрать, лиса! — пробасил Сомов, находившийся вместе с Добриченко на наблюдательном пункте.

— Не выйдет... Останешься за меня! — приказал лейтенант Сомову и легко перебросил свое упругое тело через бруствер.

Добриченко широкими прыжками преодолел расстояние к опушке и шмыгнул в ольховую рощу. Между деревьями бежать было трудно: там и сям торчали подгнившие пни, ноги застревали в прошлогодних полуистлевших листьях, ветки больно хлестали по лицу. Чтобы не потерять из виду вражеского летчика и определить, в каком направлении он движется, Добриченко изредка запрокидывал голову. Когда лейтенант выбежал из рощи, фашист раскачивался прямо над головой. Летчик сгоряча выхватил из черной кобуры парабеллум и выстрелил. Добриченко вздрогнул: пуля просвистела у самого уха. Он быстро вскинул пистолет и скорее почувствовал, чем увидел, что промахнулся: после бега стрелять было трудно.

Гитлеровец полоснул небольшим кортиком по стروпам. Парашют взвился, а летчик прыгнул лейтенанту прямо на плечи. От сильного удара Добриченко не устоял на ногах. Рядом с ним упал фашист. Оба одновременно вскочили и, с яростью набросившись друг на друга, покатались по влажному прибрежному песку. Добриченко несколько раз старался подмять врага. Но тот был не из слабого десятка, ловко изворачивался и наконец оказался сверху. В лицо Добриченко уставились дикие, красные глаза. Лейтенант отчаянно рванул фрица на себя и головой сильно ударил его в острый подбородок. Лязгнув зубами, немец сразу обмяк...

...Пленного допрашивал командир дивизии генерал Бак-

ланов. Добриченко, просматривая документы летчика, переводил:

— Ваше имя и фамилия?

— Карл Гиммель.

— Год рождения?

— Одна тысяча девятьсот восемнадцатый.

— Звание?

— Майор.

— Должность?

— Командир истребительного полка... Перед вами мои документы. Надеюсь, вы умеете читать?

— Умею. Отвечайте. К какой партии принадлежите?

— Ни одна партия меня не интересует. Больше отвечать не буду.

— Не надо,— сказал по-немецки Бакланов.— Сейчас лейтенант вас отправит куда следует.

Вскоре послушный «додж» мчался по асфальтированному шоссе в штаб армии. Машину вел Добриченко. Рядом с ним развалился пленный майор. В кузове вполголоса разговаривали Щербаков и Сомов с автоматами наготове.

Пленный закурил сигарету. Добриченко заметил, что без разрешения в машине курить нельзя, и спросил:

— Герр майор, чем вы занимались до армии?

— Работал наборщиком в типографии.

— Интересно, что привело вас, рабочего, в гитлеровский вермахт?

— Мне надоело жить в бедности. Не нищенствовать же всю жизнь... Извините, как ваша фамилия?

— Лейтенант Добриченко.

Гитлеровец несколько раз произнес трудную фамилию и, в свою очередь, поинтересовался:

— А вы, лейтенант, кем были до войны?

— Собирался учиться на филологическом факультете университета.

— О, вы знаете Гете, Гейне, Лессинга?

— А вы их не знаете? Забыли на время или навсегда?

— Они дороги коммунистам, а для...

— А для профессиональных убийц — вечные враги! Так вы хотели сказать, герр майор?

— Я не убийца, я солдат. Солдат должен выполнять приказы...

— Но и у солдата есть мозги!

— Слишком умных охотно принимали застенки Бухенвальда. Надеюсь, вы слышали об этом райском уголочке?

— Вы испугались гестаповских застенков?

— Не собираетесь ли вы меня поучать?

— Напрасный труд! У свиньи хоть хвост, хоть ухо отрежь — свиньей останется. Вами можно украсить только висилицу!

На лице гитлеровца не дрогнул ни один мускул.

Прошло пять лет. Весенний Киев потонул в пышном цветении каштанов. Павло Добриченко не мог наглядеться на белоснежные свечи и ярко-зеленые свежие листья.

Он успешно сдал последний экзамен по украинскому языку в столичном университете, получил назначение на работу и теперь спешил в городскую кассу за билетом на поезд. Завтра он будет рассказывать своей ласковой, суетливой матери о планах на будущее.

На улице Ленина было многолюдно. Павло заглядывал в улыбающиеся лица, прислушивался к шуткам и радовался: жизнь уверенно и просто вошла в мирную колею.

— Добриченко! Добриченко!

Павло остановился. Непривычное произношение его фамилии со странным ударением поразило слух. К тому же голос был совсем незнакомый. Добриченко обернулся, но никого из друзей не заметил. Только высокий худощавый блондин в сером, хорошо сшитом костюме направлялся к нему твердой походкой военного. В памяти Павла, как в калейдоскопе, замелькали люди и события, города и села, леса и высоты, родная земля и чужие страны. Но припомнить, где и при каких обстоятельствах видел он это знакомое лицо, Павло не мог.

— Здравствуйте, — вежливо поклонился блондин.

— Добрый день! — подал руку Добриченко.

— О, вы мне даже руку... Как это сказать — не ожидаешь?

— Майор Гиммель? — Узнав летчика, плененного в Барановке, Павло сразу перешел на немецкий язык. — Я тоже не надеялся, что вы... запомните мою фамилию.

— Так вас несколько раз называли советские солдаты... И вы так называли себя тогда, на «додже».

— Откуда вы? И куда держите путь?

— Можете говорить по-русски. Я все понимаю. Вот только произношу слова очень плохо. Четыре года был за Уралом в лагере немецких военнопленных. Работал там. Теперь — домой, в Германию.

— Ну что ж, если уж встретились, так давайте присядем. Поговорим. Наверное, есть о чем...

— О, конечно, с большим удовольствием. У вас есть время?

Они пошли в сквер: сели на скамейку. Добриченко внимательно посмотрел на немца. Тот смутился и начал растерянно шарить во внутреннем кармане пиджака.

— Извините, вот документы.

Добриченко вежливо отстранил протянутые бумаги.

— Лучше расскажите.

— Пожалуйста. Через месяц после того... неудачного приземления... я попал на Урал. Высокие скалистые горы. Хвойный многолетний лес. В лесу — лагерь. В лагере было много немецких военнопленных. Как сказать — разные люди?.. Кормили и одевали нас хорошо. Нет, нет, совсем не обижали. Об этом и разговора не может быть. Работы было много. Старших офицеров не посылали на тяжелую работу. Но я ходил сам — как это сказать? — добровольно. Тесал камень, рубил лес, корчевал пни, рыл котлованы. Ежедневно выполнял полторы нормы. Тяжело... Думал, не выдержу...

А местным жителям было еще хуже. Не работа — каторга... И так изо дня в день... Немыслимо! А ваши люди идут как на праздник! Я долго не мог понять... Все время расспрашивал, наблюдал... И вдруг понял: радость созидания! Не для себя — для всех! Окно в новый мир открылось...

Он вынул портсигар, предложил Павлу папиросу и тихо продолжал:

— Пленных, которые хорошо работали, потом перевели на строительство завода. Как это сказать — огромный?.. Мы работали вместе с местными жителями. Военнопленные получали больше продуктов, чем уралыцы. Каждое утро, идя на работу, я встречал девочку-школьницу. У нее были карие глаза и маленькие руки — желтые и высохшие, как у старушки... — Гиммель опустил голову и глубоко затянулся папиросным дымом. — Однажды я возвращался с продуктами в лагерь. Увидев малютку, я протянул ей буханку хлеба и

кулек с сахаром. Она покачала головой и горько прошептала: «Ты — немец!» В тот день я не пошел на работу, а убежал в лес... Там, на куче бурелома, я долго думал... Словно петлей что-то стянуло мне шею... Потом на заводе мне сказали, что слесарь Федор Чуйков, отец Наташи (так звали девочку), погиб на фронте...

Добриченко отчужденно смотрел куда-то вдаль, за красный корпус университета, и нервно жевал окурочек.

— Почему вы запомнили фамилию ее отца? — Голос Павла задрожал. — Чем она дорога для вас, майора гитлеровской армии?

— Каждое утро я видел не по-детски серьезную Наташу. А вечерами следом за мной, не отставая ни на шаг, как привидение, ходил мертвый Чуйков. Это был какой-то кошмар. Но благодаря ему я многое понял...

— Нет, наверное, вы не все поняли... Скажите, вы знаете город Шпремберг?

Немец утвердительно кивнул головой.

— Так вот, в апреле 1945 года советские танки форсировали реку Шпрее. На набережной из головного танка выскочило двое русских в маскировочных костюмах. Сориентировавшись, они повернули в узкий переулок.

Возле водонапорной колонки солдаты остановились и развредили карту. Почти рядом горел четырехэтажный дом. Трещала штукатурка. Со звоном вылетали оконные стекла. Изредка еле слышно из дома доносился детский плач. «Качни немного, старшой, — попросил усатый солдат и полез под кран. — Посмотрим, кто там?» Он пофыркал, отряхнулся, как гусь, только что вылезший из воды на берег, и исчез в подъезде.

Тем временем его товарищ поправил на голове бинт, старательно измерил циркулем какое-то расстояние на карте, потом подошел ближе к пылящему дому. Наконец глухо грохнула дверь, и в то же мгновение на улицу выбежал солдат. Его лицо было в саже, вместо усов торчала обгоревшая щетина. Изорванная в лохмотья одежда дымила. К груди он крепко прижимал маленького мальчика. Они не заметили, как в здании на противоположной стороне улицы открылось двусторчатое окно. В нем появилась фигура эсэсовца... Раздался выстрел. Почти одновременно прогремел другой, — солдат с перебинтованной головой не промахнулся... — Добриченко отвернулся и, не глядя на Гиммеля, тихо продол-

жал: — А усатый широко раскинул руки и, как подрубленное дерево, упал на мостовую. Это был кадровый уральский рабочий Федор Чуйков, отец вашей маленькой знакомой. Между прочим, вынесенного из огня мальчика звали Эрих Лид. Красивая фамилия...

— На немецком языке «лид» — это «песня», — вздохнул Гиммель. В его прищуренных глазах застыли крупные слезы.

Несколько минут оба молчали. Добриченко положил руку на колено немца.

— Если через пять лет после войны плачет солдат... Это страшно! Возможно, я жесток. Но мне больно. Пускай так же больно будет и вам. У меня есть такое право. Вот эти руки засыпали могилу Чуйкова. И ими же, вместе с товарищами по курсу — до изнеможения, до обмороков, — грузил в киевском порту пятипудовые ящики, чтоб отослать дочери Федора считанные копейки. Никому не сказал бы... Говорю об этом только вам, как солдат солдату.

Наступило долгое молчание.

Гиммель, дрожащими пальцами разминая сигарету, как-то виновато произнес:

— Возможно, я слишком... Но если придется побывать в Берлине, заходите: Грюнерштрассе, девятнадцать дробь семь. Демократический сектор...

Потом он нерешительно протянул свои документы:

— Пожалуйста, посмотрите. Мне разрешили вернуться на родину самостоятельно.

— Спрячьте. Мне тяжело, Карл, но я хочу вам верить. Очень хочу верить, что в третий раз мы встретимся настоящими друзьями. Поинтересуйтесь, как живет и растет Эрих Лид. Пускай этот мальчик, спасенный Федором Чуйковым, будет вашей совестью...

Они одновременно поднялись со скамейки. Гиммель крепко пожал руку Добриченко.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

— Катря Николаевна! Катря Николаевна! Наши дорогие победители возвращаются с войны. За селом под яворами стали на привал... Не меньше дивизии, с оркестром! Может, и ваш Павлуша... — Сельский почтальон дед Кузьма

зашелся кашлем и побежал с радостной вестью в другие дворы Лелековки.

Взволнованная Катря Николаевна поспешно наполнила кошелку ранними яблоками, схватила кувшин с молоком и замерла: что-то больно кольнуло в сердце.

Вспомнила тяжелый иконь сорок первого. Тревожные вести с фронта... Толпы перепуганных беженцев на долгих дорогах...

Тогда она провожала на войну трех сыновей. Самый старший — веселый колхозный бригадир Василий, — обнимая мать, утешал:

— Ждите, мама, с победою в начале августа. А то еще и раньше зададим перцу фашистским разбойникам.

— Конечно! — подхватил средний, всеми уважаемый учитель Николай Иванович. — Вот подойдут основные силы Советской Армии и прогонят гитлеровскую свору прочь.

Павлуша, только что окончивший десятилетку, молча положил в мешок чистое белье, носки, снял со стены фотографию покойного отца.

— А ты ж куда, сыночку? Тебя ж никто не возьмет в солдаты! — вскрикнула и не услышала собственного голоса мать.

— Кто же меня должен брать? Я сам...

Выпрямился — худенький, безусый, совсем подросток. Трижды поцеловал мать и, не оглядываясь, переступил за братьями порог...

С той поры время остановилось...

Василия подстерегла под Смоленском фашистская пуля. В волжском небе, протаранив чернохвостого «юнкерса», погиб Николай. В живых остался младший, да и от того ни слуху ни духу...

На третий день после освобождения Лелековки пришла первая весточка от Павла. Теперь сын писал регулярно — через день. Правда, письма часто казались ей немного странными: начало написано фиолетовыми чернилами, на полуслове фраза вдруг обрывалась, и дальше шло продолжение черным или цветным карандашом, последние строки писались синими или зелеными чернилами. Иногда коротенькое письмо лежало в планшетке гвардии лейтенанта Добриченко в течение нескольких дней. Кто знает, что происходило тогда на фронте — гремел ли очередной артиллерийский на-

лет или рвались вражеские бомбы, хлопотала ли атака или выполнялось срочное боевое задание? Потом мать поняла: писал Павлуша тем, что было под рукой, поэтому и письма выходили разноцветные, пестрые.

В одном из писем-треугольников сын прислал фотокарточку — в широченной сорочке с большими черными и серыми пятнами. Катря Николаевна похвасталась фотографией деду Кузьме. Старик, шевеля желтыми от самосада усами, важно заявил:

— Павлушка ваш в разведчиках ходит. Это маскировочный костюм — он зеленый, с коричневыми и серыми пятнами. Ну, а на карточке оно так запечатлется...

Из Варшавы мать получила другую фотокарточку: ей приветливо улыбался молодой офицер — на каждом погоне по три маленьких звездочки, на груди — пять орденов. И на этот раз не обошлось без рассуждений вездесущего деда Кузьмы:

— Боевой ваш Павлуша. Вся грудь в крестах! И чином слава богу. В старое время звался поручиком, а по-теперешнему — старший лейтенант.

После Дня Победы письма так же — через день — приходили из Чехословакии. Только уже не измусоленные треугольники, а конверты с рисунками пражского Кремля, площади Вацлава, Народного театра. Павло восхитился красотой Праги, чешским народом, но признавался, что его нестерпимо тянет на Родину, в родные леса, на зеленое лелековское раздолье... Обещал вернуться к Октябрьским праздникам...

Много раз перечитывала она дорогие письма, на ночь клала их под подушку, а утром просыпалась с мыслями о сыне.

И все ждала, ждала...

«Ну и что? — размышляла она, торопливо шагая к густым яворам, охранявшим село, будто часовые. — Может быть, начальство передумало, и фронтовики вернутся раньше... Всяко бывает...»

Взбежав на холм у окраины села, Катря Николаевна увидела, что весь колхозный луг усеян солдатами. Одни читали свежие газеты, другие тихо разговаривали, третьи просто лежали на разостланных плащ-палатках.

Многолюдно было и по обеим сторонам шоссе. Обрадованные лелековчане нанесли сюда пирогов, молока, яблок,

наперебой угощая долгожданных гостей, приглашали ночевать.

Матери любовно всматривались в загоревшие, обветренные лица, интересовались, кто откуда, расспрашивали бойцов о всякой всячине. В проворных руках женщин сновали иголки, нитки, пуговицы.

Немного поодаль шутили с девушками молодые бойцы. А под самым высоким, разросшимся осокорем, собрав вокруг себя довольно большую группу солдат, митинговал говорливый дед Кузьма. Он рассказывал о чем-то смешном, размахивая руками, как ветряк. Над осокорем время от времени взлетал дружный хохот и сразу же стихал в густых ветвях. Катря Николаевна зашагала к дородному солдату с тремя полосками на погонах.

— Добрый вечер! Угощайся кисляком, сыну,— сказала она, доставая из кошелки чашку.

— Благодарю сердечно! Кисляк от жажды помогает,— согласился сержант.

Он деловито опорожнил две чашки, ополоснул посудину водой из фляги.

— Спасибо, полегчало. Еще полтысячи километров можно отмерять.

— Издалека идете? — поинтересовалась Катря Николаевна.

— Из Чехословакии путешествуем. Сначала поездом ехали, сейчас своим ходом добираемся.

— А моих двое погибло,— вздохнула Катря Николаевна.

Сержант печально склонил голову:

— Пуля не разбирает...

— Ты, часом, не с Первого Украинского фронта?

— Так точно, оттуда.

— Меньший мой тоже на Первом Украинском. Пишет, что дома будет в ноябре...

— Раньше придет, вспомните мое слово! — уверял сержант. — В Чехословакии порядок.

— А у вас разведчики есть?

— А как же! Вон возле копны сена барахтаются. Беспокойный народ: ночью где-то рыскают, днем спят или снова куда-то исчезают. Как, говорите, фамилия сынка?

— Добриченко Павлуша.

— В нашей разведке нет такого.

Прозвучала труба.

— На ужин сигнал. Может, и вы солдатской кашей не побрезгуете? — спросил сержант. — Наш кашевар щедрый...

— Нет, не могу. Надо с коровой управиться, — ответила Катря Николаевна. — Вот вашим товарищам яблочки...

Она высыпала розовощекие плоды на плащ-палатку и отправилась домой.

Прошло два дня. А на рассвете третьего Лелековку разбудил духовой оркестр. Катря Николаевна быстро переоделась в праздничный наряд, набросала в передник яблок и выбежала на шоссе.

Оркестр уже вступил в село. За ним медленно ехал заклепанный во многих местах «виллис». Над водителем склонилось зачехленное знамя. Дивизионную святыню охраняло трое бойцов с автоматами в руках.

За «виллисом» двигались колонны солдат. Офицеры шли по тропинке, что извивалась вдоль шоссе.

Первую колонну вел высокий чернявый капитан в зеленовато-коричневых маскировочных шароварах. «Разведчик!» — всполошилась Катря Николаевна и, ускорив шаг, догнала красавца.

— Товарищ офицер! Товарищ офицер... — только и проговорила от волнения.

Капитан остановился и посмотрел на седую женщину своими черными как уголь глазами.

— Что случилось, мамаша?

Катря Николаевна смущенно протянула капитану несколько ароматных яблок:

— Это сын мой выращивал... Может, слышали — старший лейтенант Добриченко?

Капитан, стараясь припомнить что-то, виновато пожал плечами:

— Много старших лейтенантов знаем, а такого не слышали, мамаша.

Женщина засуетилась.

— Вот его фотокарточка... Может, узнаете...

Капитан окинул быстрым глазом фотоснимок и вдруг широко, солнечно улыбнулся.

— Амханаго¹, побратим, разведчик! Теперь будем знать, мамаша! Непременно!

---

¹ Амханаго (груз.) — друг.

Он гордо поднял голову, подал команду. Рота разведчиков, как один повернувшись влево, сделала пять шагов вперед и застыла перед седой солдатской матерью. Капитан до пояса поклонился Катре Николаевне, поцеловал сморщенную, натруженную руку.

— Привет сыну. Пусть ваша встреча будет светлой, как солнце Кахетии! До свидания, мамаша!

Рота двинулась, а Катря Николаевна еще долго махала рукой. Ей казалось, что это возвратился Павлуша... Он только разведет усталых солдат по домам и принесет в хату запах свежего меда, созревшей пшеницы, родной земли...

СОДЕРЖАНИЕ

Разведчик об отважных разведчиках	5
Необычный экипаж	9
И следы замело...	17
На гребне войны	23
За машиниста	29
Не мог иначе	36
Нет, не призраки!	43
Лунные ночи	50
Двадцатый	53
Одни сутки	58
Посылка	67
Дальний рейд	74
Серезка с Малой Бронной	82
Гость из леса	92
Будет жить	98
Страшно	105
Сын роты	113
Во вражеском дзоте	124
Зеленые ракеты	129
Пассажиры	137
Повеяло весной...	142
Две встречи	148
На родной земле	154

Для среднего и старшего возраста

Ковальчук Александр Владимирович

РАССКАЗЫ РАЗВЕДЧИКА

Ответственный редактор М. Ф. Мусиенко. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор Л. В. Кржижановская. Корректоры К. П. Тягельская и Т. Ф. Юдичева. Сдано в набор 30-1 1968 г. Подписано к печати 12-IV 1968 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,33. (Уч.-изд. л. 8,85). Тираж 50 000 экз. ТП 1968 № 415. Цена 40 коп. на бум № 1. Издательство „Детская литература“. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Рославполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суцевский вал. 49. Заказ № 2003.

Цена 40 коп.